ОГОНЁК
№ 27 ИЮНЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Выставка достижений народного хозяйства СССР. В павильоне Академии наук СССР.

Фото Б. Кузьмина и В. Тарасевича.

На первой странице обложки: Валентина и Камиль Хайруллины — выпускники Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова (Ленина). Молодые метеорологи недавно поженились и уезжают на работу в Сибирь.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Ильменское озеро. Урал.

Фото Галины Санько.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 27 (1672) 28 ИЮНЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСЬ ОПЫТ, ВСЕ ПОМЫСЛЫ — РОДИНЕ

Вслед за владимирцами — свердловчане... Вслед за горьковчанами — москвичи, ленинградцы, белорусы...

Все новые и новые коллективы экономических административных районов включаются в общенародное социалистическое соревнование за досрочное выполнение семилетки.

Вдохновленные величественной программой коммунистического строительства, начертанной XXI съездом КПСС, труженики нашей индустрии принимают повышенные обязательства по развитию производства, подъему производительности труда, освоению новой продукции.

Рабочий у станка, конструктор над чертежами, строитель на башенном кране, горняк в недрах земли... Имя им — легион! Все свои силы и опыт, все свои творческие помыслы и кипучую инициативу советские люди отдают любимой Родине, стремясь обогнать время, приблизить день завершения семилетнего плана.

Разнообразнейшие машины, совершенная автоматика, могучая техника, которой щедро оснащены наши заводы, фабрики, шахты, стройки, облегчают трудовые усилия советского человека, ускоряют победоносное шествие народа-созидателя вперед, к коммунизму!

Московский трубный завод. На электротрубопрокатном стане полосы стали превращаются в связки готовых отполированных труб. Здесь все делают машины. Рабочему остается только регулировать силу тока.
Фото А. Гостева и О. Кнорринга.

Ленинград. На заводе «Электропульт» заканчивается сборка щитов управления для Сталиногорского химического комбината и других предприятий.
Фото Б. Уткина.

Свердловск. На Уральском заводе химического машиностроения карусельный газорезательный станок выполняет обработку больших узлов в несколько раз быстрее, чем прежде это делалось на металлорежущих станках. У станка газорезчик Н. И. Семаненко.
Фото Н. Ситникова.

Заметки с ВДНХ

В людском потоке

А. СТАРКОВ

Четвертый день брожу по выставке — из павильона в павильон. И все время мое внимание раздвоено. Привлекают машины, станки, приборы, макеты, карты, фотографии. Но еще сильнее влекут, притягивают люди.

1. Двое

Я увидел их в главном павильоне у экспоната, которым, собственно, и открывается вся экспозиция грандиозной выставки. Он не велик, хотя, как фотокопия, занимает значительно больше места, чем оригинал. Но величие его не в размерах.

Тот из двоих, кто находился ближе ко мне, читал вслух, правда, совсем тихо, только товарищу, но все же многое и я расслышал:

— К гражданам России! Временное правительство низложено... Дело, за которое боролся народ... это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!..

Второй напряженно слушал, все время кивая головой.

— 25 октября 1917 года, 10 часов утра! — отчеканил читавший дату бессмертного документа.

И оба одновременно повернули головы к противоположной стене. Там во всю стену карта мира. Там государственные флаги социалистических стран, на долю которых приходится теперь не 16 процентов территории земного шара, как в октябре семнадцатого года, а двадцать шесть. И не 8 процентов его населения, а более одной трети. И свыше одной трети мировой промышленной продукции вместо 3 процентов...

Только секундное движение, только поворот головы — от стены к стене. Нет, от эпохи к эпохе!.. Сколько борьбы, страданий было на этом пути, сколько пролито крови народной! Чтобы одолеть черные силы. Чтобы социализм стал мировой системой.

Молча стоят сейчас двое. Задумались, глядя на карту. Головы их седы, плечи сутулы. Но совсем не по этому, а по каким-то иным, неуловимым признакам вижу, чувствую: старые большевики, подпольщики, из тех, что дрались на баррикадах, шли на каторгу... Решаюсь нарушить их раздумье, чтобы познакомиться. Вот кто они, эти двое.

Алексей Иванович Беленец, русский коммунист; год вступления в партию — 1903-й.

Курт Штюбер, немецкий коммунист; партстаж — 1920.

Штюбер приехал в Москву с делегацией ветеранов рабочего движения Германии, а Беленец вместе с другими своими товарищами сопровождает гостей. Задержавшись в первом зале главного павильона, эти двое поотстали от всей группы. И так уж и держатся — немного позади.

— Товарищ Курт,— сказал мне Алексей Иванович,— чуто̀к понимает по-русски. Но говорить не может. А есть ему о чем рассказать. Обстрелянный боец революции! Пять лет продержал его Гитлер на каторге и семь — в концлагере в Саксенхаузене. Видите, как руки держит? Скрючены. В гестапо перебиты. А когда-то столяром был, краснодеревщиком... Между прочим, у нас с ним тюремный да каторжный стаж одинаковый: дюжина годков. Я в семнадцать, юнцом-слесаришкой, кандалы надел. В больнице меня взяли. Мы в декабре девятьсот пятого неделю с полицией и войсками дрались. Командовал я дружиной в предместье Ростова. На седьмой день ранило. Пуля в ногу навылет. Друзья положили в больницу под чужой фамилией. Сыщики дознались, с постели подняли — и в кандалы. Угодил в Сибирь, под Иркутск, в Александровский централ. Слыхали про такой? Песня есть...

И он тихо, совсем тихонечко, чтобы не потревожить гуляющих грустной песенкой, почти одними губами запевает:

Далеко в стране иркутской
Между двух огромных скал,
Обнесен стеной высокой
Александровский централ...

Все вокруг рождает в этом человеке воспоминания. Вот стоим у панорамы Ангаро-Енисейского энергопромышленного района. Братск, Енисейск, Киренск, Усолье... Для нас это места новостроек, а для Алексея Ивановича еще и каторжные его этапы.

— Усолье... Пополза̀л я тут в соляных копях на карачках! В кандалах, кайлом рубили... Знаешь, Курт, я в прошлом году ездил в Сибирь, в Усолье побывал. Хотел шахту найти, где каторжанил. Нет ее, засыпали. А рядом новый рудник. Не увидал я там кайла. Соль водой добывают. Гидроспособ — размывом...

И вдруг спохватившись, что Штюбер мог не все понять, начал все заново, перемешивая немецкие и русские слова. Но старый Курт машет рукой:

— Их ферштее, их ферштее, майне либер геноссе! Зер гут! Прима...

Увидел Беленец мощный электровоз у входа в павильон «Транспорт», просиял:

— Внучек наш!

— Чей внучек? — спрашиваю.

— А тех, кто первую электричку пускал. Тридцать лет назад. Я в Мытищах на вагоностроительном заводе директорствовал. А в ту пору решили электрифицировать как опытный участок Москва — Мытищи. Нам задание: вагоны! А таких вагонов, с мотором, с электрооборудованием, мы еще никогда не строили. Повозились! На открытие участка пол-Москвы собралось. Торжество! Я в первом рейсе с машинистом ехал. Раза три останавливались. Но добрались!.. Так что могу числить себя среди зачинателей электрификации железных дорог.

Устали мои спутники. Выбрали уголок потише, потенистей, присели на скамью. Вокруг шумит, плещется, как море, выставка. Сидят старики, прислушиваются к ее веселому гулу, к ее разноголосице. И, наверно, очень хорошо у них сейчас на душе...

2. Как заговорила карта

В павильоне «Геология» вот-вот должна заговорить карта. Такая же, как и в других павильонах. Например, в главном. Там она изъясняется с посетителями на четырех языках: русском, немецком, французском, английском... У геологов карта еще не готова. То есть готова, но не обрела пока голоса: радисты задерживают. И это обстоятельство огорчает работников павильона. Наталья Ивановна Спирина, экскурсовод, сказала мне:

— Вы непременно зайдите, когда она заговорит. Совсем другое будет впечатление.

А пока мы стоим у немой карты. Яркая, многоцветная, рельефная, но молчит! Под ней, слева от нее, справа — образцы руд, самоцветов, алмазов. Народу тут полно, и, как правило, не случайно забредшие, а любители, знатоки. Вот один огорчен:

— Почему нет малахита?

Наталья Ивановна ему:

— Понимаете, у нас был очень уж маленький кусок. Неудобно было как-то держать среди этаких красавцев. Убрали.

— А вы бы в Нижний Тагил написали! У нас там в музее великолепный образчик малахита. Вот такой! — Человек широко разводит руки, словно бочку обхватил.— И полированный...

— Да он же в музее! Разве музей расстанется со своим экспонатом?!.

— За кого же вы принимаете тагильцев? В Москве, на выставке, нет малахита, а музей будет держаться за свой! Отправьте же сегодня телеграмму — самолетом вышлют. А не пришлют — приеду, шум подниму. Какой же это отдел геологии, и без уральского нашего малахита?! Нет, это просто немыслимо! — долго не может успокоиться человек.

А другой ходит и, оглядываясь по сторонам, зная, что руками экспонаты нельзя трогать, не может удержаться и осторожненько, легким движением ладони поглаживает камни. Да, да, я видел: гладит, ласкает. Вот прикоснулся кончиками пальцев к какому-то камню. Увидел меня рядом, смутился.

— Взгляните, какая прелесть! Нет-нет, вы не туда смо̀трите, левее! Розоватый! В порах. Как губка. Перифиллит!

— Вы минералог? — спрашиваю.

— Я маляр,— отвечает рассеянно, не отводя глаз от камней.

А я возвращаюсь к карте. Наталья Ивановна показывает мне бокситы. Вот редкий образец алюминиевой руды. Доставили из Забайкалья, с Боксонского месторождения, вон оттуда. Труднейшее проделано путешествие, туда нет пока никаких дорог — ни железных, ни водных, ни воздушных. Только на лошадке через тайгу... А вот превосходные бокситы из Тургая.

— Тургай... Тургайский прогиб. Он на карте весь в лампочках. Была я там. Мы ведь с мужем бокситчики. Завидую ему: уезжает сегодня. В хлопотах так и не успел еще побывать у нас в павильоне. Может быть, вот-вот забежит, хоть на полчаса. Чемодан уже собран. Куда едет? Туда же, в Тургай. Прошлый год работал на Подкаменной Тунгуске. Нашли кое-что. И мы зажгли еще одну лампочку на карте, вон ту. Есть ли «мои» лампочки на карте? Ну как вам сказать? Имею некоторое отношение к темно-красной. Видите, в Приаралье? Нет, это не бокситы, это железная руда...

— Вы работали с академиком Яншиным? — спросил вдруг при-

слушавшийся к нашему разговору человек в зеленом китайском плаще с капюшоном, откинутым на спину; похоже, что этот посетитель собрался прямо из павильона отправляться в дальний путь.

— Александр Леонидович мой учитель! — с гордостью сказала Спирина.— И моего мужа. И моего брата с женой. И моей сестры. Все мы слушали его лекции в Москве в геологоразведочном. А мне и мужу выпала честь работать с Яншиным на «Черном сундуке» в Приаралье.

— А я в экспедиции у Овечкина...

— Так вы с Лисаковского месторождения? Вон оттуда? — ткнула Спирина указкой куда-то очень высоко.

— С Лисаковки. И, как ваш муж, улетаю сегодня.

Мы стояли у немой карты. Но она говорила. Она говорила голосами разведчиков, открывателей, тех, кто уже «в поле», и тех, кто еще собирается в путь...

3. Ее руки

Я стоял среди любопытствующих, которые тесным кружком обступили «сладкую» машину. Экскурсовод уже все объяснил нам, уже лежал в желобе заманчиво пахнущий темно-коричневый «батон» из патоки, сгущенного молока и сливочного масла, уже заправлен был рулон бумаги для завертки конфет. Оставалось только включить автомат. А он не включался. Это тягостный момент и для того, кто показывает, и для тех, кто смотрит. Демонстратор нервничает, нажимает кнопку за кнопкой, дергает рычажки, рукоятки и растерянно смотрит по сторонам. Вот кого-то выглядел и зовет на помощь:

— Тамарочка!

В глубине зала мелькнул белоснежный халат, стремительно приблизился к нам, и мы расступились, давая дорогу маленькой худенькой женщине. У нее и фигурка девичья и глаза веселые, девчоночьи — в каждом по бесёнку. Лишь две резкие складки возле губ говорят, что она старше, чем кажется. А руки? Руки такие же молодые, как глаза. Пальцы легли на машину, и сразу же каждый, как у пианиста, зажил своей особой жизнью. Даже мизинцу, этому баловню и аристократу, нашлась работа. Таким рукам нельзя не подчиниться. Машине, наверно, даже приятно быть во власти у этих и нежных и цепких рук. Автомат вздохнул, выдохнул и ожил. Двинулся по желобу вкусный батон, сразу попал на ролики, и те начали вытягивать его в длинную колбаску, и тут же заходил вверх-вниз ножик, разрезая ее на мелкие дольки — ириски,— закрутился бумажный рулон, разматываясь под ножницы, вступили в дело стальные лапки — упаковщицы. И вот уже посыпались потоком — 650 штук в минуту! — «золотые ключики», мягко стукаясь о стенку стеклянного короба. Мальчишки, стоящие вокруг, в восторге! Мальчишек угощают! И, конечно же, эти ириски слаще покупных. Потому что видно, как их делают.

«Белый халат» проскользнул сквозь людское кольцо — и к другой машине. Но я перехватываю механика на полпути. Присаживаемся к столику, на котором семицветной радугой разложены яркие, броские листовки-проспекты. Сейчас руки Тамары Петровны Первышевой безвольно как-то лежат на коленях. Даже не верится, что эти тонкие, нежные пальцы с розоватым маникюром минуту назад столь решительно управились с забастовавшим автоматом. И уж совсем непохоже, чтобы они несколько лет работали очень трудную работу: завертывали конфеты. Не улыбайтесь! Это действительно нелегко. Конечно, не кувалдой бить. Но, между прочим, попробуйте завернуть сто ирисок, сто твердых, ребристых камешков да еще с насечкой, которая в кровь стирает вам мякоть пальцев! И кожаные наконечники не помогут! Попробуйте! После первой сотни пальцы ваши одеревенеют, после второй начнут припухать в сгибах. А вот эти завертывали в смену 30 килограммов «золотых ключиков». Посчитайте-ка, сколько это ирисок! Тысячи и тысячи...

— Ох, и сладкоежка ж я была до фабрики! Но не в сладкие годы росла — в войну... На «Красный Октябрь», на кондитерскую, девчонкой пришла, шестнадцати не было. Умишко-то еще с ноготок. «Вот,— думала,— конфет поем!» А как натаскалась горячих чанов с начинкой да повыбивала с противней липкие, тягучие пласты — я уж не говорю о завертке,— конфеты горькими показались. Мимо кондитерской витрины иду — не гляжу. Противно! Может, это нехорошо, но работы своей не любила. Фабрику любила, коллектив — это и удерживало. Но хотела на другое производство. Тянуло к мужским профессиям — к станкам. Потихоньку у жениха, потом мужа, токарному делу обучалась. И подала заявление. Верней, не подала. Не донесла до конторы. В тот день поставили у нас машину. Нет, не такую, как эта! Не автомат и даже не полуавтомат! Четверть... Только завертывала. А все остальное еще вручную. Меня — на ту машину. А была она нескладная, да и я не лучше. Друг друга мучили. Все в ней что-то ломалось. Плакала я, кляла ее, а рук не отнимала...

Снова гляжу я на эти чуть тронутые загаром женские руки, которым вон как, оказывается, доставалось! Которые нянчили ребенка и вычерчивали чертежи к дипломному проекту на последнем курсе техникума. Полоскавшие белье и монтировавшие первую автоматическую поточную линию на фабрике. Руки, которым нужна машина, но без которых и ей не обойтись... Вот уже и не сидится механику павильона. Спешит туда, к другим автоматам, где собрались люди. Но наперерез мальчишка, из тех, кого она угощала «золотыми ключиками». А теперь он хочет угостить понравившуюся ему тетю-механика. Он протягивает «Красную шапочку».

— О! — говорит Тамара Петровна.— Я люблю шоколадные... Спасибо!

И руки ее, привыкшие делать все быстро-быстро, мигом распаковывают конфету.

4. Про мальчишек

Путеводитель не нужен, если вам попался на пути бывалый мальчишка. Бывалый в том смысле, что уже побывал во всех павильонах. Такому гиду цены нет! Он все знает... Знает, как пройти без очереди «в цветное телевидение», когда пустят к «спутникам» и где продают «мамину энциклопедию»...

Мне повезло: у меня был как раз такой провожатый. Но не до конца повезло. Только мы собрались полюбоваться кукурузой, как из-за угла вынырнула ватага сверстников моего юного друга и, увлекая его с собой, понеслась на рысях дальше.

— Дядя, извините! — успел он крикнуть.— Через пять минут Иван Иваныч выйдет!

«Иваном Ивановичем» все мальчишки на выставке зовут робота, который живет в желтом ящике — «холодильнике» — возле павильона «Электрификация» и иногда выходит из своей кельи побеседовать по душам с народом и даже дарит цветы приглянувшимся ему девицам...

Огорченный, отправился я в павильон, где мальчишки не гости, а хозяева. И здесь, у «юных техников», увидел, на что способны мальчишечьи головы и руки. Увидел микролитражный автомобиль, самый настоящий, в Москву, правда, прибывший из далекой Сарани не своим ходом, но немало уже поездивший по трудным карагандинским дорогам. Я «взлетал» на турболете и «плыл» на атомном «вездеплаве». Слушал концерт по полупроводниковому приемнику размером с маленькую шоколадную плитку. И меня обманывал «колобок», тот, что от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от меня уходил. Он высовывался в окно своей избушки, и нужно было схватить его за нос. Только протянешь руку, а он уже нырнул внутрь избы. Вполне современный, можно сказать, ультрасовременный «колобок» — его спасает фотореле. Это и мальчишечья игрушка, но это и наука! А вот и труд мальчишек, плоды их труда — десяток кирпичей, присланных из Жердевской сельской школы, Тамбовской области. Там давно уже работает, имеет программу, план ребячий кирпичный завод. Из кирпичей этого завода строят сейчас районный Дом пионеров.

А потом я был свидетелем серьезной технической дискуссии. Не участником — только свидетелем! Спор шел о тех же полупроводниках, о возможностях их применения. Спорили мальчишки, но «затесалась» среди них и девочка. Она была в очках и, наверно, ученая. Но ее только «терпели» и высказываться не давали. Собственно, она, кажется, и не собиралась высказываться. Она слушала, как и я. И вдруг заговорила. Сначала кто-то презрительно хмыкнул, кто-то подал «колючую» реплику, но она, что называется, мигом «отбрила» оппонента, доказав полную его научную несостоятельность, и пошла, и пошла... И все же внимательно слушали ее, потому что она много знала, а мальчишки любят послушать умного, знающего человека...

Жаль, что не было тут моих славных стариков: Алексея Ивановича Беленца и Курта Штюбера, ветеранов революции! Вот бы взыграли их сердца при виде этих чудесных ребят, которых породила революция!..

...Надо было написать о выставке. А написалось о людях. Но это ведь и есть про выставку!

В павильоне «Радиоэлектроника».

Фото Б. Кузьмина и В. Тарасевича.

Низовая перемычка взорвана.

Ангара покорена!

Фото специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛНИЯ

Издание газеты „Огни Ангары"

Пятница 19 июня 1959 г. № 28 (37)

АНГАРА ПЕРЕКРЫТА!

Сегодня для всех строителей Братской ГЭС— большой, радостный праздник. Могучая Ангара покорена. Обязательство, принятое в честь Пленума ЦК КПСС, выполнено досрочно.

Успешное завершение перекрытия Ангары—результат героического труда, огромного энтузиазма и горячего патриотизма всего многотысячного коллектива нашей стройки.

Каждый строитель на своем посту, где бы он ни работал, вкладывал все свои силы и энергию, чтобы приблизить этот долгожданный день. И этот день—день окончательной победы над Ангарой—навсегда останется в памяти всех строителей Братской ГЭС.

С нашим праздником, с большой трудовой победой, дорогие товарищи!

Наша дальнейшая цель ясна. И сегодня коллектив строителей заверяет родную Коммунистическую партию и Советское правительство, что он не пожалеет сил для того, чтобы ввести в действие первые турбины гидростанции в 1961 году.

К новым трудовым успехам!

Воды Ангары пошли в котлован плотины.

В ЖЕНЕВСКОМ ДОМЕ ПРЕССЫ

Сэм РАССЕЛ,
английский журналист

Совещание министров иностранных дел в Женеве прервано до 13 июля. Делегации СССР пришлось посчитаться с этим шагом западных держав. Но внимание общественности к Женеве не ослабевает. Народы ждут от совещания министров, когда оно возобновится, именно того, к чему настойчиво и терпеливо стремилась делегация СССР: согласованных решений по вопросам, волнующим все человечество.

Воспользовавшись перерывом, я хочу поделиться с читателями впечатлениями о Доме прессы, шумном и всегда взбудораженном обиталище армии журналистов, собравшейся в Женеве.

Свыше полутора тысяч корреспондентов из 83 стран представляли в Женеве газеты, информационные агентства, самые разнообразные журналы, радио и телевидение.

Швейцарские власти отдали в распоряжение этой армии корреспондентов целое здание недалеко от Женевского университета, оборудованное всем необходимым для быстрой и оперативной работы: тихими комнатами для писания отчетов, телефоном, телеграфом и, разумеется, столь привычным и необходимым приспособлением, как бар с широчайшим выбором напитков.

В дни пресс-конференций с наступлением вечера подковообразный бар в центральном холле Дома прессы заполняется сотнями журналистов, разговаривающих на доброй дюжине языков.

Вот раздается голос по громкоговорителю: «В информационном бюро сейчас будут раздавать текст речи мистера Громыко». Как по мановению волшебной палочки, из всех углов огромного холла журналисты толпой бросаются, толкая друг друга, спеша и возбужденно переговариваясь. Стрелки часов неумолимо движутся вперед, а речь Громыко надо передать для раннего выпуска завтрашних газет.

Было бы, однако, явным преувеличением сказать, что на Женевском совещании царила корректность в отношении всех журналистов.

Каждый из атташе по прессе западных делегаций обычно собирал вокруг себя узкую группу корреспондентов своей страны, группу, которая иногда суживалась до минимума. Этим «избранным» и задавалась «линия»: освещать события в духе, нужном данной делегации.

Разумеется, от подобных интимных инструктажей прогрессивная печать отстранялась самым решительным образом. Мне самому пришлось это испытать на себе в самом начале Женевского совещания. Мне заявили без обиняков, что мое присутствие на «частных летучках», которые устраивал шеф отдела прессы нашего Форейн оффиса, не будет «приветствоваться».

Я сослался на то, что в 1955 году здесь же, в Женеве, тогдашний министр иностранных дел Макмиллан приглашал меня на беседы с английскими корреспондентами. Шеф прессы Питер Хоуп заверил меня письменно, что я обязательно буду в числе приглашенных и теперь. Увы, на следующую встречу меня опять не позвали. Шеф прессы объяснил это тем, что встреча... произошла «неожиданно и случайно».

Тринадцать английских корреспондентов, которые, наоборот, «приветствуются», получили в Доме прессы устойчивую кличку «цирка». Я надеюсь, что шеф отдела прессы, по крайней мере, не прибегал к помощи традиционного хлыста, чтобы его «труппа» ежедневно выкидывала нужные курбеты в прессе британских миллионеров.

В самом отделе печати английской делегации в ходу было собственное словечко, обозначающее эту группу корреспондентов,— «трастис», доверенные люди. По печальному совпадению этим словом в английских тюрьмах называют заключенных, которых тюремные надзиратели используют для всяких поручений и даже доверяют им ключи от камер...

Нечто подобное можно было наблюдать и в отелях, где расположились американская, французская и западногерманская делегации. Там тоже шли «закрытые» беседы с избранным кругом корреспондентов, и туда тоже не было доступа для демократической печати. Надо ли говорить, что усилия «пресс-офицеров» этих делегаций направлялись отнюдь не на то, чтобы информировать печать о действительном ходе совещания, а прежде всего на то, чтобы изображать в самом неправдоподобном и искаженном свете позицию советской делегации!

Вот яркий пример.

На одном из неофициальных заседаний советская делегация сделала еще одну попытку достигнуть соглашения на взаимоприемлемой основе, выдвинув новые предложения по вопросу о Берлине и об образовании общегерманского комитета для подготовки основ германского мирного договора. Как известно, в этих предложениях Советский Союз идет навстречу западным державам, стремясь облегчить достижение договоренности.

Но вечером того же дня представитель бюро печати американской делегации мистер Эндрью Бердинг объявил корреспондентам, что «не достигнуто никакого прогресса». Всячески стараясь создать атмосферу «кризиса в переговорах», он добавил: «Сегодня вечером наше впечатление — я имею в виду Соединенные Штаты, Англию и Францию — это впечатление пессимизма».

Представитель американской делегации даже не потрудился сообщить корреспондентам о том, что советская делегация внесла новые предложения. Он заявил, что «никаких новых документов не поступило». Это была не более как жульническая игра словами: если документ и не был внесен, то советские предложения уже были официально сделаны в устной форме.

Не менее красочен другой случай. Государственный секретарь США Гертер посетил министра иностранных дел СССР Громыко. Гертеру было разъяснено, что новые советские предложения ни в какой мере не являются ультиматумом. Гертер отметил, что он удовлетворен этим разъяснением, и спросил, может ли он заявить представителям печати, что советские предложения не являются ультиматумом и исходят из необходимости продолжения переговоров. Он получил ответ, что это его дело, что он скажет представителям печати.

Но в тот же вечер все три представителя западных делегаций спешно собрали каждый свою «интимную» группу корреспондентов. В их «разъяснениях» не содержалось ни единого слова о том факте, что советские предложения не являются ультиматумом. Вместо этого «пресс-офисеры» стали нагнетать атмосферу пессимизма, пуская в ход сообщения вроде того, что Гертер якобы «предупредил» Громыко, что самолет американской делегации готов покинуть Женеву через четыре часа, иначе говоря, что конференция будто бы стоит перед провалом с минуты на минуту.

И только после полуночи стало известно и то, что самолет американской делегации находится отнюдь не в Женеве, а в далеком Вашингтоне.

На следующие сутки инсценированный «кризис» провалился.

Справедливость требует отметить, что очень многие корреспонденты консервативных западных газет с возмущением отзывались о поведении чиновников бюро печати западных делегаций и выражались довольно крепкими словами по адресу дезинформаторов.

Это настроение хорошо выразил корреспондент ведущей датской буржуазной газеты, который сказал мне: «Если западная сторона сознательно желает испортить отношения с такими корреспондентами, как я, относящимися к ее лагерю, то, пожалуй, она не могла сделать это лучше, чем сделала. Это просто скандальная история».

Делегации западных держав пускали в ход самые абсурдные слухи, самую неприкрытую ложь, нисколько не смущаясь тем, что эта ложь разоблачается через несколько часов, а иногда даже минут.

Теперь, когда объявлен перерыв, западная пресса миллионеров вновь изощряется в раздувании пессимистических настроений, пророча Совещанию министров иностранных дел «неизбежный провал». И это несмотря на то, что точки зрения западной и советской делегаций сблизились благодаря усилиям последней.

И все же нет сомнения, что в конце концов правда восторжествует. Вопреки всем фальсификациям простые люди капиталистических стран узнают о том, как твердо и упорно работала советская делегация над тем, чтобы достигнуть в Женеве соглашения, чтобы устранить угрозу, которую несет с собой ненормальное положение в Берлине для безопасности Европы, чтобы обеспечить прочный фундамент мира для всех народов.

Женева.

Кто кого переплюнет!..

Рисунок М. Абрамова.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ СЕМИЛЕТКИ

Репортаж с пути

Евгений КРИГЕР

Фото автора.

Богатый выбор

После визита в Красноярский совнархоз пришлось вернуться в гостиницу, достать карманный атлас и гадать, куда же отправиться дальше.

Можно лететь в Норильск — горнометаллургический комбинат, рудники, целое созвездие заводов.

Можно лететь на юг — геологическая экспедиция в ущельях Саян за Абаканом.

Можно поездом добраться до станции Ададым, там рукой подать до угольного разреза в Назарове и площадки строящейся на этой угольной базе мощной Назаровской ГРЭС.

Можно направиться на Ирша-Бородинский угольный разрез.

Можно перебраться через Енисей и осмотреть сооружение Красноярской гидроэлектрической станции.

В совнархозе сказали: «Пожалуйста, на ваш выбор».

В номере гостиницы «Север», принадлежащей Норильскому комбинату, вторая койка оказалась занятой.

Утром мы разговорились с соседом, Александром Александровичем Волковым, молодым еще человеком. За чашкой консервированного кофе он со знанием дела рассказывал о состоянии строительной площадки Назаровской ГРЭС.

— Вы там бывали? — спросил я, озадаченный его осведомленностью во всех мечтах и чаяниях назаровских строителей.

— Приходилось,— ответил Волков.— Я директор строящейся электростанции. Так сказать, заказчик. Вот просил у совнархоза пять миллионов рублей: не хватает нам на окончание строительства хлебозавода, магазина, всяких бытовых учреждений. Обидно.

Я отложил в сторону карманный атлас. Гадать больше незачем. Надо отправляться в Назарово.

— Этого будет маловато,— сказал Волков.— Не поленитесь побывать в Большом Анзасе. Побывайте в Саянах, поговорите с геологами. Это все же расширит ваше представление о возможностях Красноярского края. Оттуда назад, на станцию Ададым, автобус доставит вас на нашу площадку, а потом железной дорогой в Красноярск. Вот вам план дней на восемь...

На Абакан два раза в день идут рейсовые самолеты «ИЛ-12». Билеты добываются с боем. Но так или иначе через час с небольшим я оказался в Абакане.

Небольшой город у слияния Енисея с Абаканом — центр Хакасской автономной области. Отсюда автобусы идут до Минусинска и Шушенского. Широкие улицы с молоденькими бульварами. Грозное предупреждение: «Езда на тракторах воспрещена». Большое здание Драматического театра имени Лермонтова. Столь же внушительное здание широкоэкранного кино — я смотрел там «Дон Кихота».

Затем снова в самолет. Через два часа наша машина приземлилась на Таштыпском аэродроме. В зал ожидания пассажиров пробиться было немыслимо. Кассиршу осаждали разгоряченные путники. Я взглянул на карту маршрутов. От Таштыпа они веером расходятся во все стороны: Аскиз, Абаза, Балыкса и т. д.

Особенно яростно добивались билетов сварливые бабушки, опекавшие молодых женщин с грудными младенцами на руках. В комнате дежурного по аэропорту слышалось посапывание, посасывание, чмоканье. Две молодые матери расположились здесь со своими младенцами. Свободные пилоты играли в шахматы, недовольно косились, слыша ласковые уговоры: «Пи-пи...»

— Что здесь, комната матери и ребенка, что ли? — спрашивал молодой пилот с лихими усами.

— А куда им деваться? — отвечал его соперник и добавлял неумолимо: — Шах!

Счастливый отец упрашивал диспетчершу:

— Довезите хоть этого типа. Ни одной пеленки сухой не осталось.

Часа через три пригласили занимать места в самолете. В 5.30 вылетели. Самолет был забит мешками. Хозяйка груза везла 790 килограммов колбасы, яиц и крупы. Лесистые горы подступали под самые колеса. Самолет шел в ущелье.

Вдруг женщина, сопровождавшая груз в 790 килограммов яиц, крупы и колбасы, закричала в восторге:

— Вот и дома!

Она так радовалась и сияла, будто поселок под нами был ее любимым ребенком. Узкая площадка в лощине. Брет Гарт. Только у него бывают такие места: горная речка прорыла дорожку между склонами сопок, поросших елью, скрылась в тайге от вершин белых гольцов. Люди пришли сюда, обосновались прочно и стали работать.

Девятьсот метров над уровнем моря.

База геологической экспедиции.

Безымянка

Идут в Большой Анзас грузы — в адрес Шермана.

Станки. Моторы. Трубы. Снаряжение. Провиант. Строительные материалы. Книги.

Все — Шерману.

Кто такой Шерман? Молодой еще человек. Москвич. Начальник экспедиции. Что такое экспедиция? Юноши с молотками в руках, пробирающиеся по скалам? Да, есть и такие юноши. Но вообще экспедиция — это большой поселок в горах, и еще два поселка, и дизельные электростанции, и школы, и ясли, и столовая, и магазины, и более 500 буровых вышек, и дороги.

Работают с Шерманом люди многих специальностей, но главным образом геологи. Питомцы многих институтов: томичи, харьковчане, ростовчане, ленинградцы, москвичи, новочеркассцы.

В 1958 году экспедиция получила задание: до 1960 года разведать крупное месторождение магнетитовой руды.

В составе экспедиции 720 человек.

Обосновались они поначалу в поселке золотоискателей. Золото выбрано здесь до крупинки. Прииск ликвидирован. Открыта дорога руде.

Вторая база геологической экспедиции на Большом Анзасе.

Чтобы узнать, как искали руду, я отправился в поселок Безымянку, километрах в четырнадцати от Большого Анзаса. Горная дорога, проложенная геологами, ведет в другое ущелье — на сто метров выше Большого Анзаса. На полпути весну как обрезало: внизу тает, а тут даже на солнечном склоне лежит нетронутый снег. Около ста деревянных домов разбросано по склонам горы. Я отыскал камералку и встретился с молодым флегматичным человеком — Львом Ивановичем Каныгиным, старшим геологом Анзасской партии.

Он рассказал историю поисков.

В 1952 году был выдвинут вопрос о расширении добычи руды в районе Абакана. Окончившая Томский политехнический институт Евгения Сергеевна Сергеева обследовала большой район, ничего особенно интересного не обнаружила. Пришли вести из Анзаса:

Николай ТИХОНОВ

НА ВСЮ ЖИЗНЬ...

Рисунки А. КОКОРИНА.

Такого множества народу я еще не видел в своей жизни. На улицах, хорошо мне знакомых с самых детских лет, всегда было многолюдно, но такие толпы, которые двигались в тот день по направлению к арке Главного Штаба по Большой Морской, просто поражали меня.

Люди непрерывно появлялись и с Гороховой от Красного моста, и с Малой Морской, и от Исаакиевской площади. Торопясь куда-то, громко разговаривая, шли они, заполняя тротуары, шли посередине улицы, что было вовсе не обычно. Извозчики исчезли. Улицы были во власти пешеходов.

Навстречу им из домов высыпали любопытные, они присоединялись к идущим, толпились у ворот и на углах. Всюду слышались громкие разговоры, порой вспыхивали непонятные мне споры. Тут же шныряли мальчишки, охочие до всякого зрелища.

Казалось, никогда не кончится людской поток. Я стоял на улице, посреди тесного, шумного, необыкновенного скопища людей и не знал, что происходит. Мне было всего восемь лет.

Я растерялся и убежал бы домой, благо я был от дома в двух шагах, если бы меня не схватил за рукав знакомый мальчишка с нашего двора. Это был Петя Нечаев из квартиры площадкой ниже нас. Я знал его как задиру и драчуна, но он нравился мне своей живостью и склонностью к приключениям. Он был старше меня. И сейчас, увидя его, я понял, что получил неожиданную опору.

— Идем! — властно сказал он.

И мы бросились в самую гущу толпы, проскользнули мимо высокого мужчины в барашковой шапке, что-то громко кричавшего и размахивавшего руками, мимо какой-то женщины в большом теплом платке, грозившей кому-то кулаком, мимо тщедушного, в очках, человечка, урезонивавшего здорового молодца в ватной короткой куртке, высоких сапогах и в синей студенческой фуражке, и пошли нырять между людьми, идущими в сторону Невского.

Мы задержались на углу Большой Морской и Кирпичного переулка. Даже драчуну и задире Пете Нечаеву стало, по-видимому, не по себе. Он не хотел идти дальше, хотя было большим соблазном отправиться в новую неизвестность, туда, куда стремился весь этот взбудораженный и взволнованный народ.

В толпе мелькали и детские лица, но их было мало. Что кричали, о чем говорили вокруг, я по возрасту своему не очень понимал. Но я, как и мой товарищ, почувствовал, что нашему стремлению вперед пришел конец. Надо остановиться, пока не поздно.

И мы остановились, растерянно оглядываясь, так как нам стало очень тревожно. Тут мы увидели, что на улице стало сильно свободней, потому что главная масса народу уже прошла через Невский.

Теперь там, далеко впереди, у площади Зимнего дворца, невидимо для нас происходило что-то непонятное.

Оттуда донесся нарастающий шум, потом резкий треск, один, другой, третий. Донесся крик тысяч людей. Крик этот уже не переставал. Он рос с каждой минутой. Мы с Петей стояли, прижавшись к будке, заклеенной сверху донизу разноцветными афишами, объявлениями, зеленые от волнения. И когда мы высунулись из-за будки, стоявшей на самом углу, мы увидели, как по улице во всю ее ширину от Невского движется народ. С еще большей стремительностью, чем тогда, когда устремлялись к площади, оттуда наплывали ряды людей, удержать которых не могла никакая сила.

Люди бежали, спотыкались, не обращая внимания на соседей. Одни бежали с детьми на руках, другие поддерживали женщин, увлекая их с собой. Иные бежали, закрыв почему-то голову руками, иные—так низко наклонившись, что их руки почти касались мостовой.

Люди падали, поднимались, помогали подняться упавшим и снова бежали, теряя на ходу шапки, шарфы, свертки. И все бежавшие кричали на всю улицу. Этот крик, долетевший до нас издалека, теперь просто потрясал стены. Бегущие мужчины и женщины сворачивали с Большой Морской в переулки, как будто на широкой улице им грозила какая-то грозная опасность, от которой могли защитить переулки. Кирпичный переулок сразу заполнился лавиной беглецов, хотя многие продолжали бежать к Гороховой, пересекавшей, как и Кирпичный переулок, Большую Морскую.

Спрятавшись за афишной круглой будкой и выглядывая из-за нее, мы с Нечаевым видели, как улица пустела на глазах.

Те, что пробежали последними, укрылись в Гороховой, а те, что свернули, забили до отказа Кирпичный переулок, а уже кое-кто, пробежав его до конца, завернул и на Малую Морскую.

На странно притихшей улице валялись всюду шапки, кепки, платки, галоши, перчатки, какие-то пакеты, палки. В окнах домов виднелись приплюснутые носы и бледные лица любопытных, желавших увидеть, что такое происходит на улице.

В переулках стоял шум и гам. Кричали от испуга, от негодования, от ярости. Слышалась ругань. Иные кричали: «Где здесь аптека? Раненых надо перевязать!»

Стучались в запертые ворота соседних домов, кричали на дворников, не пускавших во двор. Я увидел кровь на лицах, увидел окровавленные руки, которые люди прижимали к одежде, стараясь не кричать от боли. Тут же они рвали на куски платки и белые тряпки, похожие на полотенца, и перевязывали раненых.

Но улица, так странно опустевшая, вдруг наполнилась новым непонятным звуком. Звук этот рос и перешел в ясное лязганье и звон, потом сменился грохотом, потрясавшим окрестности.

Мы переглянулись с Петей и взялись за руки. Мы не могли бы сказать, что с нами произойдет в следующую минуту, но весь этот день был полон таких неожиданностей, что могло случиться все, что угодно.

Хотя народ отхлынул глубже в переулок и бросился еще дальше — на Малую Морскую, но вокруг нас было еще много людей, и нам нельзя было думать пробиться сквозь их тесные ряды.

Мы снова высунулись из-за афишной будки. Мы, вероятно, выглядели очень жалко среди всего происходившего.

Перед нами во всю ширину улицы скакали кавалеристы. Они были высокие, усатые, все на подбор, как один, в серых, негнущихся шинелях, державшие опущенные вниз неимоверно длинные палаши, серебристо-белый металл которых ослепляюще сверкал. Они сидели на таких высоких конях, что могли смело заглядывать в окна вторых этажей. Мы видели суровые, каменные, как неживые, лица солдат так близко, что мне показалось, они скакали с полузакрытыми глазами.

Впереди них красовались офицеры. Они не смотрели по сторонам, словно не хотели видеть укрывшийся от них в переулках народ, с затаенным дыханием следивший за их атакой, мчавшейся по безлюдной улице.

Кавалеристы двигались широким развернутым строем, так что крайние из них скакали прямо по тротуару.

В то мгновение, когда они уже почти поравнялись с углом Кирпичного переулка, из маленькой булочной на той стороне Большой Морской выскочил мальчишка в серой курточке, в серой плоской шапчонке и серых штанишках, прижимая к груди бумажный коричневый кулек.

Почему-то он напомнил мне картинку, когда серый зайчишка, прятавшийся в кустах, выскакивает из кустов прямо на охотников. Мальчишка соскочил с тротуара, побежал через улицу, взглянул налево, увидел пустую даль перед собой и, ничего не помня от страха, помчался и вдруг остановился. Только теперь до него дошел грохот и лязг, и он, бросив взгляд вправо, увидел несущихся на него огромных зверей с сидящими на них великанами, трясущими мостовую, и сверкающие их палаши.

Мальчишка был уже у фонаря, стоявшего посреди улицы. Он упал с размаху на колени к подножию фонаря. Кулек, ударившись о торцы, разорвался, из него полетели под копыта коней баранки, кусок ситного упал у фонаря. Мальчишка стоял на коленях, закрыв глаза, подняв к небу руки, крича истошным голосом: «Мама! Мама!»

Два огромных всадника, долетев до него, обошли фонарь и маленькую, скорченную фигурку и умчались дальше.

За ними пролетели другие, обходя фонарь и стоявшего на коленях мальчишку. Он вопил, подняв руки над головой, а мимо него проносились все новые и новые всадники.

Когда они закрывали его, мне казалось, что все-таки кто-нибудь из скакавших его раздавит, так близко мелькали конские ноги, но когда все всадники промчались, мальчишка открыл глаза, встал с колен и, по-видимому, ошалев от случившегося, вдруг начал подбирать рассыпанные по торцам баранки.

Иные были раздавлены конским копытом, но он подбирал и раздавленные и совал в разорванный кулек, туда же он запихал и ситный.

Когда он, шатаясь, поспешил к спасительному тротуару, Петя Нечаев обрел дар речи. Он тронул меня за плечо и сказал:

— Я его знаю! Это Васька. Он мальчиком работает в ковровом магазине, вон в том доме. Он к нам приходит на двор в чижика играть и в лапту...

Васька дошел до тротуара и пошел к Невскому. Мы уже не могли его больше видеть. Мы стояли, не зная, что делать дальше. Народ вокруг толпился с прежней силой. Пробиться по переулку было не так легко. Вдруг в толпе возникло новое волнение. Все стали прислушиваться. И действительно, снова раздался приглушенный гром. Это возвращалась кавалерия, проскакавшая всю Большую Морскую до самой Исаакиевской площади.

— А что, как она пойдет и по переулкам? — закричал мне Петя.— Давай все же домой!

И мы, взявшись за руки, заныряли теперь среди людей, переполнивших Кирпичный пе-

реулок. Мы благополучно добрались до угла Гороховой, но и тут народу было достаточно, хотя уже многие покинули наш квартал. Мы дошли до дома и незаметно очутились на нашем дворе.

Тут я и попал в лапы брата, который начал кричать на меня:

— Где ты был? Где ты шляешься, когда тут такая каша! Ищи тебя! Где ты был? Не смей уходить со двора! Мама велела тебя сейчас же отыскать и домой гнать! Иди домой сейчас же!

— Да я у ворот стоял,— оправдывался я.— Я ничего такого не делал. Гулял около ворот...

— Иди, иди! — гнал меня брат.— Ничего такого не делал! Там стреляют. Еще убьют тебя, что тогда скажешь?

— Ну,— сказал я с презрительной усмешкой,— убьют! А я не боюсь! Меня извозчик переехал, я и то не испугался...

Это было верно. Осенью мальчишки играли в довольно рискованную игру — перебегали улицу перед извозчиками. Мчался лихач, я побежал, поскользнулся, упал, и колесо экипажа перескочило через меня. Я не испугался нисколько, только почувствовал легкий удар. Меня принесли домой, я отлежался — на боку была большая синяя полоса от ушиба, и больше никаких последствий...

Дома у нас сидел дядя Вася. Он был в праздничной синей рубашке, с тонким пояском, в пиджаке, побрившийся, как для праздника, но такой, каким я редко его видел. Всегда веселый, живой, любивший посмеяться и пошутить, насмешить других, сегодня он сидел озабоченный, хмурый, даже какой-то грустный, как будто его подменили. Он говорил о том, что делается в городе, о рабочих шествиях, о каком-то попе, который убежал, бросив рабочих, о том, что всюду столкновения с полицией и даже с войсками, что всюду стреляют.

Он рассказывал, как его начальник по Технологическому институту, где он служил кочегаром, инженер Кольцов ехал на извозчике утром и вдруг появились жандармы. Кругом было много народу. Владимир Иванович — так звали Кольцова — встал на извозчике и закричал на всю улицу: «Долой фараонов!»

Народ стал кричать вслед за ним. Тогда жандармы хотели добраться до извозчика, но народ загородил им дорогу. Извозчик, недавно из деревни, что ли, стал говорить Кольцову:

— Не кричите, барин, худо будет! Они, эти жандармы, хуже фараонов!...

— А ты знаешь, кто такие фараоны? — спросил его Кольцов.

— Как не знать, ваше благородие, это же хулиганы, бродяги, в ночлежке живут, на Горячем поле ночуют...

Кольцов захохотал, но должен был оставить извозчика и скрыться в толпе, иначе его бы арестовали.

Я сидел и все старательно слушал. Постепенно мной начала овладевать усталость. Я прикорнул в углу старого дивана и заснул незаметно крепким сном.

Я проспал до сумерек. Со двора еще доносился неясный шум: там стоял народ, жильцы нашего дома, и обсуждали происшедшее за день. Мы обедали поздно, и за столом взрослые уже не говорили о событиях, а больше о своих домашних делах.

Я не знал тогда, что это воскресенье назовут «кровавым», что этот день, 9 января, станет днем начала первой русской революции. Я не знал тогда, что в этот день стреляли в рабочих по приказу царя и у Нарвской заставы, и у Троицкого моста, и на Васильевском острове, и у Зимнего дворца.

О том, что я видел, прячась за афишной будкой на углу Кирпичного переулка, я не рассказал, чувствуя, что об этом говорить за обедом не стоит. Может подняться большой крик, и даже дяде Васе будет трудно меня защищать.

Совсем поздно вечером дядя Вася сказал мне:

— Ты сегодня, наверное, не гулял, погулять не хочешь?

— Куда погулять? — спросил я.

— Вокруг дома пройдемся немного перед сном,— ответил дядя Вася.

— А кто еще пойдет? — спросил я, не веря, что дядя Вася действительно пойдет со мной.

— Много пойдет,— отвечал он, смеясь.— Ты, да я, да мы с тобой. Разве мало?!

— Ну, пойдем!

И мы пошли. Как уговорил дядя Вася моих родителей отпустить меня в этот вечер, я не знаю, но я очень хотел взглянуть на то, что делается сейчас на улице.

Мы вышли за ворота. На улице было полутемно. То ли окна в домах были закрыты наглухо тяжелыми шторами, то ли там не хотели зажигать яркого огня или просто рано легли спать, но в окнах не было света. И было очень пусто на улице. После такого шумного, многолюдного дня эта пустота просто пугала. Наши шаги были, наверное, далеко слышны.

Но фигура высокого, большого мужчины с решительным лицом, ведущего за руку маленького мальчика, не могла вызывать никаких подозрений. Возвращается к себе домой человек, ведет маленького сына или племянника, вот и все.

Поэтому дворники, притаившиеся в полумраке закрытых ворот, одинокие городовые, парные жандармские патрули, редкие пешеходы не обращали на нас никакого внимания.

Так мы перешли Малую Морскую и тихо зашагали к Александровскому саду, месту моих постоянных детских игр.

Сейчас была зима, большой фонтан был забит досками, чернели мрачные деревья над большими снежными сугробами, завалившими сад, где были расчищены только отдельные, главные дорожки.

На пустынном Адмиралтейском проспекте и по направлению к Дворцовой площади, за которой возвышалась темная громада Зимнего дворца, как в лесу, горели костры. Костров было много.

Они стояли и по проспекту и у поворота на Невский, и цепочка их уходила через площадь к Синему мосту. У костров сидели и стояли солдаты. Закутанные в башлыки, они хлопали в ладоши, греясь, протягивали руки над огнем, но все это проделывали молча.

Никакой шумной беседы у костров они не вели. Мы хотели, перейдя на сторону сада, продолжать свой путь к Дворцовому мосту, обогнуть сад и пересечь площадь между кострами и уже далеко зашли в этом направлении, но путь нам пересек солдат, немолодой, с большими усами. Поглядев на нас внимательно, он указал рукой в сторону Невского.

— Через площадь нельзя! — сказал он строго и потом несколько примирительней: — Вам куда?

— Нам на Мойку, к Марсову полю,— ответил ему спокойно дядя Вася.

— Так вот по Невскому идите, а там и на Мойку, сподручнее будет, короче. А тут перехода нет.— И добавил: — Время такое, сами понимаете!

— Как не понять,— сказал дядя Вася, и мы пошли, наискось направляясь к Невскому.

По дороге мы несколько раз останавливались. Снег был сильно размешан тысячами ног и в нескольких местах залит какой-то темной краской. У таких мест дядя Вася чуть задерживался и говорил мне:

— Смотри! Смотри сюда!

И я смотрел на эти неровные, почти черные потеки на снегу. Когда мы пересекли это снежное пространство и уже шли по Невскому, он остановился и вдруг сказал:

— Видел?

— Видел,— ответил я машинально.— А что это?

— Это кровь,— сказал дядя Вася.— Запомни это на всю жизнь!

— Запомню на всю жизнь.— Мне стало холодно и вдруг стало страшно окружающего сумрака ночи, пустоты и того, что заключено в словах дяди Васи. Я спросил, запинаясь: — А что это было?

— Царь народ расстрелял,— сказал тихо дядя Вася и стал совсем мрачным.— Вот что было. Ну, теперь пойдет...

— Что пойдет? — спросил я.

— Пойдет в открытую теперь,— ответил мне дядя Вася.— Он стреляет, ну, так и в него теперь будут стрелять, то-то... До каких пор терпеть можно? Всякому терпению конец придет. И пришел! Ну, пойдем дальше, замерз ты, поди...

— Нет, не замерз! — сказал я.

Я был еще мал, и смысл дядиных слов доходил до меня только наполовину, и я за этими словами видел что-то другое, по-ребя-

чески воспринятое, но я чувствовал, что произошло что-то очень значительное, мне еще непонятное, чему я стал свидетелем. И этот день я никогда не забуду, не забуду и этого пустынного позднего вечера, и эти костры, и темные пятна на снегу у черного Александровского сада.

Мы дошли до поворота на Малую Морскую в окружении настороженной тишины. Только откуда-то издалека доносилось цоканье копыт жандармского патруля, откуда-то с Невского, из-за Мойки.

А когда я оглядывался, я видел в отдалении ярко-красные вспышки костров на площади и маленькие черные фигурки, суетившиеся вокруг них.

Нам попалось навстречу несколько закутанных по уши человек, молча шагавших, не глядя друг на друга. Было очень холодно. С Невы дул ветер и гнал обрывки бумаг, газетные клочья. Эти замерзшие куски бумаги шуршали, как металлические стружки, когда ветер волочил их вдоль тротуара.

При входе на Малую Морскую мы увидели, как двое молодых людей вели под руки пожилую женщину. Она смотрела какими-то стеклянными глазами вперед, только вперед, и крепко сжатые тонкие губы казались черными на сером маленьком узком лице. Из-под меховой шапки у нее выбилась прядь седых волос. Ведший ее слева говорил ей, по-видимому, не раз повторяя одни и те же слова. Это было заметно по той усталости и почти безразличию, с какими он произносил их: «Он найдется. Он найдется обязательно! Мы его разыщем! Тут нет никого. Видите, никого! Успокойтесь. Мы его найдем! Прошу вас!..»

Но женщина не слушала его. Погрузившись в свои мысли, она шла, как механическая кукла, и я не раз обернулся, чтобы посмотреть им вслед. Они наконец скрылись за углом большого каменного дома.

— Кого они ищут? — спросил я дядю Васю.

— Тут сегодня много людей пропало,— сказал он,— их по больницам развезли всех, и убитых и раненых, и вот родные, наверное, ищут. И это запомни,— добавил он,— это — большое горе, брат, народное...

У самого дома нас остановил молодой дворник из нашего двора. Опираясь на большую деревянную лопату, которой он сгребал снег с тротуара, в белом переднике, с бляхой, в дворницкой фуражке, усмехаясь усмешкой сытого, здорового деревенского парня, он спросил:

— Гуляли, видать?

— Гуляли,— ответил дядя Вася, приняв равнодушный вид.

— А чего видели, когда гуляли?

— Чего видели? Солдат видели...

— А еще чего?

— А больше ничего,— зевнув, сказал дядя Вася.

— А правда, что во всем городе по народу стреляли? — спросил дворник, и глаза его стали хитрыми.

— Не знаю я,— сказал дядя Вася и тронул меня:— Пойдем, а то ты у меня совсем замерз!

— Гляди, и до царя доберутся,— громко сказал дворник, играя лопатой,— трон потрясут, вот здорово-то...

— Нас это не касается,— сказал дядя Вася и увлек меня во двор.

Уже на лестнице он стал тихо смеяться в свои жесткие усы:

— Это племянничек старшего дворника. Выслал дядя его на разведку: стой, мол, у ворот и разведывай, что думают люди, и смекай, кто что говорит. Так я ему и скажу, что думаю. Как бы не так! Молод еще, зелен...

Через день я встретил во дворе Ваську, того Ваську, что перебегал улицу перед кавалеристами. Он стоял, окруженный мальчишками, и о чем-то с жаром рассказывал. С ним рядом стоял и Петя Нечаев, который приговаривал:

— Это правда, это правда, честное слово...

Васька говорил, и все мальчишки слушали его с раскрытым от удивления ртом.

— Бегу, значит, я из булочной, меня за баранками и за ситным, значит, послали. И как оглянулся, ну, думаю, погиб совсем. Прямо на меня во-от такие лошади! Спасения нет! И тут лошадь одна умная меня спасла. Вот уж рядом, дыхание ее уже на шее чую. Рыжая такая, представительная, огромная, во! Грива — во! Взглянула на меня, как человек, ей-богу, и пожалела. И в сторону от меня как возьмет, а то бы мне конец. Ей-богу! Вот он видел, все так было.

— Что вы, не верите?! — закричал Петя Нечаев.— Ей-богу так все было! Вот он подтвердит.— И он указал на меня.

Все мальчишки уставились в мою сторону, недоверчиво оглядывая меня.

— Подтверждаю,— сказал я.— Мы из-за будки все видели. Все так и было. И лошадь была — здоровая, рыжая! Честное слово, так было! Перекреститься могу! Он не врет!

ЛАМПОЧКА

Я сидел в котельной Технологического института у дяди Васи. Он был кочегаром. Мне часто приходилось видеть его с лицом, запорошенным угольной пылью, в его рабочем костюме, с лопатой в руках у огромных, непонятно возвышавшихся надо мной котлов, напоминавших слонов, легших на бок.

И мне трудно было представить себе веселого, доброго дядю Васю среди майской зелени, идущего с ватагой ребят в лес ловить птиц, дядю Васю, слушающего, как заливается молодой кенар в темной комнате, учась у старого певца. Мой отец был тоже большой любитель птиц, но он никогда их не ловил. А дядя Вася был знаток птичьего мира. И когда однажды мы подсадили к больному пухляку чижа в приятели и этот чиж всерьез ухаживал за больным собратом, поил его из клювика и чистил ему перышки, то мы прозвали пухляка за серую с черным окраску его перьев кочегаром. «Как дядя Вася»,— сказал братишка, и это прозвище осталось за пухляком.

В лесу дядя Вася всегда был веселым, насвистывал разные птичьи мелодии, называл нам поименно птиц, качавшихся над нами на ветках, рассказывал смешные истории. Но сейчас он сидел мрачный и говорил мне почти нравоучительно:

— Вот ты маленький, а дела, брат, тут у нас большие. Мы сейчас в осаде находимся...

— А кто же вас осаждает? — спросил я, прислушиваясь: а вдруг тут рядом действительно война? Но все было тихо, и только что-то ворчали большие котлы, блестевшие в полумраке, и, когда их дверцы открывались, огненные языки свивались там в клубок, и жаркое дыхание шло на тебя, обжигая и ослепляя.

— Полковник Мин осаждает,— сказал дядя Вася,— это командир Семеновского полка. Студенты-то у нас взбунтовались. На институтском вечере царю глаза выкололи...

— Как,— спросил я,— совсем выкололи? А разве царь был тоже на вечере?..

— Да они у царского портрета выкололи, и митинг тут большой был и... Одним словом, мы против царя, весь институт. И тогда прислали этого полковника Мина, и он окружил институт, и у всех ворот снаружи стоят солдаты и смотрят, чтобы никто не пришел, особенно с пакетом. Думают, что бомбы несут в пакетах. Вот видишь, какие дела...

— А как же меня пустили? — спросил я.— Солдат только посмотрел на меня. Ничего не сказал.

— Ну, ты маленький еще, бомбы бросать не научился.

— А почему это царю глаза выкололи? — спросил я.

— Да так ему и надо. У нас ведь революция...

— А! — сказал я.— Это мы с тобой тогда, помнишь, ночью ходили через площадь, где людей убивали, 9 января. И костры горели, у костров эти самые солдаты-семеновцы сидели... Правда, они?

— Они,— сказал дядя Вася.— Память у тебя хорошая. Но только сейчас придет мой помощник, Саша, ты при нем не говори про эти вещи. Он такой, он, гляди, и куда не надо скажет. И загремим мы с тобой.

— Душно тут,— сказал я.— Я по двору погуляю немного, подышу воздухом.

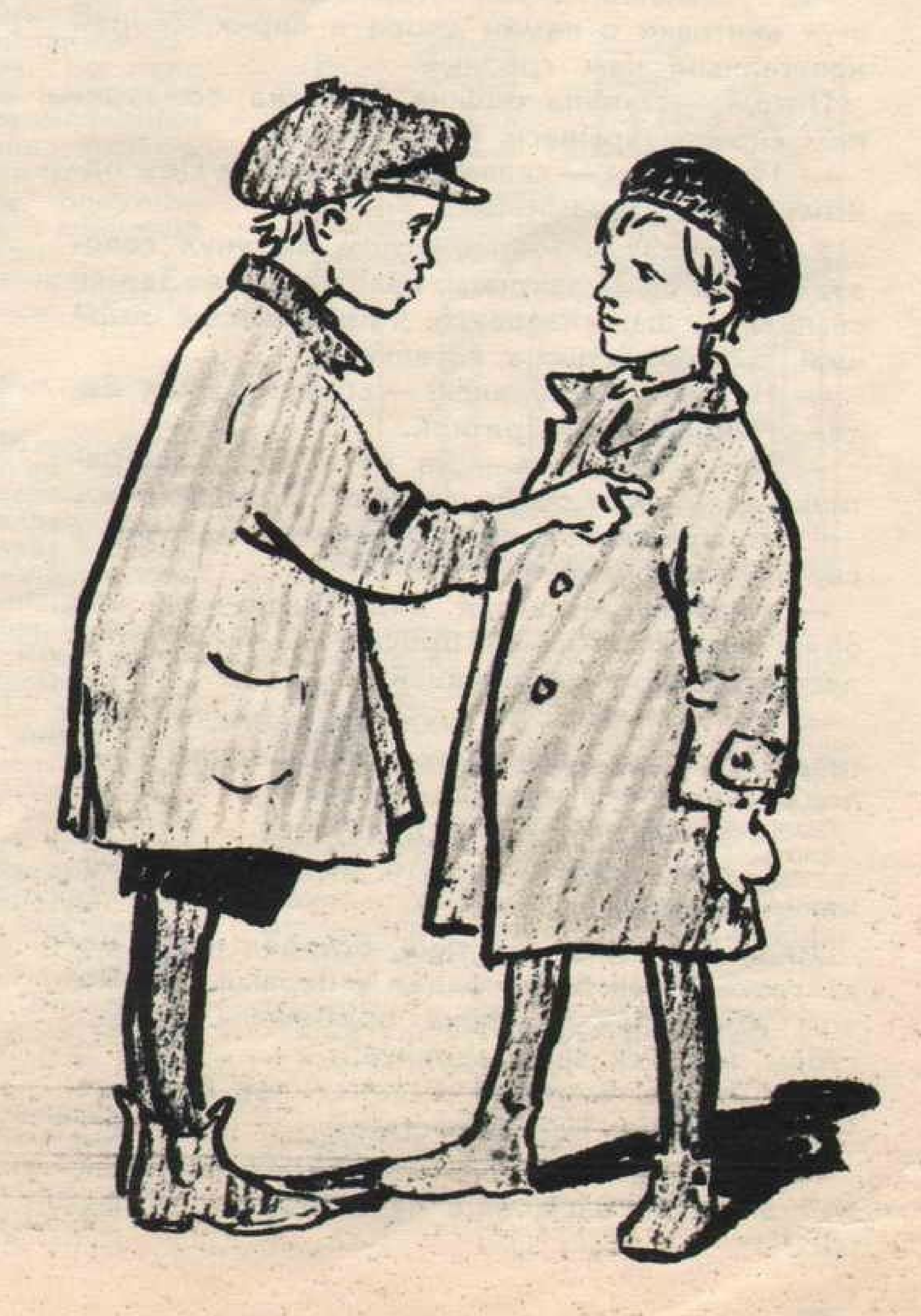
— Ну, иди, да недалеко. Не заблудись тут. У нас переходов, закоулков, как в каком посаде.

Я вышел из душного, горячего котельного помещения и стал прогуливаться в знакомом пространстве между большими серыми зданиями. Неведомая сила тянула меня к воротам, за которыми на улице размеренными шагами ходил часовой с винтовкой на плече и прислушивался ко всем подозрительным звукам.

Мне ужасно захотелось подбежать к воротам, ударить в них чем-нибудь тяжелым, чтобы испугать, смутить этого царского сторожа, приставленного к дяде Васе, к студентам, к институту.

Оглянувшись, я увидел мальчика в коротком сером пальтишке, в большой, не по голове кепке, который высовывался из-за угла и делал мне какие-то малопонятные знаки.

Я подошел к нему. Он был не выше меня,

но что-то в нем было от задорного воробья, который всем интересуется и всюду храбро скачет.

— Ты откуда? — спросил он.— Я что-то тебя раньше не видел.

— Я прихожу к дяде Васе. Я от него сейчас!

— Из котельной, значит,— сказал мальчик, и тут я увидел, что карманы его пальтишка странно оттопырены.

— А ты?

— А я здешний,— сказал он, подмигнув,— я Андрейка.

И вдруг без всякого перехода, снова подмигнув, прошептал:

— Хочешь бомбу бросать?

— Какую бомбу? — спросил я, не понимая, откуда мы достанем бомбу.

— Да я придумал этих царских солдат пугать. Чего они тут у нас караулят?! День и ночь стоят. Арестовали сколько! Царю служат, а мы, знаешь, царю глаза выкололи, мы все тут против царя, знаешь?..

— Знаю,— сказал я. Какой-то внутренний восторг охватил все мое существо.— А как ты это делаешь, скажи? Давай вместе бросим бомбы!

Тут Андрейка извлек из карманов две большие электрические лампочки и одну из них дал мне.

— Мы сейчас с тобой подкрадемся и за углом, вот за тем, у подъезда станем. И как я руку подниму, так раз, два, три — бросай, в самую середину ворот меть. Там звучней, я уже знаю... Ты не боишься? Если боишься, скажи. Я здорово первый раз боялся. А вдруг солдат откроет калитку да как выстрелит! У него, брат, ружье заряжено. Не боишься?

— Не боюсь,— сказал я, сжимая лампочку.

Мы подкрадывались к воротам, и когда были уже совсем близко, Андрейка показал головой на подъезд, в котором мы должны были укрыться.

Мы оглянулись. Вокруг не было ни одного человека. За воротами слышны были четкие шаги часового.

— Давай! Считаю,— сказал Андрейка.

В его широко раскрытых глазах было какое-то непонятное мне выражение. Полуоткрытый рот и отведенная назад рука, хищное, лукавое вместе с тем его лицо поразили меня. Я невольно, подражая ему, встал в ту же позицию.

— Раз, два, три!

Мы оба размахнулись разом, и лампочки ударились о ворота. Как ни вместе они были брошены, но они разбились с треском, ясно похожим на два выстрела. Мы бросились за выступ подъезда и прижались к стене.

Мы услышали скрип открывшейся калитки, стук винтовки о камни двора и окрик, скорей испуганный, чем грозный.

Потом наступила тишина. Калитка со скрипом снова закрылась. Шаги стихли.

— Подождем,— сказал Андрейка.— По одному идем. Первый ты...

Я подождал немного, потом высунул голову: ворота были закрыты, калитка тоже. За ней слышались шаги часового. Я пробрался с большой поспешностью в котельную.

— Ну как, прогулялся? — спросил дядя Вася.— Никого не встретил?..

— Нет,— сказал я.— Да кого ж тут встретишь, если вас в осаде держат?! Бомб боятся...

В это время в дверях показался мальчик в сером пальтишке.

— Андрейка,— сказал дядя Вася,— ты что, опять лампочки-бомбы бросал? На тебя не напасешься. Бросал, признайся?

— Ну, бросал,— отвечал Андрейка, подмигивая мне. Это у него такая была привычка — подмигивать.— И не один бросал...

— А с кем? — спросил дядя Вася.

— С ним,— сказал просто, показывая на меня, Андрейка.

Дядя Вася тихо свистнул, оглядел нас с ног до головы, как будто видел в первый раз. Потом довольная усмешка пробежала по его губам, и он сказал, вздохнув:

— Эх вы, бунтари! С таких лет бунтуете! Что же будет, как вырастете?..

— Большими будем,— сказал Андрейка.— Нет ли, дядя Вася, еще лампочек перегоревших?

Последний подвиг Фабрициуса

Однажды я просматривала старые газеты в Библиотеке имени В. И. Ленина. Вдруг с пожелтевшего от времени листа на меня глянуло мужественное, строгое лицо, с большими пушистыми усами, с веселыми, по-юношески озорными глазами. Портрет был заключен в черную траурную рамку. Под ним скупая газетная информация: «Направляясь на маневры, погиб при аварии самолета Ян Фрицевич Фабрициус».

Мой сосед, пожилой мужчина в военной гимнастерке, заглянул в раскрытую газету и неожиданно повернулся ко мне.

— Разрешите посмотреть. Извините,— смущенно улыбнулся он,— увидел портрет Яна и не смог удержаться.

— Вы знали Фабрициуса?

— Конечно... Мы с ним вместе еще в гражданскую воевали.

Моего случайного знакомого звали Кирилл Георгиевич Еремин. Он старый большевик, участник пяти войн.

В тот вечер Еремин много рассказывал о Фабрициусе, о его трагической гибели в августе 1929 года...

— Ведь эта катастрофа произошла почти у меня на глазах,— сказал он.— В то лето Ян Фрицевич отдыхал в Сочи, а я был начальником связи тридцать второго погранотряда в Новороссийске. Однажды он вызвал меня по телефону:

«Приезжай, Кирилл, старое вспомним, о друзьях поговорим».

Выехать мне удалось только на следующий день. Прибыв в Сочи, я узнал, что Фабрициуса срочно вызвали на маневры Кавказской Краснознаменной армии, в которой он был заместителем командующего.

Мне стало грустно, что встреча не состоялась Я медленно побрел к морю. И тут близ городского пляжа увидел огромную толпу. Качался на волнах перевернутый вверх колесами самолет. Его канатами тянули к берегу.

Очевидцы рассказали, что самолет упал в море в шестидесяти метрах от берега и некоторое время держался на воде. К нему тут же подплыло несколько лодок. Фабрициус, находившийся в кабине в числе пассажиров, высунулся в окно, закричал:

«Здесь женщина с ребенком. Спасайте их!»

Он подал в окно девочку лет четырех — пяти. Потом буквально вытолкнул женщину. А в тот момент, когда Фабрициус попытался вылезти в окно сам, самолет перевернулся. Так погиб этот отважный красный командир, добрый, кристально чистый человек. Что сталось с этой женщиной, с ребенком? Живы ли они, интересно узнать,— помолчав, добавил Кирилл Георгиевич.

«Действительно, интересно повидать этих людей. Но как найти их?» — подумала я.

С большим трудом удалось узнать, что фамилия спасенной — Андреева. Но сколько Андреевых в Советском Союзе!

Долгие поиски привели в квартиру на Разгуляе. Дверь мне открыла полная седая женщина.

— Да, это я летела тогда вместе с Фабрициусом.

И Александра Васильевна Андреева рассказала подробности катастрофы. Вместе со своим мужем и четырехлетней дочкой Инной она летела из Москвы в Сухуми. В Сочи к ним присоединился Фабрициус.

— Видно, он любил детей. Как только увидел мою Инку, так сразу же начал с ней шутить, угощать ее орехами, конфетами, щекотать своими длинными пушистыми усами.

Я села на свое место, взяла дочку на руки. Фабрициус сел позади меня. Завели мотор. Самолет покатился, пробежал несколько метров и вдруг остановился.

«Что-то у них не ладится»,— озабоченно сказал мне Фабрициус.

Мотор снова завели, мы взлетели. Но самолет никак не мог набрать высоту. Над морем он странно покачнулся и через несколько секунд упал. От резкого толчка дочка выскочила у меня из рук и отлетела в дальний угол кабины, где были сложены чемоданы. В кабину хлынули потоки воды. Я кинулась к мужу. Но он и сидевший рядом с ним пассажир — инженер Гартье — были без сознания. Ко мне обернулся Фабрициус. Лицо его было очень бледно, но спокойно.

«Не волнуйтесь,— проговорил он.— Надо спасти ребенка».

Он бросился к вещам, откуда-то из-под чемоданов вытащил Инну. Одно окно было еще над водой. Фабрициус поднес Инну к этому окну, открыл его и передал девочку кому-то.

Я. Ф. Фабрициус. 1929 год.

Потом он пробрался ко мне. Вода была уже нам по грудь. «Лезьте в окно».

Вода ударила меня в лицо, я захлебнулась... И очнулась уже в лодке...

Тридцать лет прошло с тех пор. Но в моей памяти живы все подробности этого трагического события...

— А где сейчас ваша дочка, которую спас Фабрициус?

— Инна уже взрослая. Она гидроэнергетик, кандидат наук. Работает под Москвой в научно-исследовательском институте.

Слушая рассказ Александры Васильевны, я думала о величии души Яна Фрицевича Фабрициуса. В минуту смертельной опасности он уступил другим свое право на жизнь, на спасение! Так поступить мог только настоящий человек.

Л. КАФАНОВА

Я ПРЫГАЮ С НЕБА

Мы медленно поднимались на аэростате в синее-синее небо. Конечно, девушки и ребята все время шутили, смеялись. Ни страха, ни волнений.

Но когда раздалась команда Викентия Артемовича Бутулова, нашего командира звена: «Качибая! Приготовиться!»,— сердце мое ушло куда-то в пятки.

Я прыгнула. Толчок. Парашют автоматически раскрылся, и вдруг земля со всеми ее горами, реками и лесами стала как будто принадлежать мне, одной только мне! Меня охватила радость, какое-то особое ликование... Ощущение от прыжка оказалось еще лучше, еще сильнее, чем я представляла себе мысленно во время многих месяцев занятий в аэроклубе.

Это был мой первый прыжок, два года назад.

Сейчас я сама в воздухе раскрываю парашют. Совершила несколько прыжков ночью.

Вместе со своими подругами Светланой Черноивановой и Клавой Петровой готовлюсь перейти из третьего во второй спортивный разряд.

Мы очень любим свой спорт. С нетерпением ждем субботы или воскресенья, чтоб, проснувшись в четыре часа утра, выехать за город, подняться в небо и снова испытать это ни с чем не сравнимое ощущение то ли птицы небесной, то ли хозяйки земли.

Клара КАЧИБАЯ,
прессовщица Тбилисского завода пластмасс

Фото В. Джейранова.

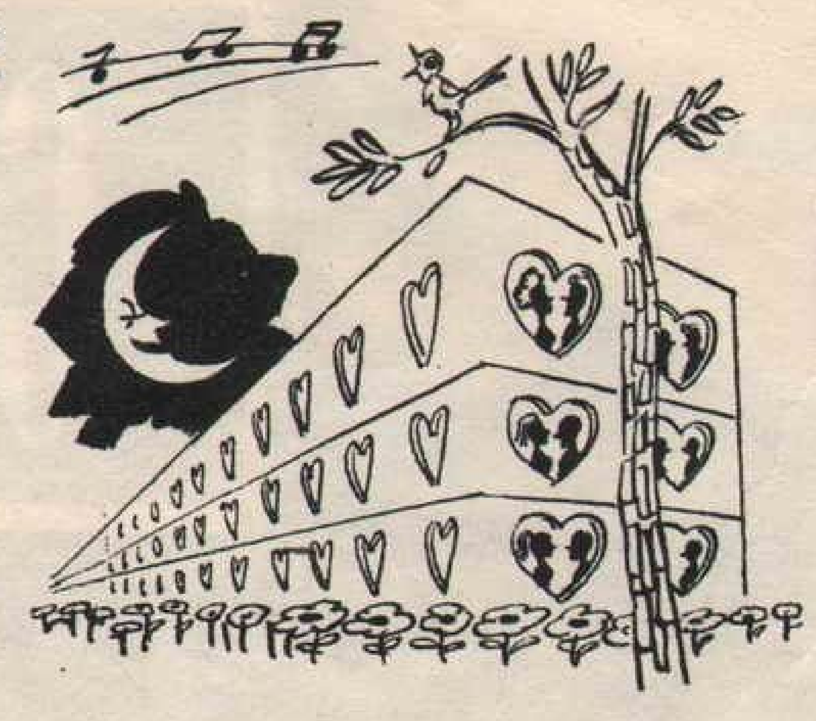
В журнале «Огонек» № 3 был напечатан репортаж Н. Светловой «Твой дом». Вопросы, поднятые в нем, заинтересовали читателей. Редакция получила много писем: в одних радовались успехам архитекторов и строителей; в других возражали против некоторых элементов типовых проектов, просили советов и давали советы, спрашивали о перспективах строительства, об основных направлениях развития архитектуры. Те же вопросы были подняты и на совещании, проведенном редакцией.

Сегодня по этому поводу высказываются читатели и архитекторы.

Продолжаем разговор о новых домах

Там, где ты живешь...

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Не только квадратный метр

За последние годы разработан архитекторами и утвержден жизнью новый тип квартир: небольшие, комфортабельные, рассчитанные на одну семью.

Семье — отдельную квартиру! Это требование решительно изменило всю политику жилищного строительства.

— Справедливо пишут читатели «Огонька» о том, что сейчас речь идет не только о квадратном метре,— сказал архитектор Н. А. Остерман, автор проекта 9-го квартала в Новых Черемушках.— Квартиры должны быть удобны и красивы. Когда мы перешли к типовым домам с квартирами для одной семьи, перед нами встала задача: проектировать так, чтобы квадратный метр жилой площади был не дороже квадратного метра коммунальных квартир в старых домах. Отдельная квартира, к тому же более комфортабельная, чем прежние, должна быть «экономична», обходиться государству дешевле. Для этого архитекторы уменьшили кухни, сделали совмещенными санитарные узлы, применили проходные комнаты: в отдельной квартире это не беда.

Многих волнует высота потолков в новых квартирах.

На имя редакции пришло письмо из Ташкента от Е. Израиловой, которая недовольна тем, что должна получить комнату высотой в 2,8 метра.

— С нашей точки зрения, подтвержденной в беседах с новоселами,— ответил Н. А. Остерман,— снижение высоты отнюдь не лишает квартиру комфорта. Раньше в коммунальных квартирах высота потолка была 3—3,3 метра. Но если подсчитать объем воздуха, который приходится на одну семью в коммунальной квартире и при сниженной высоте в отдельной, то получается, что в последнем случае кубатура не уменьшается, а, как правило, даже увеличивается.

Член президиума Академии строительства и архитектуры СССР Б. Ф. Рубаненко дополнил ответ на письмо Е. Израиловой. Он рассказал об опыте строительства в зарубежных странах:

— В Англии, например, в стране высокого жилищного комфорта, государственная норма высоты потолка — 2,4 метра. Я знакомился со строительством в Швеции, где нормы обеспеченности жильем, пожалуй, самые большие в Европе. Там высота квартир за последние годы снизилась с 2,8 метра до 2,5. Нам думается, что уменьшение высоты идет не в ущерб комфорту, но позволяет решить большую, важную проблему — предоставить каждой семье отдельную квартиру.

Квартиры для молодоженов

Пишут читатели и о том, что в новых типовых проектах надо в большей степени учитывать, какие семьи будут заселять дом.

Отвечая читателям, Б. Ф. Рубаненко рассказывает:

— Пока еще практически нет квартир для одного — двух человек. И дело не только в том, что они должны быть меньше по метражу. Нужно и структуру их менять. Например, квартиры для молодоженов, для одиноких людей могут обойтись без большой кухни, но тогда важно, чтобы в доме была столовая. Можно и нужно строить здания, специально рассчитанные на таких жильцов, как пенсионеры. Около дома должны быть участки, где можно развести небольшой сад, огород или цветник.

Сейчас разработан проект дома для молодоженов и одиноких. По этому проекту только в Москве построят сорок домов. В маленьких квартирах — комната 14—15 метров, кухня с мойкой и небольшой плитой, встроенный платяной шкаф и совмещенный с душем санитарный узел. На этажах имеются общие гостиные, где можно встречаться с соседями, принимать друзей. Такие дома имеют вид буквы П. Между двумя корпусами застекленный коридор. Здесь находятся кафе и столовая, домовая кухня, мастерские по мелкому ремонту одежды, починке обуви.

Бывает так: получили люди квартиру и довольны. Кому хватает одной комнаты, другие разместились в двух или трех комнатах. Но может случиться, что молодожены станут родителями, а одинокие женятся или выйдут замуж, в одной семье появится зять, в другой невестка... И комнат уже понадобится больше. Что же делать? Перебираться в новую квартиру?

Архитекторы не могли не задуматься и над этим. Решили: надо строить «изменяемые квартиры», в которых передвигались бы внутренние перегородки, чтобы жильцы могли по своему усмотрению разгородить квартиру, одну комнату увеличить за счет другой или из двух сделать три.

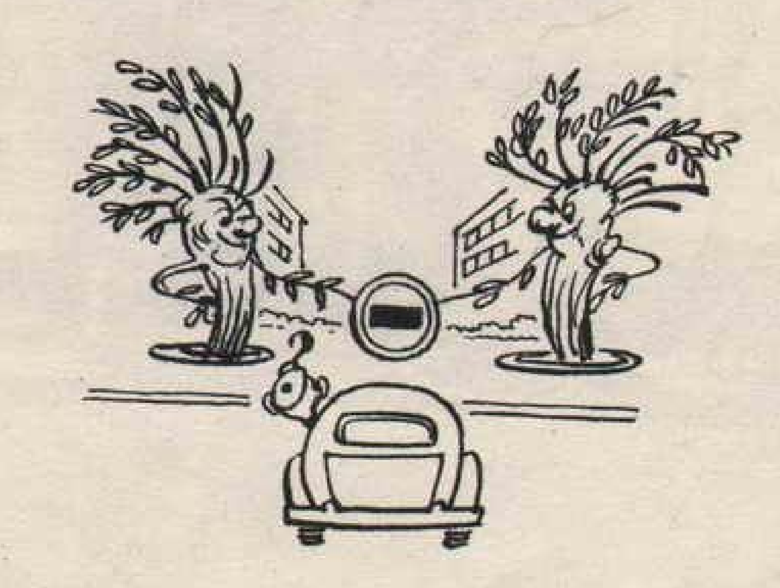
И над такими проектами работают сегодня архитекторы.

О планировке кварталов

Алексей Павлович Гундорин из города Саратова в своем письме в редакцию возражает против свободной планировки кварталов; он предпочитает, чтобы все дома выходили только на улицы. «Как же,— спрашивает он,— будут проезжать автомашины в новые кварталы, в частности в 9-й квартал, о котором я прочитал в статье «Твой дом»?»

Архитекторы, принимавшие участие в совещании, созванном редакцией, не соглашаются с А. Гундориным.

— Нам кажется, что вообще транспорт нельзя пускать в жилые кварталы. И планировка, на наш взгляд, тем лучше, чем сложнее будет проезжать транспорту. Конечно, для машин «Скорой помощи», пожарной команды, о которых беспокоится товарищ Гундорин, не может быть задержки. Для них подъездные пути предусмотрены. Каждый дом имеет свой номер, его легко найти в квартале.

Свободная планировка — это новое, современное решение жилого квартала. И в первую очередь это удобно! Здесь, внутри квартала, можно организовать прекрасное место для игр ребятишек. Тут нет асфальта, нет машин, а есть трава, деревья, цветы, бассейны. В свободные дни и часы хорошо отдохнуть и взрослым под тенью деревьев.

В новом квартале все должно быть удобно. А ведь неуютно жить в доме, первый этаж которого занят магазином: беспокойно, шумно, все время гремят машины. Поэтому в новых кварталах магазины вынесли из жилых домов. Но пока еще этот вопрос решен не совсем разумно. Небольшие специализированные магазины широко разбросаны по кварталу, и для того, чтобы сделать различные покупки, приходится совершать довольно утомительные путешествия.

В будущем надо планировать в каждом квартале торговые центры.

Красиво — это просто

Чтобы в вашей квартире было красиво, уютно, сколько людей различных профессий должны применить свои знания, талант: архитекторы, строители, мебельщики, художники по декоративным тканям, скульпторы, живописцы!..

«Убранству квартиры,— пишет тов. Логинова из Новосибирска,— до недавнего времени не уделяли внимания. А ведь устроить красивой квартиру не менее важно, чем сшить красивое платье, сделать красивую прическу...»

Далеко не всегда в магазинах можно видеть недорогие и выполненные со вкусом изделия для убранства квартиры. Правда, ими можно любоваться на выставках. А в магазинах вы чаще встретите дорогие сервизы, вазы, скульптуры. Негодуя по этому поводу и присоединяясь к голосу читателя из Новосибирска, архитектор тов. Зиновьев говорит:

— Если на стекло наносится какой-то рисунок, на фарфоровое изделие — золотой ободок, то оно уже стоит дороже. Эти излишние украшения часто только ухудшают изделия, но они выгодны руководителям тех предприятий, которые заботятся лишь об одном — выполнить план в денежном выражении. Если же говорить об интересах потребителя, то он хочет получить для убранства квартиры вещи дешевые и красивые. А красиво — это просто.

Есть еще одна причина появления в магазинах крикливых, аляповатых изделий, «украшающих» квартиру: низка требовательность, а порой и недостаточен вкус тех, кто утверждает образцы изделий на художественных советах. Не всегда на этих советах услышишь голос архитектора, художника. А ведь именно они и должны решать, что красиво и что уродливо.

Архитектура и мебель

Читатели в своих откликах затронули и этот вопрос. Н. Лисафьев из города Владимира, В. Первова из Москвы правильно пишут: проблемы мебели и архитектуры тесно связаны.

— Сейчас,— говорит начальник отдела жилищно-гражданского строительства Госстроя СССР Н. Смирнов,— бывает так: ввезут в новую квартиру шкаф-гигант, загородит он половину комнаты, и ну жильцы ругать архитекторов! А тут как раз надо мебельщиков вспомнить. Но и архитекторы не могут в стороне стоять. Они должны более активно вмешиваться в работу мебельной промышленности. В их поле зрения должна быть конструкция и дивана, и встроенного шкафа, и удобной полки, и электроарматуры. В последнее время архитекторы уже начали с большей заинтересованностью участвовать в оборудовании и отделке квартиры, и работники промышленности стали несколько активнее.

Читатели дают полезные советы. Москвич Г. Бебутов и В. Иванюк из Ленинградской области предлагают распределять новые квартиры уже меблированными или обязать мебельные фабрики принимать заказы у новоселов.

Давайте продолжим мысль товарищей Бебутова и Иванюка: почему бы в каждом городе, в каждом районе города не организовать ателье, где можно заказать мебель, выбрав цвет, форму, размер, и притом по сходной цене? Не стоит ли задуматься над этими предложениями Госстрою СССР и министерствам торговли?

О многом рассказали нам архитекторы, строители, интересными соображениями поделились с нами читатели. Но разговор этот, разговор о нашем доме, можно и нужно продолжить.

СТАДИОН-ЭНТУЗ

На тренировку! Настроение у гимнастов и акробатов, как нетрудно убедиться, превосходное.

Вик. ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Бочинина.

У стадионов, как и у людей, своя судьба. Есть еще стадионы, ворота которых открыты главным образом для так называемых перспективных спортсменов. Это стадионы-белоручки, большую часть времени они пустуют. Совсем другое — стадионы-труженики, стадионы-энтузиасты. Их ворота радушно распахнуты для всех, кто любит физические упражнения, кто хочет не только улучшить свои результаты в том или ином виде спорта, но и просто побегать в свободный час, размять мускулы.

Стадион, о котором пойдет речь, относится к сооружениям именно такого рода. Это младший брат московских стадионов, хотя по возрасту он и старше некоторых из них. Здесь не бывает международных футбольных матчей, отсюда не разносится по окрестностям мощное «Тама!». И все-таки у очень и очень многих любителей спорта связаны с этим стадионом приятные воспоминания.

Да, да, вы угадали: это стадион Юных пионеров, вечно хлопочущий, вечно наполненный детворой, стадион, которому 27 июня «стукнуло» 25 лет.

Это не просто стадион. Это и детская спортивная школа, в одиннадцати отделениях которой занимается больше двух тысяч ребят. Это и место, где проводят свои состязания школьные команды многих районов столицы, где устраиваются поединки дворовых команд, где, наконец, соревнуются мальчики и девочки, которым просто захотелось попробовать свои силы в беге или в прыжках.

Но и это не все. Стадион Юных пионеров — очень умный и авторитетный пропагандист спорта. Не ограничиваясь всевозможными спортивными состязаниями на территории стадиона, тренеры проводят со своими юными питомцами различные показательные выступления во дворах больших домов. Лучшие легкоатлеты пионерского стадиона выступали по телевидению, показывая своим сверстникам, чего можно добиться при старании и трудолюбии. Ученики отделения фигурного катания демонстрировали свое умение не только в Москве, но и выезжали на Урал, в Таллин, Тбилиси, Ленинград и другие города.

Впрочем, на счету фигуристов есть уже и внушительные международные достижения; они одержали победы в двух матчевых встречах — дома и в гостях — с юными фигуристами варшавского спортивного клуба «Связь».

Некоторое время назад юных фигуристов навестил заморский гость Джон Харрис, президент калифорнийской студии фигурного катания. Он дотошно знакомился с системой занятий, наблюдал за детьми во время тренировок и соревнований. Свои впечатления Харрис выразил коротко и ясно: «Очень, очень прекрасно! Удивительно! Поздравляю!»

Уже собираясь уезжать, Харрис спросил у старшего тренера по фигурному катанию Татьяны Александровны Гранаткиной-Толмачевой:

— Скажите, а дорого это стоит — поместить ребенка в вашу школу?

Ответ вызвал у гостя вежливую, но, тем не менее, ироническую улыбку. Вскоре настала очередь улыбаться уже Татьяне Александровне: она заметила, как Харрис отвел в сторону одного из ребят и, как она потом узнала, задал тот же вопрос. Получив интервью у ребенка — а, как известно, устами младенца глаголет истина,— Харрис уже не сомневался в том, что занятия на стадионе проводятся бесплатно. И ведь это действительно «очень прекрасно»!

УЗИАСТ

Когда я беседовал с руководителями стадиона, они с гордостью называли огромные цифры разрядников, которые подготовлены здесь за последние годы. Не буду называть фамилий всех способных спортсменов, пусть о них пишут пока в «Пионерской правде», но

Поговорить с Лидией Даниловной Чупшевой, послушать ее рассказы о бывших воспитанниках стадиона — это так интересно!

несколько юных дарований уже пробило себе дорогу в большой спорт, и не сказать о них нельзя.

Шесть юных фигуристок — победительниц всесоюзных соревнований: Ира Люлякова, Таня Немцова, Маргарита Смирнова, Светлана Тарасова, Таня Савичева и Ира Гришкова — кандидатки в олимпийскую команду, которая поедет на Белую олимпиаду в Скво-Вэлли.

В подтверждение того, что питомцы пионерского стадиона «шутить не любят», приведу очень лаконичные выдержки из послужного списка. На стадионе Юных пионеров начинали свой путь в спорте и совершенствовались рекордсмен мира в тройном прыжке Олег Федосеев, олимпийская чемпионка по гимнастике Софья Муратова, экс-чемпион мира по шахматам Василий Смыслов, футболисты Игорь Нетто, Виталий Арбутов, Борис Батанов, Анатолий Коршунов, хоккеисты Юрий Баулин, Генрих Сидоренков, бывший рекордсмен мира велосипедист Ростислав Варгашкин, неоднократные участники чемпионатов Европы по фигурному катанию Валентин Захаров и Олег Симантовский и многие другие прославленные ныне спортсмены.

Само собой понятно, что воспитать такую плеяду под силу только одаренным, а главное, самозабвенно влюбленным в свое дело педагогам. И когда директор стадиона Лидия Даниловна Чупшева с гордостью называет своих тренеров «фанатиками», она выражается абсолютно точно. Да, они фанатики, хотя и счастливые! Ибо и знакомая нам Гранаткина-Толмачева, и шашист Борис Абрамович Миротин (оба они работают на стадионе со дня его основания), и гимнаст Александр Константинович Сцепуро, и наставница конькобежцев Мария Александровна Прошина, и легкоатлет Лев Соломонович Шац, да и остальные сорок тренеров видят смысл жизни в спортивных радостях своих учеников.

А что за удивительный человек сама Чупшева! Каким задором горят ее удивительно молодые глаза, когда она говорит о своем детище — стадионе! Десять лет работает Чупшева на стадионе, и все, что здесь создано, оборудовано за эти годы: лучший в стране велотрек, Дом физкультуры с двумя залами, центральное спортивное ядро с трибунами, каток искусственного льда,— все это обязано ее энергии, ее хлопотливой натуре. И когда Чупшева мимоходом признается, что за десять лет она имела лишь несколько выходных дней, я уже не удивляюсь...

Едва ли не самая замечательная черта в жизни стадиона — это стремление приучить ребят к самостоятельности, убедить их в том, что они настоящие хозяева стадиона, обладающие не только завидными правами, но и обязанностями.

Многие состязания на стадионе проводят сами ребята. Они строго выполняют обязанности судей, пунктуально ведут протоколы соревнований, заботятся о том, чтобы площадка или беговая дорожка была доведена до полной кондиции.

Но нигде, пожалуй, не проявляется у ребят так выпукло «хозяйская жилка», как в летнем спортивном лагере стадиона Юных пионеров. Лагерь этот, расположенный в красивой местности под Подольском, особенный. Здесь все держится на ребячьей самодеятельности. На весь лагерь — одна няня. Официанток вообще нет. Кроме приготовления обеда, все остальное: и уборка лагеря, и работа в подсобном хозяйстве, и множество всяких крупных и мелких забот — ложится на плечи ребят.

Плечи эти крепкие. В лагере дети с первого и до последнего дня ходят босиком. Все ребята, конечно, умеют плавать, и речка — излюбленное место отдыха. Кстати, из речки таскали легкоатлеты гравий на дорогу, протянувшуюся от берега до столовой. Длина дороги — полкилометра, ширина — 4 метра. Не очень это просто — построить такую дорогу, не правда ли?

Для мам, которых такой режим может напугать, сообщу лишь один факт: за пять лет существования лагеря там не было ни одного инфекционного заболевания!

Все время, свободное от работы в лагере, на подсобном хозяйстве, от занятий кружков, ребята отдают спорту. Они и здесь верны традициям родного стадиона: юные спортсмены шефствуют над соседним лагерем люберецкого завода.

...Если вы увидите на Ленинградском проспекте крепкого, загорелого мальчугана с чемоданчиком в руке, не сомневайтесь: он идет на тренировку на стадион Юных пионеров.

Сибиряки

Михаил ДЕМИН

* * *

В тумане на излуке узкой
осинки сгрудились толпой.
Похоже,
с гор к реке Тунгуске
сошла тайга на водопой...

Но все чеканней
скал оскал.
Светает.
Ахнул аммонал.

И автокраны
у излуки
стальные поднимают руки;
на фоне каменной резьбы,
над той тайгой, объятой ранью,
стоят они,
как на собранье,
и голосуют:
стройке
быть!

Вот экскаватор пасть ковша
разинул, мшистый склон круша.

Гром над карьером каменистым.
Пыль на лице у машиниста.
Но пареньку не до красы.
Он твердо знает:

в эти годы
ложится
каждый ковш породы
на чашу мира, на весы!

* * *

В переплетах будущего цеха
родилось и заблудилось эхо.

Звезды сварки
гасят синеву.
Ельник в бликах.
Плес оброс туманом.
И кривой,
как крюк от автокрана,
месяц опускается в листву.

И рассвет
малиновый флажок
на груди у сварщицы зажег.
И горит
над кедровым простором
этот флаг...

А там, внизу, грозя,
норд грохочет.
Здесь, как и минеру,
ошибаться мастеру нельзя.

Но в высотных переплетах цеха
бродит эхо девичьего смеха.

...Гул лебедок.
Отголоски песен.
Пролетают мимо облака.

И глядит на множество
профессий
сварщица по праву свысока.

На Восток!

Вадим СЕМЕРНИН

1

Сосен стройные верхушки,
на путях — косая тень.
И частят, частят частушки
подмосковных деревень.

От тоннеля до тоннеля
песня рвется из груди,
и колеса не успели
и остались позади...

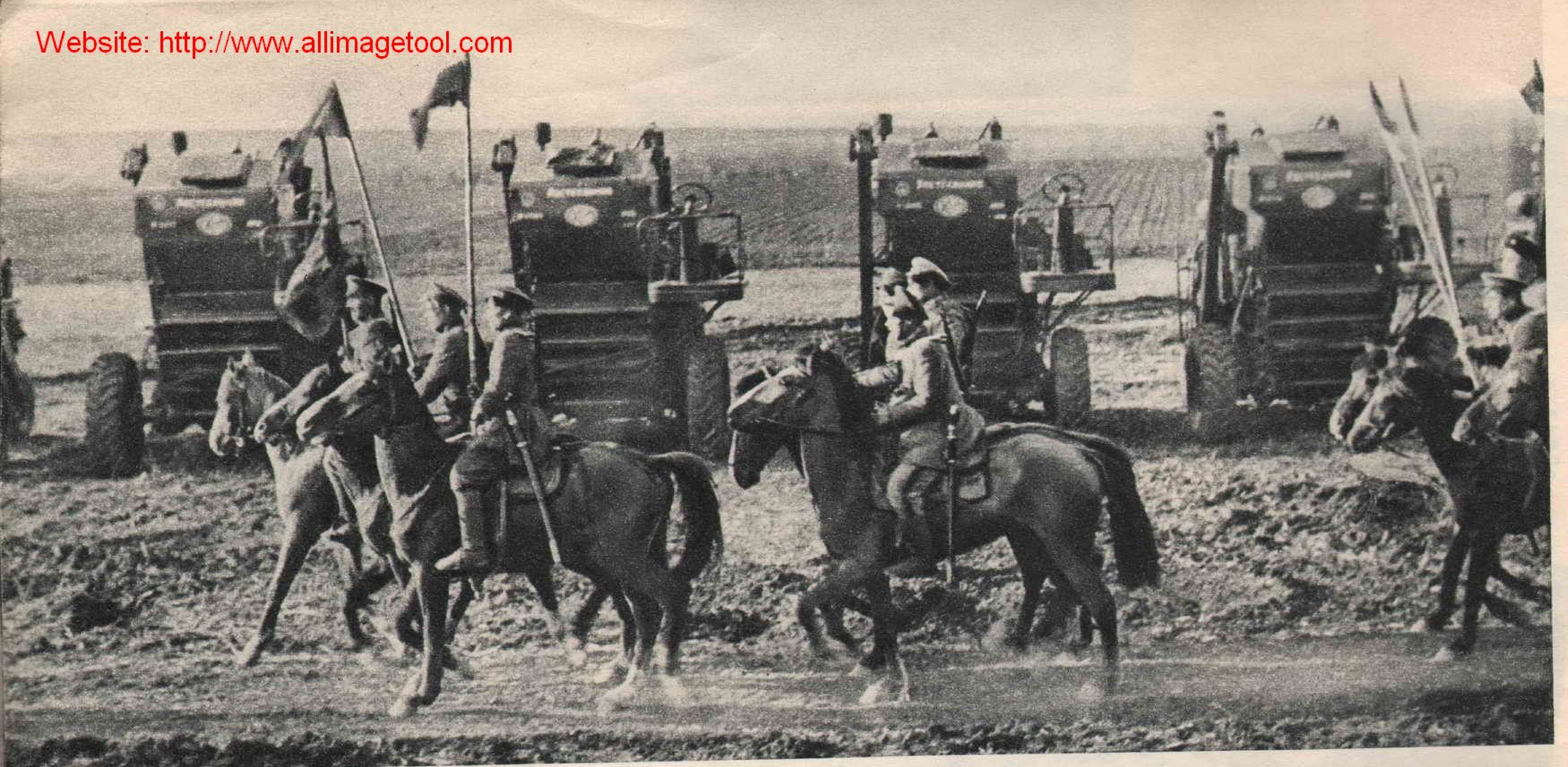
2

Уезжала песня на восток,
над тайгою ширясь
постепенно.
Пел ее веселый паренек,
положив гитару на колено.

Говорила песня про свое,
пела о любви большой и
крепкой.
И в пути, приветствуя ее,
светофор махал зеленой
кепкой.

Поспевал локомотив едва,
были очень редкими стоянки.
Чтоб услышать песни той слова,
к самым рельсам жались
полустанки.

Голос тонко-тоненько ходил,
а тайгу качало и будило!
Парень песню стройно
выводил,
песня парня в люди выводила.

Готовится съемка эпизода «Сон Нагульнова».

Мы привыкли к стремительному темпу жизни. Что способно ошеломить нас теперь, когда создан искусственный спутник Солнца? Разве можно сегодня восхищаться тем, что керосиновую коптилку сменила электрическая лампочка, вместо волов в плуги впрягают тракторы, а крестьянские дети становятся врачами, педагогами, агрономами?..

Но ведь все это превратилось в обыденное из невероятного, стало действительностью на протяжении лишь одного, еще не состарившегося поколения. И это само по себе уже значительно!.. А когда «сегодня» и «вчера» вдруг сталкиваются в поле нашего зрения, как в поле зрения одного объектива, разительность перемен раскрывается во всей их полноте.

ВСТРЕЧА ДВУХ ЭПОХ

И. ТУНКЕЛЬ,
В. ПОЛЫНИН

Такие картины, каждую из которых можно было бы сопроводить одним и тем же названием: «Встреча двух эпох», — мы увидели во время съемок фильма «Поднятая целина» по одноименному роману Михаила Шолохова.

...Фильм «Поднятая целина» снимает ленинградская студия «Ленфильм». Не будет преувеличением назвать картину исторической. События, описанные в романе и показанные в кинематографе, связаны с определенной исторической эпохой, конкретно — с 1930 годом. Деятелям кино не впервой снимать исторические фильмы и ради восстановления эпохи строить средневековые замки и античные города. В данном случае предполагалось, что такой необходимости нет: прошло всего 29 лет.

Постановщику фильма Александру Иванову, оператору Вячеславу Фастовичу и режиссеру Владимиру Степанову не хотелось проводить всю съемочную работу в павильонах еще и потому, что они задались целью создать произведение, предельно близкое к шолоховскому оригиналу и по пейзажу, и по обстановке, и по типажам в массовых сценах. Обратились к автору романа за советом, куда направиться с киноэкспедицией. Вот почему съемки идут главным образом в станице Каргинской, в Миллерове и в других населенных пунктах Ростовской области.

Каргинские станичники восприняли появление у них киногруппы как нечто само собой разумеющееся. Они абсолютно убеждены, что шолоховский Гремячий Лог — это точно срисованная Каргинская. Недаром же автор является уроженцем тех мест!.. Они уверяют, что именно один из жителей Каргинской — дед Карга — выведен Шолоховым под вымышленным именем деда Щукаря, что именно в их станице жила женщина — точь-в-точь Лушка. Вам укажут, с кого из каргинских станичников писал Шолохов Нагульнова, Разметнова, Островнова. Был в Каргинской и свой Давыдов. Причем если внимательно прислушаться к рассказчикам, то в Каргинской насчитывалось чуть ли не шесть Щукарей!.. Может ли существовать более убедительное доказательство авторского права Каргинской на «Поднятую целину»?!

Провода мешают...

Станица Каргинская стоит вдали от железных дорог. Мимо нее не проложены автострады. И все же для восстановления шолоховского пейзажа киногруппа вынуждена была валить электрические столбы, снимать паутину телефонных и радиопроводов, камуфлировать крыши домов камышом и соломой... Пришлось кинематографистам встретиться и вовсе с неожиданным обстоятельством.

Выяснилось, что юные казаки — а они по отношению к себе и знать не хотят иной этнографической характеристики — не умеют как следует сидеть на лошади. Постановщикам казалось, что уж где-где, а в казачьей-то станице у них среди малолетних всадников будет большой выбор на роль Федотки. После долгих и трудных поисков был наконец обнаружен паренек, умеющий ездить и рысью, и наметом, и без седла, — ученик четвертого класса Шурик Крамсков. Но и он — знамение времени! — ездит на велосипеде куда с большей уверенностью, чем на коне.

Интересно было наблюдать, как снимался эпизод фильма «Сон Нагульнова». В эпизоде должны участвовать казачьи сотни. Кавалерия для массовки была сформирована из местных колхозников. Разумеется, были среди них и всадники, уверенно держащие повод, но... подавляющее большинство чувствовало себя в седле весьма неуютно. По специальности они большей частью механизаторы, и для них куда привычней сиденье трактора.

А вот съемка другого эпизода: "Гремяченские бабы избивают председателя колхоза Давыдова».

— В ваших глазах, — растолковывает режиссер Иванов женщинам, участницам массовки,— должен гореть огонь лютой ненависти к нему! Понятно?..

Но среди всех присутствующих постановщик фильма — единственный участник гражданской войны, ожесточенной классовой борьбы. Поэтому-то «бабам» так трудно было понять актерскую задачу!..

В нашем присутствии снимался эпизод «Ограбление колхозных амбаров». В съемке участвовали не только актеры, но и жители колхоза «Заря коммунизма». Мы поинтересовались, что за люди заняты в этой массовке. Это были медсестра местной больницы Надя Низкодубова, учительница Анна Калмыкова, библиотекарь Раиса Пимченко, чабан Галина Удовенко, электротехник Дмитрий Мирошников, киномеханик Федор Бахмутский. Простое перечисление профессий, обычных теперь в каждом селе,— тоже знамение нашего времени.

Самое важное, самое интересное во встрече двух эпох, при которой нам посчастливилось присутствовать,— это даже не столько постоянно меняющийся облик сел и станиц. Человек за 29 лет изменился неузнаваемо! И в этом главная наша победа...

Старое и новое на одном и том же поле...

«Бабий бунт». Эпизод из фильма.

А это эпизод из жизни: Петр Чернов (играющий Давыдова), среди участников самодеятельности, которые также снимались в сцене «Бабьего бунта».

В эпизоде «Грабеж амбаров» участвуют:

чабан
Галина Удовенко

электротехник
Дмитрий Мирошников

учительница
Анна Калмыкова

киномеханик
Федор Бахмутский

медсестра
Надежда Низкодубова

библиотекарь
Раиса Пимченко.

Федотка (Шурик Крамсков) на велосипеде.

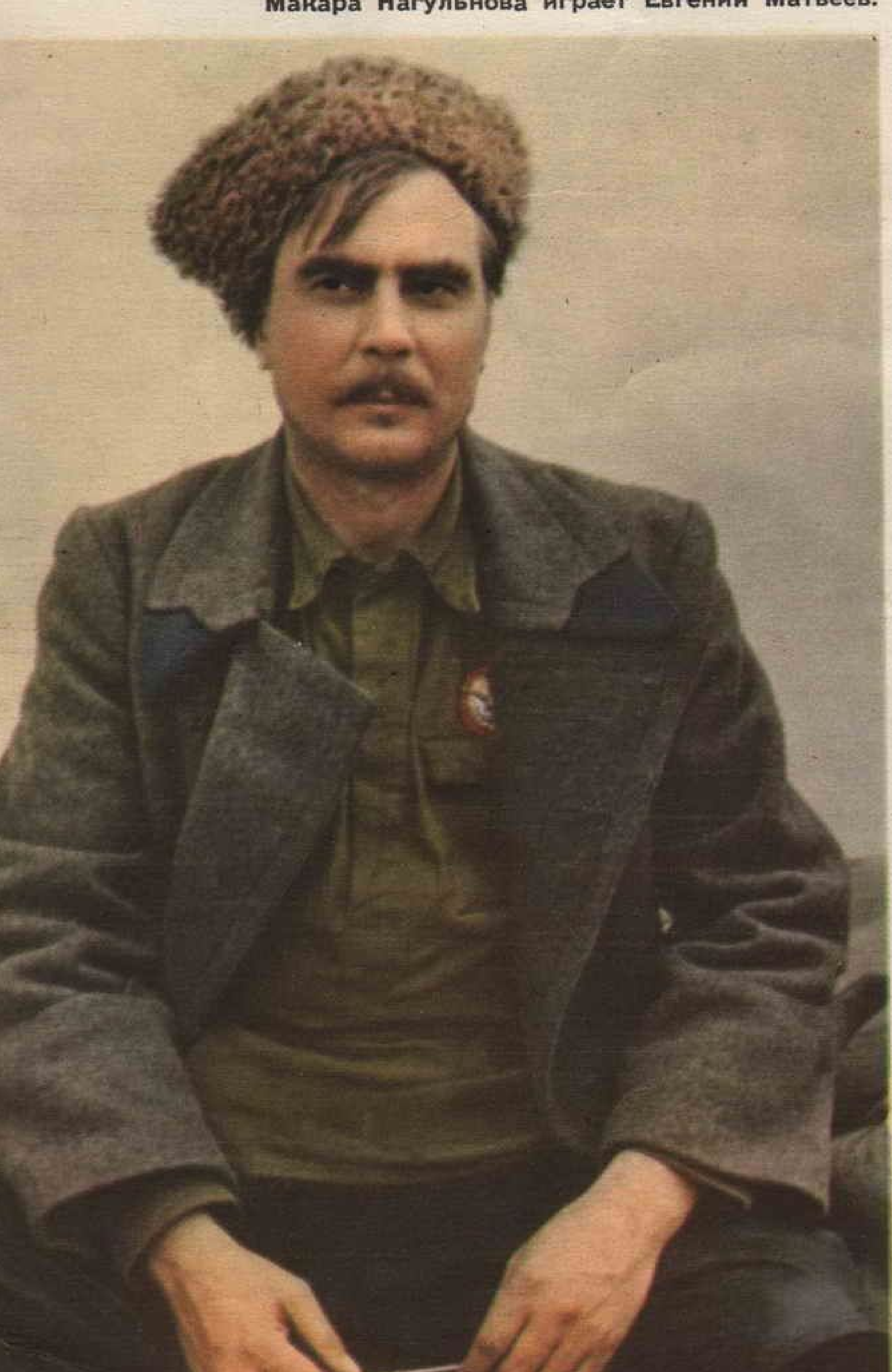
Романтика!

Дед Щукарь — артист В. Дорофеев.

Макара Нагульнова играет Евгений Матвеев.

Лушка — артистка Людмила Хитяева.

Пути-дороги

Рассказ

Анатолий ФЕРЕНЧУК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Хозяйка чуть свет, перед тем как уйти на ферму, из утра в утро подметала земляной пол самодельным полынным веником, и в наглухо закрытой целыми днями пустующей хате стойко, до самой ночи, держалась степная душновато-терпкая горечь. В дни уборки, едва не валясь к вечеру от усталости, Шульгин чаще всего заночевывал под открытым небом на соломе или в вагончике тракторной бригады, подложив под голову телогрейку. Но когда доводилось ему бывать дома, то, обнажив до пояса загорелое, в бугристых шрамах давних ран тело, он подолгу и шумно плескался горячей водой под рукомойником, надевал чистое, пахнущее синькой и чадом утюжных угольков белье и блаженно растягивался на взбитой перине, не замечая ни мелких услуг хозяйки, ни задумчивых, искоса устремленных на него ее тоскующих глаз. И, мгновенно засыпая, он не знал и того, что чуть ли не до рассвета ворочалась она без сна на скрипучей деревянной кровати в соседней комнате, гасила в пуховую мякоть нагретой щекой подушки один вздох за другим и плакала тихо и горестно, томимая в ночи тупым одиночеством, неясной, но неотступной пустотой вдовьей жизни...

1

— На дворе темень, хоть глаз выколи, и чего вы схватились в такую рань? — сказала Марьяна, останавливаясь посреди хаты с веником в руках и устремляя свои печальные иссиня-черные при свете керосиновой лампы глаза на цветастую штапельную занавеску, из-за которой доносился стук набиваемых об пол сапог.

— А с кого пример брать? Ни свет ни заря — уж на ногах! — отозвался сквозь зевок хрипловатым спросонок баском Шульгин.

На свежеумытых, слегка лоснившихся, как крутобокие яблоки, щеках Марьяны вдавились темноватые ямочки, в глазах мелькнула игривая, загадочная улыбка.

— Жалеете чи лишь бы шо сказать?.. — промолвила она, с трудом переводя сдвоившее вдруг дыхание и прикрывая густыми ресницами с выгоревшими кончиками полыхнувшие огнем глаза.— Мое дело такое: хочешь не хочешь — вставай! А вам что за печаль? Горячая пора позади, куда спешить? — И, не дожидаясь ответа, спросила: — Может, чай пить станете?

— А готов?

— Давно поспел...

Она накрыла стол новой, расшитой узорами скатертью, любовно разгладила ее ладонями от середины к краям и оправила спутанные при стирке кисти. Доставая из буфета стаканы, тарелки и чайные ложки, Марьяна откинула чуть назад голову с тугим пучком закрученных на затылке смоляных кос и уголком скошенного глаза взглянула на Шульгина, гремевшего за печкой рукомойником.

— Надо понимать, что вы теперь больше не рабочий класс? — с лукавинкой в голосе спросила она.

Шульгин поднял над тазом намыленное лицо, с трудом разлепил пощипывающие веки.

— Это же почему?

— А как же иначе? Раз машины из эмтээс к нам в колхоз перешли, а с ними и люди, то и выходит...

— Ничего не выходит! — буркнул Шульгин и, смывая мыло, плеснул в лицо набежавшей в ковшик ладоней ледяной водой.— Рабочий класс всюду им и останется.

— Словам верить или дело покажет?

Шульгин промолчал. Он вытерся махровым китайским полотенцем, услужливо протянутым Марьяной, причесал непокорные густые волосы с едва заметной проседью на висках и подсел к столу.

Хозяйка расставила перед ним тарелки с тонко нарезанным розоватым салом, квашеной капустой и солеными помидорами, вытащила рогачом из печи окутанный паром чугунок вареной в мундире картошки.

— Угощайтесь чем бог послал,— сказала она.

— В бога веруете?

— Выдумали еще чего! Присказка такая.

— А иконы?

— От отца с матерью остались. Выкинуть жалко, а с ними каждый, вроде вас, замечание делает...

Шульгин, обжигая пальцы, сдирал с картошки тонкую кожицу, молча сыпал на искристый излом крупную соль и, вскидывая по временам глаза, ловил на себе задумчивые и пытливые взгляды хозяйки.

Само собою получилось так, что за все прожитые в одной хате месяцы они ни разу не сидели за столом вдвоем, ни разу ни о чем не беседовали и почти ничего не знали друг о друге. Слова, которыми им доводилось время от времени обмениваться, касались всегда только какого-нибудь домашнего дела и никак не могли ни сблизить их, ни тем более подружить. И, должно быть, именно поэтому, очутившись в это утро лицом к лицу, они не знали, о чем говорить, и оба невольно чувствовали обычную в таких случаях неловкость, то и дело под тикание ходиков смущенно и надолго замолкали.

— Строиться теперь на хуторе будете, хозяйством обзаводиться или как? — спросила Марьяна, придвигая к Шульгину пластмассовую вазочку с вишневым вареньем.

— А для чего?

— Не век же бобылем жить, придет время и семьей обзаводиться.

— Была,— нахмурив брови, тихо сказал Шульгин.— И жена была и дочка...

— Что же так? Характерами, должно быть, не сошлись? Вы ее бросили или она вас?

Шульгин резко опустил на блюдце звякнувший стакан с недопитым чаем, ожег хозяйку, будто крапивой, сверкнувшим взглядом. Навалившись кулаками на скатерть, он тяжело, точно вмиг ослабев, поднялся из-за стола и отошел к окну.

На улице светало. С заснеженных крыш сплывала, казалось, впитанная за ночь синь звездного неба. Было ветрено, и верхушки пирамидальных тополей знобило: с них слетала последняя листва.

— Жену с грудным младенцем фашисты угнали...— нарушил молчание Шульгин, глядя, как путаным звериным следом ложились на снег двора опадавшие листья.— Их в тифу выбросили с эшелона у самой границы.

Марьяна, вспыхнув, отвела в сторону глаза, скорбно поджала обветренные губы.

— Не сердитесь на меня, глупую...— сказала она, поднося к глазам передник.— Выходит, мы оба вроде сирот. Мой под самый конец войны в танке сгорел.— И, опуская на колени передник с потемневшим от слез уголком, горестно вздохнула.— Обидно, ребят у нас не было... Все бы утехою в жизни росли! Я ведь совсем смолоду во вдовах хожу, и двадцати не исполнилось, как мужа на фронт проводила...

Чужая боль непрошенно улеглась в сердце Шульгина рядом с его собственной. Он вернулся к столу, пристально вглядываясь в бледное лицо Марьяны, и увидел множество не замеченных им прежде беловатых морщинок вокруг ее грустных глаз. Она вскинула голову, устремила на него полный душевной боли взгляд и, закусив мелко задрожавшие губы, отвернулась. Из пучка ее волос выскользнул и лег под мочкой уха на белую шею конец косы.

— Что это мы! — проговорила она, невесело улыбнувшись.— В кои веки собрались чаю попить — и сразу в печаль ударились. Садитесь, я вам еще стаканчик горяченького налью. И не кушали вы ничего...

— Спасибо, надо идти,— сказал Шульгин.— Мы сегодня из эмтээс станки перевозить будем. Свою ремонтную мастерскую в колхозе начнем оборудовать.

И хотя уходить ему из тепла не хотелось, он подошел к вешалке и стал одеваться. Натянув косматую рыжую куртку и кожаную ушанку, Шульгин взглянул на высветленное зарею окно и спросил:

— О рабочем классе... это вы зачем?

Марьяна встала. Скрестив на груди голые по локти руки, покачивая бедрами и клоня книзу маленький двойной подбородок, задумчиво усмехнулась:

— А ни за чем! Так просто! Сестриного мужа вспомнила, того, что вас ко мне на квартиру ставил...

— Рожнова, что ли?

— Сюда теперь ни он, ни сестра не ходят: не лажу я с ними. Когда свояк только появился у нас на хуторе и на плотину устроился, я ему и скажи: «Брось ты это занятие, не по здоровому мужику работа: утром поднял заслонку, вечером опустил. Иди,— говорю,— в колхоз, освободи место инвалиду!» А он как разошелся, куда там! Чуть ли не с кулаками в драку полез. «Да знаешь,— кричит,— кому ты советуешь в колхоз идти, крестьянским трудом заниматься? Мне, потомственному рабочему, пролетарию!..» Уж больно идейный выдался у меня свояк,— закончила она насмешливо.

— И с сестрой не ладите? — спросил Шульгин.

— Они друг друга стоят! Та для видимости в колхозе числится, а душою всею за своим забором. Жадна больно на деньги, ну прямо вроде б в кулацкой семье родилась! После свадьбы захотелось ей поросенка — купили. Загорелись глаза на корову — купили. Потом кур, гусей, уток запросила, овец, новый дом, ограду новую... А где на все деньги взять? Торговать на базаре стали, спекулировать, самогон по-тихому гнать! Ничем не брезговали... Богатство, оно ведь что твое воровство: раз украл—так и потянет. И на что им это все, не могу в ум взять! Я уже скоро двадцать лет в колхозе дояркой, мне свое хозяйство вроде бы и ни к чему, а они, скажи ты на милость, как бешеные стали — тащут и тащут в дом!.. А вы, стало быть, решили насовсем у нас... колхозником стать? Не вернетесь в город работать? — неожиданно спросила она.

— Не за тем я из города сюда приехал, чтобы временным себя чувствовать,— ответил Шульгин и поднял на Марьяну глаза.— А вам не все равно, где я буду работать?

Марьяна повела плечом, потупила глаза и, ребром чувяка чертя перед собой земляной пол, не сразу, с нескрываемой грустью ответила:

— Вам виднее, где быть! Мне разве такое понять? — И, хитровато сверкнув глазами, закончила:— Класса я не передового, как скажет мой свояк, отсталого...

Ее глаза сузились, на щеках, заливая скулы, зацвел румянец. Подбирая растрепавшуюся косу в пучок и закалывая ее шпилькой, она высоко над головой подняла круглые румяные локти и исподлобья задержала на Шульгине долгий, теплом проникший в душу взгляд.

2

От хаты Марьяны до широкой в этих местах Кубани не было и сотни шагов, но реку от глаз скрывала высокая насыпанная дамба, заросшая по склонам будяком, крапивой и свистящими на ветру кустами гнучего лозняка.

Обнесенный старым камышовым плетнем двор Марьяны с облупленным, покосившимся хлевом, где когда-то стояла корова, одним своим краем упирался в подножие дамбы, тянущейся вдоль всего хутора, а другим выходил на широкий проулок, посреди которого и зимой и летом не просыхала глубокая копанка, припорошенная по закраине, будто снежком, утиным пером и пухом.

За хатой не пестрели из лета в лето, как на других усадьбах, грядки с огурцами, морковью и луком, не гнулись под тяжестью груш, слив и жердель в саду деревья: до всего этого не доходили руки одинокой хозяйки. От родителей досталась ей такая же, как она сама, одинокая яблонька среди колючих старых акаций, да и ту в пору буйного цвета прижгло нежданным заморозком и до сердцевины, казалось, высушило горячим астраханским суховеем.

Шульгин пересек двор, оставляя за собою вдавленные в снег темные следы, перешагнул, колыхнув затрещавший плетень, через перелаз и, оскользаясь на оттаявшей грязи, вскарабкался на дамбу.

Понизовый ветер курчавил воду, звенел, словно битым стеклом, под тонким береговым припаем льда и неутомимо дыбил и гнал против течения крутые, с белой накипью волны. Космы тягучего редкого тумана медленно сочились сквозь голые, будто под горшок подстриженные снизу вешним течением вербы, оставляя на стволах темный и влажный след.

Шульгин постоял немного на дамбе, глядя, как под кручей омут затягивал в горловину проплывающий мимо чакан, кружил обрубок намокшего и едва видного из воды бревна, и, засунув настывшие на холоде руки в карманы куртки, по привычке высоко подняв плечи, зашагал к правлению.

За отводным на рисовые поля каналом Шульгин столкнулся один на один со свояком Марьяны. Рожнов стоял на отмели по колено в воде и прополаскивал капроновую, с мелкими ячейками сетку габы. На нем были высокие резиновые сапоги, грубый, словно из жести, брезентовый плащ и нахлобученная по самые уши суконная кепка со сломанным козырьком.

— С уловом, говоришь, Рожнов? — сказал Шульгин, разглядывая крапленный рыбьей чешуей, туго, под завязку набитый мешок на берегу.

Рожнов вскинул голову и, словно отпущенная лозина, выпрямился. Мгновенный испуг метнул из стороны в сторону его зеленые, с коричневой подпалиной, как у кошки, глаза, перекосил уголки тонких губ—за ними холодно блеснули сталью вставные зубы. Но он тут же овладел собою и, зябко передернув плечами, принимая беспечный вид, усмехнулся:

— С каким там уловом! Застыл весь, пока парочку мелочи подцепил. К завтраку нам с Ульяной...

— Так говорили же, что шамая в низовье косяком все дни идет,— неуверенно произнес Шульгин, спускаясь с дамбы на отмель.

— Где-нибудь, только не у нас... Да ты не косись на мешок, там кукурузные кочерыжки на подтопку.

— Кочерыжки, говоришь?

— Ну, а то что ж?..

— Рыба! Браконьерствуешь?

С насеченного ветром кирпично-синего лица Рожнова медленно, как смола по стволу сосны, сползла заискивающая улыбка. Он хищно прищурил глаза и, подергивая крыльями горбатого носа, подступил к Шульгину вплотную.

— Донесешь?

Шульгин не ответил. Круто повернувшись на каблуках, он молча стал взбираться на дамбу. Рожнов в два прыжка нагнал его, ухватился за полу куртки, стащил вниз, больно стиснул костлявыми пальцами локоть.

— Слышь, Шульгин, не становись поперек пути! На одном заводе работали, вместе на хуторе жить довелось! Не мути воду, отвернись! Уважь мою просьбу!

В его застывшем взгляде, который он не сводил с Шульгина, не было ни испуга, ни просьбы, ни смирения, скорее угроза и лютая ярость открыто выплескивались из-за вытянутых в щелки припухлых век. Тяжелые, угластые челюсти его вздулись от окаменевших желваков, на скулах пробивался лихорадочный румянец.

И Шульгин вдруг вспомнил: совсем недавно видел он и эту угрожающую позу со сжатыми кулаками, и упрямый наклон головы, и нервный оскал губ, и, главное, эти лютующие глаза, жестокие и неумолимые, взгляд которых ему никогда теперь не забыть.

...Стояло тихое раннее утро. С покосов тянуло росными травами, в небе заливались жаворонки, а над рекою, когда Шульгин поднялся на дамбу, плыл багровый на заре туман. И вот тогда-то в тишине наступающего дня до его слуха сквозь трели жаворонка донесся жалобный детский голос:

— Дяденька, не надо... Прошу вас, дяденька, не надо...

Шульгин затаил дыхание, насторожился.

— Уйди с дороги! — прокатилось над рекой.

И снова умоляющий детский голос:

— Дяденька, не надо... Милый дяденька, не надо...

Шульгин рванулся с места, сбежал вниз и, миновав ложбину, снова поднялся на заросшую полынком береговую насыпь канала. В небольшой отлогой балочке меж двух холмов стоял, отбрасывая на гребень канала длинную тень, высокий сухопарый Рожнов с занесенной для взмаха косой, а напротив него, опираясь на черенок граблей, переминался с ноги на ногу светлоголовый мальчуган в просторной, видно, с отцовских плеч, телогрейке. У ног подростка крутился черный кудлатый щенок. Повизгивая, он то и дело смешно садился на зад, вскидывал крохотные лапки, одетые в чулочки из белой шерсти, и, болтая лопоухими ушами, высунув лепесток алого язычка, голосисто тявкал.

— Уйди, тебе говорят! — повторил Рожнов, едва заметно в нетерпеливом зуде шевельнув плечом.

— Это же наша делянка, дяденька! Спросите кого хочите... Ее под покос нам выделили,— хныкал подросток.— Сейчас батько вернется, он вам скажет... Тут земля колхозная, а вам по берегу канала косить только разрешается...

— Учи меня!

— Я не учу, я верно говорю...

— Та долго я буду тут с тобою комедию ломать?! — рявкнул в бешенстве Рожнов.— Геть, говорю, с дороги!

Он дернул головой, разогнулся, выставив в распахнутом вороте розовой косоворотки, как удила, костлявые ключицы, и дальше за спину отвел блеснувшую на солнце косу. Раздался стремительный шелестящий свист.

Мальчик, подпрыгнув, отскочил в сторону. Под корень срезанная трава, словно сметенная ураганным ветром, метнулась к земле, и на ней, жалобно скуля, обливаясь кровью, забился кудлатый щенок.

Рожнов брезгливо сплюнул и поднес к глазам косу: не выщербилась ли? С острого конца ее недозрелой вишенкой, дрогнув, сорвалась и полетела в траву разбавленная росою кровинка.

— Путаются, понимаешь, под ногами. Права свои тут доказуют! — заметив наконец Шульгина и направляясь к нему, пробормотал Рожнов.— Закурить не найдется?

— Ты же знаешь, я не курю,— сухо сказал Шульгин.

— Давно не видались, всякое могло быть...

— Щенка это ты зачем?

Рожнов оглянулся. На скошенной траве, мокрой и темной от росы, застыло чернел клубок свалявшейся в крови шерсти.

— Нарочно я, что ли? Сам под руку полез...— Рожнов нагнулся, сгреб пятерней пучок травы и старательно вытер косу.— Не люблю, когда мне на пути становятся, аж закипает внутрях все...

И вот теперь, стоя на берегу грудь в грудь с Рожновым и глядя в его до предела сузившиеся, напряженные глаза, которые он, не выдерживая чужого взгляда, то отводил в сторону, то прятал под насупленные круто и четко выгнутые брови, Шульгин почувствовал, как нахлынула и захлестнула его волна безудержного, неподвластного рассудку гнева, бросила в горячечный озноб и сковала очугуневшие, сами собою сжавшиеся в кулаки руки. И Рожнову, надо думать, передалось состояние Шульгина. Он ощутил недобрый для себя поворот дела и, осклабив в омертвелой, вымученной улыбке стальные зубы, выдавая себя хрипловатой дрожью голоса, сказал:

— Та тю на нас, как говорят кубанцы! С чего мы тут затеяли драку, а еще рабочие!..

— Сам рыбнадзору доложишь? — спросил Шульгин.

— Не пойму я тебя...

— Напрягись, поймешь!

— Ты, Шульгин, угрозы свои брось, а не то и я...

— Что? Как щенка, надвое перерубишь?

— Можно ведь и полюбовно все решить. Хочешь, поделим?..

Шульгин исподлобья смерил Рожнова с головы до ног молчаливым взглядом и остановил глаза на валявшейся у мешка заветренной, с раздавленным хвостом шамайке. Рожнов перехватил его взгляд, нагнулся и, не сразу подцепив рыбешку озябшими пальцами, поспешно сунул в карман дождевика.

Перед взором Шульгина, в мыслях его, неожиданно возник пристанционный базар, заставленный немудреной снедью дощатые столы и за одним из них стройная и статная Улья-

на с надменным, отмеченным броской степною красотою, как и у Марьяны, лицом, почудился ее певучий, заискивающий голос:

«Шамаечки вяленой, граждане пассажиры, не забудьте! Кому кубанской шамаечки? Пятнадцать пара... пятнадцать пара...»

— Добавь, а то пары не будет, — обронил сквозь зубы Шульгин, покосившись на карман Рожнова, и, взбежав на дамбу, зашагал прочь.

3

На квартиру Шульгин вернулся поздно ночью, голодный и продрогший до костей.

Наружная дверь оказалась незапертой, и он, чтобы не разбудить хозяйку, на цыпочках прошел за занавеску. Свет электростанция давно погасила, лампу он зажигать не стал и принялся раздеваться у окна, в которое, пробиваясь сквозь несущиеся тучи, заглядывала временами ущербная луна.

Сбросив куртку, пиджак и раскисшие за день в дорожной грязи сапоги, Шульгин развернул газетный сверток, прихваченный в ларьке по пути домой, и, сидя на кровати, принялся за обе щеки уписывать нахолодавший на улице хлеб с ломтем соленой и твердой, как кремень, брынзы.

— Видать, проголодались... А я вас ждала... вечерять... — заскрипев кроватью, промолвила Марьяна таким свежим и бодрым голосом, точно и не спала вовсе. — Я вам соберу, а?

— Не нужно, это я так просто, я сыт! — давясь застрявшим в горле сухим комком, отозвался Шульгин и, хотя у него от голода давно уже сосало под ложечкой, отложил хлеб и брынзу на залитый лунным светом подоконник.

— Я вам соберу, а?.. — повторила Марьяна, будто и не слыхала его слов. — И сапоги несите на печь, мокрые, небось...

Пошуршав халатом, она прошлепала босыми ногами к столу и засветила лампу. На занавеску упала тень ее склоненной над столом головы с мягко обрисованным профилем, сбегавшей на спину толстой косой и распушившимися над лбом волосками. Тень колыхнулась, расплылась и исчезла, а за занавеской послышался грохот печной заслонки, сладкий зевок.

— Сидайте борщ кушать, — сказала она и неожиданно весело рассмеялась. — И чего вы от меня ховаетесь, будто страшнее на свете и бабы нету!

Она сняла с чугунка крышку, и от печи, дразня аппетит, потянуло распаренной капустой, бараниной и чесноком. Шульгин проглотил слюну, схватил за ушки голенищ сапоги и, стыдливо косясь на свои шерстяные носки с проношенными пятками, вышел на кухню.

Пряча под столом ноги, низко склонившись над тарелкой, он молча и сосредоточенно хлебал наваристый борщ, заправленный душистым старым салом и красным перцем, от которого во рту все полыхало огнем. А Марьяна сидела на кровати и, перебирая на груди оборки халатика, покачивая босыми ногами, не сводила с Шульгина ласковых, задумчиво-задымленных глаз.

Вглядись Шульгин внимательно — и он увидал бы в ее взгляде и заботу, и тревогу, и нежность, и жалость к нелегкой, приоткрывшейся ей утром его судьбе, и простое женское любопытство, желание разгадать, какой человек живет с ней бок о бок и отчего так неожиданно и именно к нему, за столько долгих лет, робко и настойчиво потянулось исстрадавшееся и начавшее забывать мужскую ласку сердце.

— Говорят, вашу тракторную бригаду сливают с полеводческой, а вас бригадиром ставят? — сказала Марьяна, когда Шульгин покончил с борщом и отодвинул на край стола тарелку.

— Уже разнеслось? — удивился Шульгин. — Сегодня же только правление заседало.

Марьяна повела плечом, усмехнулась одними глазами.

— Невесть какая трудность! В одном же колхозе теперь живем...

— Справлюсь ли? — вздохнул Шульгин, сцепив на скатерти большие, в застарелых мозолях, с темными точками въевшегося металла руки. — Дело для меня новое...

— Вам под силу такое будет, я вижу, — задушевно промолвила Марьяна. — Кто работу любит, тому она дается. Технику знаете, а полеводческому делу научат. На курсы поедете.

— И это уже известно?

— А то как же! Хутор не город, тут все на виду, как на ладошке.

Шульгин встал, прошел к порогу, где на лавке стояла прикрытая фанеркой цибарка, зачерпнул полную кружку степлившейся за вечер воды и, через плечо взглянув на Марьяну, улыбнулся:

— Перцу в борщ не пожалели! Огнем все внутри горит...

— Так по вкусу же! У нас иначе не варят. Я вам завтра куриную лапшу сготовлю и вареники с творогом. Будете вареники?

— Зачем беспокоиться? У вас и без того забот на ферме, наверное, хватает.

Марьяна не ответила. Перекинув через плечо на грудь косу, она молча стала заплетать растрепавшийся ее конец.

— На ферме хватает... — немного спустя, думая о чем-то своем, согласилась она. — А нового вы не страшитесь, ему радоваться надо. Само собой, за него переживаешь, бывает, и ночи не спишь, а зато новое дело всегда душу согревает, силы придает. Возьмите хотя бы нашу заботу, животноводство! Многие думают, что тут ничего не выдумаешь: дои корову когда положено — и вся наука. А мы в прошлую зиму решили с зоотехником попробовать наших коров перевести на вольготное житье-бытье, чтобы они сами себе хозяевами были и дояркам труд уменьшили. Вам, может, неинтересно? — перебила она себя.

— Нет, интересно, — сказал Шульгин.

— Ну, тогда я вам доскажу! — усевшись поудобнее, живо поблескивая глазами, продолжала она. — Коров наших мы теперь содержим на ферме без привязи, как скажет наш зоотехник, «вернули мы им естественное существование». Захочет корова силоса — идет к силосу; захочется ей сена — на выгоне стоят стожки; жажду почует — тоже сама направляется к бочке с водой. Больше ведь того, что ей хочется, корова не съест и не выпьет. Слыхали вы когда-нибудь, чтобы корова, как иной человек, могла переесть или перепить? Ну то-то же! А на доильной площадке у нас для коров самая сладкая еда — комбикорм. Узнали они про такое — сами теперь к доильным аппаратам выстраиваются в очередь. И надои молока у нас сейчас растут не по дням, а по часам. А когда начинали мы вводить такое, я тоже вроде вас за успех боялась...

— Я не боюсь, — сказал Шульгин. — Просто новое для меня это все. Механик-тракторист я, не агроном...

— Вам под силу такое будет, я вижу, — задумчиво, уйдя в свои мысли, повторила Марьяна.

— Скоро уже светать начнет, — сказал Шульгин, — надо ложиться.

Он обошел стол с теневой стороны, чтобы Марьяна не увидала его проношенных пяток, и как-то неловко, боком, направился в свою комнату. Но не успел он поднять к занавеске руку, как Марьяна шустро, будто девочка, спрыгнула с кровати на пол и остановилась за его спиной, запахивая на груди халат и неровно дыша.

— Посидели бы еще... Не усну я, разгулялась... — едва слышно, опустив в пол глаза и с трудом справляясь со своим дыханием, вымолвила она.

Шульгин обернулся и увидел перед собой совсем другую Марьяну: не насмешливую или задумчивую, как обычно, а робкую и покорную, словно терзаемую каким-то неотступным мучительным сомнением. Он с минуту стоял в нерешительности на пороге, видя лишь ее белую, ярко освещенную лампой шею, на которой торопливо, точно стараясь оторваться, билась голубоватая жилка. Затем подошел к столу, дунул в стекло лампы, загородив его ладонью, и обнял Марьяну за плечи.

Она не отстранилась и не отвела его руки, когда он очутился подле нее, лишь в узком разрезе век пытливо блеснули слегка испуганные и настороженные ее глаза.

— Что это вы?.. Разве ж можно так?.. — задыхаясь, сверкая широко раскрытыми глазами, с безысходным отчаянием прошептала она.

От чувства неловкости, стыда, раскаяния и досады на самого себя лицо Шульгина опалило шумно прихлынувшей к голове кровью. Оно стало багровым и некрасивым.

Он поднялся, ушел к себе за занавеску и, не раздеваясь, бросился на койку, с головой накрылся одеялом. Сквозь шум в голове и бешеный стук сердца Шульгин слышал, как Марьяна прошла к кровати и бесшумно улеглась. Через некоторое время из кухни донесся ее тихий, полный боли и обиды, гасимый в подушку плач.

— Что же это вы так обо мне решили?.. — сквозь рыдания вымолвила она. — Души моей не спросились... Не ждала я от вас такого... А вы, как все... Вдовая, мол, солдатка. Чего там!..

Она вскоре умолкла. В хате стало тихо. И в этой тишине Шульгин вдруг понял, что Марьяна любит его, что он ей не безразличен, а, по всей вероятности, дорог. И, пораженный неожиданной догадкой, он до крови закусил губы. Для него, немало повидавшего в жизни людского страдания и горя, наглухо закрывшего после гибели в немецкой неволе жены и дочери свое

сердце, было настолько все это негаданным и непонятным и так поразило его, что он растерялся и в голове его мысли спутались и помутились.

Немного придя в себя, испытывая мучительное угрызение совести и желая если не совсем, то хотя бы немного смягчить свою вину, он отбросил в сторону одеяло и вышел на кухню.

На стене все так же размеренно тикали ходики. Луна выбелила на земляном полу меловые тропинки, колючими лучиками переливалась на изломах золотой и серебряной фольги икон.

Держа в руке занавеску, Шульгин долго стоял в дверях, прислушиваясь к ровному, словно во сне, дыханию Марьяны, глядя на ее освещенную луной спину, на которой алели маки халата, на поджатые под себя по-ребячьи голые ноги.

— Марьяна... — наконец тихо позвал он.

Она не отозвалась.

— Марьяна, забудь... — сказал Шульгин. — Я виноват... Но скажи хоть слово.

В настороженной тишине хрустнула цепочка до предела опустившейся гири часов. Ходики замерли. В хате стало еще тише. Шульгин вернулся за занавеску, сел на кровать и, склонившись над коленями, уронил пылавшее лицо в ладони...

4

Из тяжелой задумчивости Шульгина вывел стук в окно. Он поднял голову, встал и приник лбом к стеклу. Ледяной холодок окна освежил его.

Во дворе, в полосе лунного света, приподняв воротник овчинного полушубка, стоял Рожнов.

— Выйди, поговорить надо, — сказал он.

— Я без сапог...

Рожнов некоторое время молчал, видимо, что-то обдумывая, потом махнул рукой и направился к порогу.

— Ладно, впусти в хату!

Шульгин нехотя пошел открывать.

— Нечего ему в хате делать! — сказала Марьяна, когда он взялся за дверную скобу.— В сенях валенки с калошами стоят, они вам будут впору... А вернетесь, носки положьте на печь, я их шерстяными нитками утром заштопаю...

Закрыв за собою дверь, зябко кутаясь на ночном морозе в накинутую на плечи косматую собачью куртку, ощущая холодок в настывших валенках, Шульгин взглянул в затененные сломаным козырьком кепки глаза Рожнова и недовольно спросил:

— Ну, чего тебе?

— Сказал же, поговорить надо...

— Ну, говори.

— Ну да ну! Зануздал, что ли? Тут душа горит, места себе не нахожу, а ты нукаешь!

— Ладно, не злись. Сядем?

— Разговор мой не сидячий, идем к Кубани — там нас никто не услышит. Или опасаешься?

Шульгин метнул на Рожнова недоуменный взгляд, надел куртку в рукава, поправил шапку и молча пошел вперед, к перелазу. Грузно приминая сапогами похрустывающий ледок, Рожнов зашагал след в след, горячо дыша Шульгину в затылок.

Река ночью то ли от полного безветрия, то ли от колеблющейся лунной дорожки, соединившей далекие берега, не показалась Шульгину такой же суровой и непокорной, как утром. Ее быстрого течения совсем не было бы заметно, не проплывай через трепетное лунное отражение время от времени угластые и черные, точно обугленные, коряги.

— Ты, небось, думаешь, испугался Рожнов, пришел каяться, на коленях просить не выдавать его рыбнадзору? — с кривой усмешкой вымолвил Рожнов, шагая рядом с Шульгиным по скользкой дамбе. — Нет, брат, не за тем я вызвал тебя, не за тем увел от людских глаз подальше. Вы все, бывшие эмтээсовцы, своим переходом в колхоз душу мне, будто лемехами, разворотили; в самом себе усомнился я, покой потерял — вот где причина. Я знаю, тебе Марьяна, поскольку не ладим мы с ней, могла всякую напраслину на меня возвесть, и ты хочешь — верь, хочешь — нет этой слабой на мужиков бабенке, а только должен предупредить, что...

— Марьяну ты не трогай...— сквозь зубы процедил Шульгин.— Не тебе о ее чести судить.

— Ее честь с тем, кого она, как тебя, от заморозков в постели спасает...

Шульгин резко повернулся на месте, схватил Рожнова за овчинный отворот полушубка и, почти вплотную приблизив к нему перекошенное гневом лицо с люто загоревшимися глазами, угрожающе выдавил:

— Еще одно слово — и я тебя скину с дамбы!

Сняв со своей груди напряженную до судорог руку Шульгина, Рожнов передернул плечами, поправляя на себе полушубок, и приподнял сползший на глаза козырек кепки.

— Чего ты вскипел?..— обиженно пробормотал он.— Я ж затем тебя к ней и на квартиру определял. Вдовая ведь... солдатка...

— Говори, зачем звал? — засовывая тяжелеющие руки в карманы куртки, сказал Шульгин.

Рожнов нагнулся, сломал мерзлый прутик лозы и защелкал им по голенищу сапог.

— Горяч ты больно! Боюсь, не получится у нас разговора, а жаль, на одном заводе работали, в одном рабочем котле варились...

— Ты и на заводе непыльную работу искал! К складской продукции больше тянулся, а не к станку... И в деревню не от добра сбежал: темное за собою почуял...

— Брось ты, Шульгин, свои подозрения, — неожиданно миролюбиво сказал Рожнов.— Ты же знаешь, встретил я на базаре Ульяну, полюбили мы друг друга — вот я и перебрался!

— Запутался ты в жизни и оттого злой на всех стал, — смягчаясь, сказал Шульгин. — Чувствую я, хоть и усадьба своя и на дворе, должно быть, только птичьего молока не хватает, а одинок ты и, как всякому одинокому, каждая кочка тебе горою мерещится. Хотя ты и любишь этим козырять, а ничего у тебя от рабочего не осталось, ничего тебя с нами не роднит! Собственником ты стал, затягивает тебя хозяйство, как омут. Гляди, на дне очутишься. От людей забором отгородился — птица не перелетит, а не спасешься. Поздно будет, если люди от тебя отгородятся или же от себя отгородят.

— Тюрьмою пугаешь?

— Людское презрение хуже...

— А ты меня, Шульгин, выручи, — вдруг попросил Рожнов. — Раскрой глаза, направь, а?

Лицо его, до этого злое и бледное на лунном свету, стало вдруг сморщенным и отталкивающим, как у человека с резкой внутренней болью. Тонкие жилистые пальцы то беспокойно ломали на мелкие части прутик, то без надобности расстегивали и вновь застегивали лязгающие, как зубы голодной собаки, крючки полушубка. Шульгин окинул Рожнова недоверчивым взглядом и отвернулся.

— Если глаза не видят, не помогут ни свет, ни очки, — сказал он. — Вслепую живешь, без горизонта. Спокойной жизни ищешь?

— А ты? — сбрасывая личину смирения, ухватился Рожнов. — Ты не в свой карман получку кладешь, не свое брюхо на те деньги набиваешь? Может, скажешь, на будущий коммунизм жертвуешь? А я плюю! Что мне до того, как будут жить потомки? Я им не раб и не нанимался их благополучие устраивать! Пусть они сами о себе думают, а я сам по себе жить хочу, пока живой, понимаешь, сам! И после меня хоть потоп, хоть сгори вся земля со всей своей требухой! Знать ничего не хочу, слышать не желаю!

— Не после тебя, а и теперь ты от всего в стороне, кроме своего добра, — спокойно заметил Шульгин. — Любое в мире творись — лишь бы твое не трогали. У тебя своя хата, свои овечки, свои куры, свои гуси и утки, своя свинья и своя корова, свой сад и свой огород! Батраков тебе одних не хватает. А гражданская совесть где?

— Плевал я на твою совесть! Ею сыт не будешь. В жизни ловчить надо, изворачиваться, а не то подомнет она тебя, все кости переломает. И никто тебе руки не подаст, не поможет...

— Вам с женою все мало, все на свой двор тащите!

— А тебя завидки берут? Что с того, что ты рабочий, много тебе в том корысти? Гол, как сокол, кроме цепей своих, как в манифесте сказано, терять тебе нечего! Ни кола, ни двора, каждый куст, как зайцу, тебе дом! Знаем мы вашу диалектику, читали...

— Скупой беднее нищего — всегда нуждается, — сказал Шульгин.

— У всех людей руки с самого рождения к

себе гнутся, ты только прозрей, оглядись. А мне ты их хочешь наизнанку вывернуть, чтобы сквозь них, как сквозь решето, все на землю валилось? Не выйдет!..

Шульгин сурово сдвинул брови.

— Ты, как пень гнилой, под заступ просишься. И не ходи за мной, а то я, ей-богу, по своей горячности и на самом деле могу тебя в омут скинуть!

...На рассвете, дождавшись, когда Марьяна, заметя полы и погасив лампу, ушла на ферму, Шульгин собрал свои вещи и перебрался в клуб, где трактористам временно под общежитие была отдана читальная комната.

Засунув чемодан под свободную койку, он вышел на улицу, умылся свежим снежком, прихватывая его пригоршнями с перил крыльца, и зашагал на хозяйственный двор, откуда уже доносился гул тракторов и глухие, со стоном удары молота.

В полдень, направляясь в столовую, Шульгин встретил на улице Марьяну. Она торопливо шла по укатанной тракторами дороге, задумчиво глядя под ноги и перебирая пальцами крученые кисти кремового полушалка. Падал редкий пушистый снег, и на полушалке и серой кроличьей шубке ее сверкали талые капли.

Вся зардевшись, несмело поднимая на него свои иссиня-черные, глубокие глаза, полные нескрываемого чувства, она встала к нему боком, словно уступая дорогу, и едва слышно спросила:

— Зачем вы так? Обиделись?..

Шульгин почувствовал, как немая тоска до боли сдавила его сердце.

— Что вы! Я решил, что так лучше будет,— сказал он. — От дурных языков подальше, я вас берегу...

Она невесело ухмыльнулась, не разжимая побелевших и дрогнувших губ, и, помаргивая ресницами с набежавшими слезами, печально покачала головой.

— И ничего-то вы не поняли... Разве я боюсь кого?..

5

Первый, кого после недолгого своего отсутствия увидал на хуторе Шульгин, спрыгнув с селедочных бочек попутной машины на дорогу, был Рожнов.

Он сидел на лавочке у своего двора и, стиснув руками конец суковатой палки, положив на них заросший рыжей щетиной подбородок, безучастно смотрел на дорогу тусклыми, слезящимися от яркого солнца глазами. Несмотря на весеннюю теплынь, на нем был застегнутый на все крючки полушубок, подшитые валенки и неизменная суконная кепка со сломанным козырьком. Рядом с могучими — не обхватить и двум казакам! — корявыми стволами пирамидальных тополей, на фоне высокого забора он показался Шульгину маленьким, несчастным и жалким, совсем не похожим на того высокого и жилистого Рожнова, которого он знал.

— Здорово живешь, старина! — приветливо сказал Шульгин, опуская на землю чемодан и присаживаясь на лавочку.

По желтому, как осенний лист, лицу Рожнова пробежала судорога. Он беззвучно пошевелил выцветшими губами, словно что-то жуя, и с трудом хрипло выдавил:

— С приездом...

Шульгину не хотелось ни ссориться с Рожновым, ни напоминать ему о прошлом, ни даже просто говорить о том, что было. Да и к тому же само время смягчило, затуманило былую неприязнь, неведомо куда унесло злость. Но, видя, как все больше и больше сдвигает кустистые брови сосед, пряча свои зеленые с коричневой подпалиной глаза, и как все глубже залегают по углам его тонких губ морщины, он улыбнулся и сказал:

— Держишь все еще в душе злость? Неправ, а и сам себе признаться не хочешь.

— Ты на нее патент брал, на правду-то?

— Она без патента любому открыта.

— Больше тебя, думаешь, на свете и судьи нету?

— Не злись, я тебе ж добра желаю.

— Мне твое добро болезнью выходит! Ты ж теперь, небось, жить, работать и учиться, как у вас там в заповеди сказано, по-коммунистически стал, где нам с тобою друг друга понять?

— А ты попробуй, напрягись! Я считаю, не все для тебя потеряно, можно и пересмотреть свою жизнь, можно и...

Но закончить свою мысль Шульгину не довелось. С грохотом и лязгом тяжелых запоров распахнулась окованная, как тюремные ворота, калитка, и перед Шульгиным выросла Ульяна. Красивое чернобровое лицо ее полыхало от гнева, большие карие глаза, казалось, метали огонь.

— Чего ты к нему, окаянный, причепился! — размахивая перед Шульгиным голыми до подмышек смуглыми руками, заголосила она.— Чего тебе от него надо, бусурман ты некрещеный? Ну шо ты с него жилы тянешь, шо ты его вгоняешь в гроб? Погоди ж ты, настырный, найдется — не думай! — и на тебя управа! Отольются тебе наши слезы...

Шульгин резко встал. Ульяна с раскрытым влажным ртом, точно в нем окаменел вдруг оборванный на полуслове крик, испуганно попятилась к калитке, занесла одну ногу во двор. Не удостоив ее даже взгляда, Шульгин нагнулся, подхватил чемодан и зашагал прочь.

Свернув в пустынный проулок, он замедлил шаги, прислонился плечом к шершавому стволу тополя и весело, от души расхохотался.

Из-за плетня через дорогу высунулся краснощекий подросток, удивленно вылупивший на Шульгина мигающие глаза. Шульгин признал в нем хозяина кудлатого щенка и, шутливо погрозив ему пальцем, зашагал вдоль плетней и заборов, размахивая на ходу чемоданом.

Он не заметил и сам, как очутился у двора Марьяны, хотя и намеревался еще в дороге прежде зайти в общежитие к друзьям-трактористам, по которым давно и по-настоящему скучал.

Томительно и часто забилось его сердце, когда он, привычно откинув с внутренней стороны камышовой калитки крючок, слегка приоткрыл ее и сквозь узкую щель, ломая чемоданом хрустящие камышинки, протиснулся во двор.

Снежно-белые от свежей побелки стены хаты, открытые солнцу, слепили глаза, вымытые оконные стекла отражали набухшие почками ветви тополя, голубевшее меж них по-весеннему высокое и выпуклое небо с плывущими кое-где облаками. Двор перед хатой был чисто выметен, а у летней печки над собранной в кучу желтой прошлогодней листвою колыхался сизоватый чадный дымок, терпко пахучий и слегка отдающий полынной горечью. И, только подойдя ближе, Шульгин увидал, что поверх листьев тлели, покрываясь серым пеплом, рамки икон и старый полынный веник.

В глубине двора, меж темных стволов акации, мелькнуло ситцевое в розовых цветочках платье Марьяны, забелели ее голые стройные ноги в кожаных красных чувяках.

Охваченный нахлынувшим на него давным-давно позабытым, а быть может, и вовсе еще не изведанным до сего времени чувством, ничего не видя перед собою, кроме колышущихся перед глазами цветочков на тонком, пронизанном лучами солнца платье Марьяны, и ощущая лишь, как теплит все тело зашумевшая в голове кровь, он бесшумно подошел к ней и остановился в двух шагах, словно не в силах был преодолеть оставшееся расстояние.

Марьяна стояла с лопатой в руках перед цветущей яблонькой и, запрокинув голову, перевитую короной смоляных кос, смотрела, не отрываясь, на гудящих в ветвях пчел и, казалось, не услыхала его шагов. Но когда она минутой спустя обернулась и он увидел ее раскрасневшееся лицо с сияющими, полными счастливых слез глазами и легкой, пролегшей меж полуприоткрытых губ улыбкой, то без труда понял, что она не только ждала его все эти дни, но и знала теперь, что именно он и никто другой давно уже стоит за ее спиною.

— Видишь, расцвела... оттаяла... — сказала она так прочувствованно и так просто, как будто они никогда и не расставались и только что вместе вышли во двор из хаты. — Правда, хорошая яблонька?

— Правда, — сказал Шульгин.

— Я знала, что она оживет... Солнце какое...

Спиной к культуре...

Фотография, которую видит здесь читатель, позаимствована из лондонской газеты «Таймс». Это реклама винодельческой фирмы «Джон Харвей и сыновья лимитед». Что касается портрета, изображенного в правом углу, то он, строго говоря, к торговле вином никакого отношения не имеет. Это портрет доньи Исабелы де Порсель — одно из лучших творений Гойи, выдающегося живописца Испании. Этот шедевр находится в британской Национальной галерее в Лондоне.

Джентльмену, расположившемуся под портретом доньи Исабелы, нет до этого никакого дела. Текст рекламы подчеркивает, что он «и не смотрит на нарисованную леди. Интересуется он только ее национальным напитком...» Этот напиток, уточняет реклама, «в Испании зовется «Хересом», а в Англии — «Харвей».

Невольно возникает вопрос: как попала в эту коммерческую переделку испанская донья из британского Национального музея, кто заставил ее зазывать покупателей для виноторговой компании? Подпись под снимком, хотя и набранная самым мелким шрифтом, разъясняет, что картина предоставлена «с любезного разрешения Совета попечителей Национальной галереи. Лондон».

Недавно Совет попечителей галереи, состоящий из десяти членов, опубликовал отчет о своей деятельности. В отчете они обозвали членов консервативного правительства «смехотворными скаредами и скрягами». Их особенно возмутило решение правительственных органов отпустить на покупку новых произведений искусства всего лишь... 12,5 тысячи фунтов стерлингов. На эту сумму, как писала газета «Дейли уоркер», «едва ли купишь один краешек подлинного произведения искусства...».

Авторы отчета сетуют на то, что галерея почти не пополняется и находится «на грани национального позора».

Во всяком случае джентльмен, сидящий спиной к донье Исабеле, достаточно выразительно характеризует отношение к культуре и искусству там, где господствует бизнес.

Ю. СЕНИН

ЧОЛЛИМА НЕСЕТСЯ

Б. БУРКОВ

Я хочу начать рассказ о корейской земле с одной из легенд, рожденных здесь.

Жили три брата на свете, и захотели они найти корень жень-шень, чтобы стать богатыми. Счастье улыбнулось им, и вырыли они корень ценой в сто тысяч вон. Тогда два брата сказали: «Убьем третьего и возьмем его долю». Так и сделали. А потом каждый из них стал снова думать, как бы ему убить брата... Кончилось тем, что один застрелил другого, а сам погиб от водки, отравленной братом. Все трое умерли, а дорогой корень жень-шень сгнил.

С тех пор, заканчивается сказание, корейцы не ищут больше ни корня, ни денег, а ищут побольше братьев.

В этом трагическом сказе народ осудил алчность и эгоизм, поведал о своей давней мечте: быть свободным, жить в дружбе.

...Мечта осуществилась. На севере страны родилась народно-демократическая республика. И впервые люди ощутили, сколько вдохновенной силы заложено в названии их земли: «Страна утренней свежести»!.. Но Корея разъединена: южная ее часть осталась под сапогом колонизаторов.

Корейская Народно-Демократическая Республика на большом подъеме. Достаточно сказать, что благодаря трудовому энтузиазму народа пятилетний план будет осуществлен за два с половиной — три года. В этом году Корейская Республика по важнейшим видам промышленной продукции (кроме машиностроения и текстиля) догонит Японию по производству на душу населения.

Этот плакат самый распространенный в республике. Он всюду: на заводах, фабриках, в клубах, театрах: «Товарищ, выполнил ли ты свой план сегодня?» Но, пожалуй, главное не в словах, начертанных на плакате, а в самой его «душе». Чоллима (быстро мчащийся крылатый конь) стал символом замечательного трудового героизма народа, строящего социализм.

Известно, что словом «Чоллима» назвали в Корее первый отечественный трактор, им называют многие отечественные станки. Чоллима — это и имя, которое присваивается передовым бригадам — бригадам социалистического труда. Чоллима — боевой призыв Трудовой партии. Чоллима — это клятва народа, не жалея сил, идти вперед, это девиз самоотверженных строителей нового общества.

동무는 오늘계획을 완수 했는가?

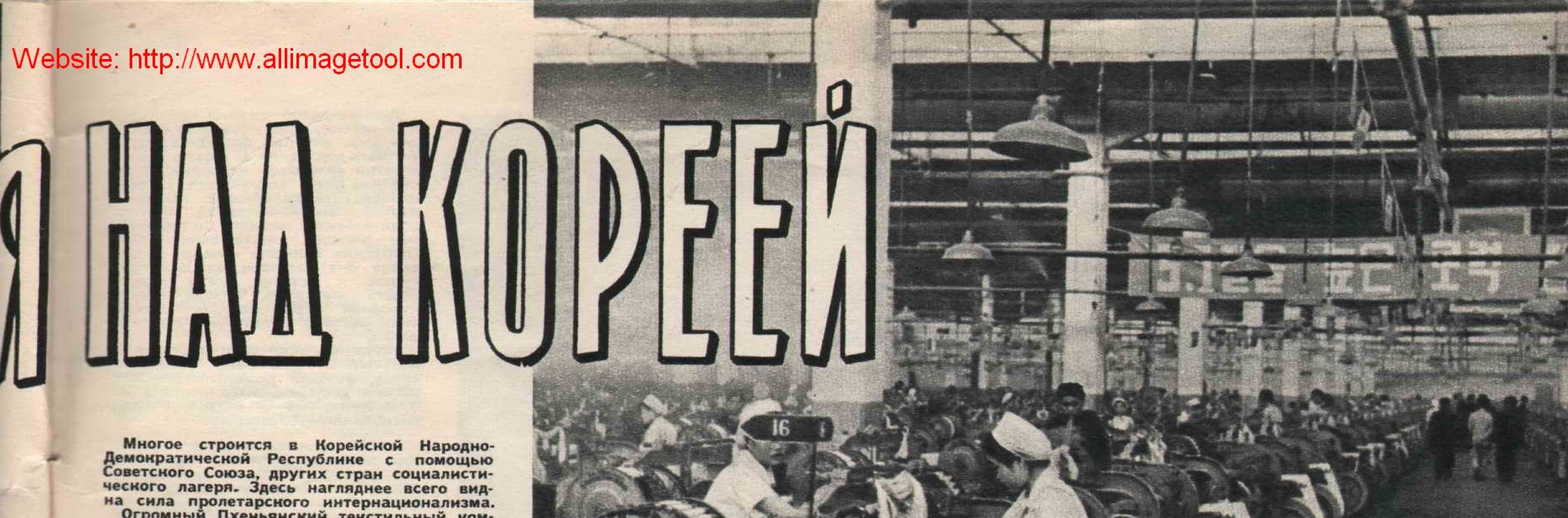
Посмотрите на снимок. На улице Сеула мать с ребенком ждет подаяний. Стоит ли комментировать этот жестокий документ?! А таких несчастных семей в Южной Корее миллионы.

А рядом снимок, сделанный в городе Пхеньяне. Сравните эти два снимка: это две судьбы одной страны.

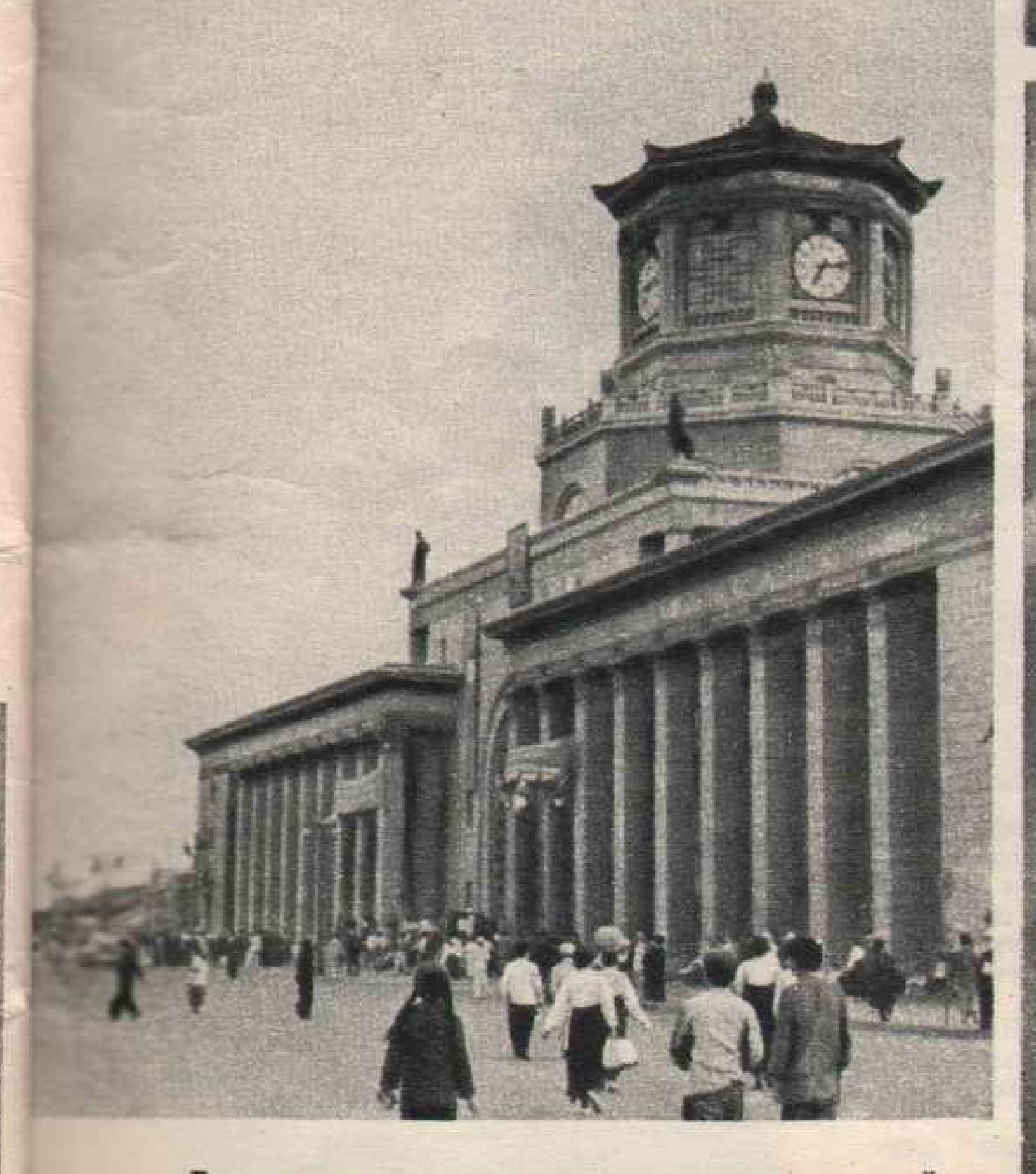

Я НАД КОРЕЕЙ

Многое строится в Корейской Народно-Демократической Республике с помощью Советского Союза, других стран социалистического лагеря. Здесь нагляднее всего видна сила пролетарского интернационализма.

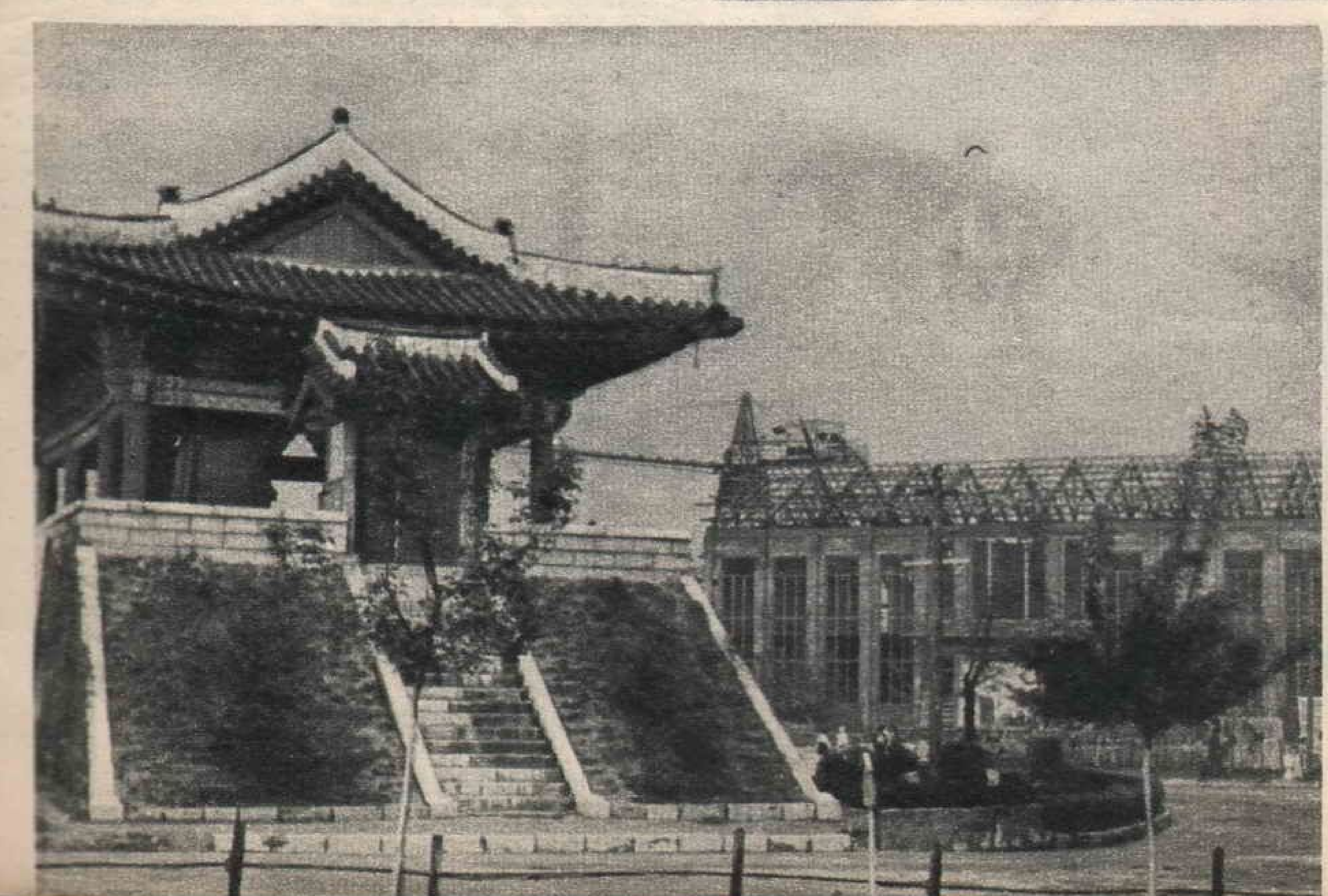
Огромный Пхеньянский текстильный комбинат, Хыннамский комбинат химических удобрений (на снимке — справа в середине — вы видите «снежные сугробы» азотной селитры) построены в счет 1,3 миллиарда рублей, безвозмездно предоставленных Советским Союзом.

Весь мир помнит, как сражался корейский народ, как поднимал он из руин города и деревни. Пхеньян был полностью разрушен... Прошло всего около шести лет, и вырос новый Пхеньян. Немало широких и светлых улиц в городе! Почти через весь город протянулся красивый проспект Сталина. Построены театры, мосты, стадионы, заканчивается строительство набережной...

В Кэсоне не забыли восстановить Восточные ворота — памятник далекой древности. Около Восточных ворот видны строительные леса. К концу года здесь откроется Дворец культуры профсоюзов.

Более 1 200 зрителей вмещает зал Дома культуры рабочих Хыннама (снимок внизу). В этом зале мы были на концерте художественной самодеятельности хыннамских предприятий. Кроме местных рабочих, в зале присутствовали делегации советских, китайских и индонезийских профсоюзов. Сольные номера, выступления танцевальных и хоровых ансамблей посвящались событиям, волнующим рабочих. Местные композиторы и поэты создали песни о лучших людях бригады Чоллима. Долго аплодировал зал рабочим, показавшим хореографическую картину о... виналионе.

Виналион — искусственное волокно, открытое корейским ученым. Виналион будет производиться на Понгунском химическом заводе. Цех уже строят.

→

Много хороших людей встречали мы в Корее, обо всех невозможно написать, но трудно и не рассказать о многих наших новых знакомых.

Ли Дяй Чен — опытный, энергичный руководитель, директор Кансенского сталелитейного завода. Его знают на многих заводах. Он рассказал нам, как в годы войны эвакуировали оборудование, как рабочие под землей готовили оружие для фронта. Теперь на его заводе около 50 инженеров, 300 техников и тысячи квалифицированных рабочих; все они корейцы. В годы японской оккупации Корея не имела своих специалистов, как не имела и своей промышленности.

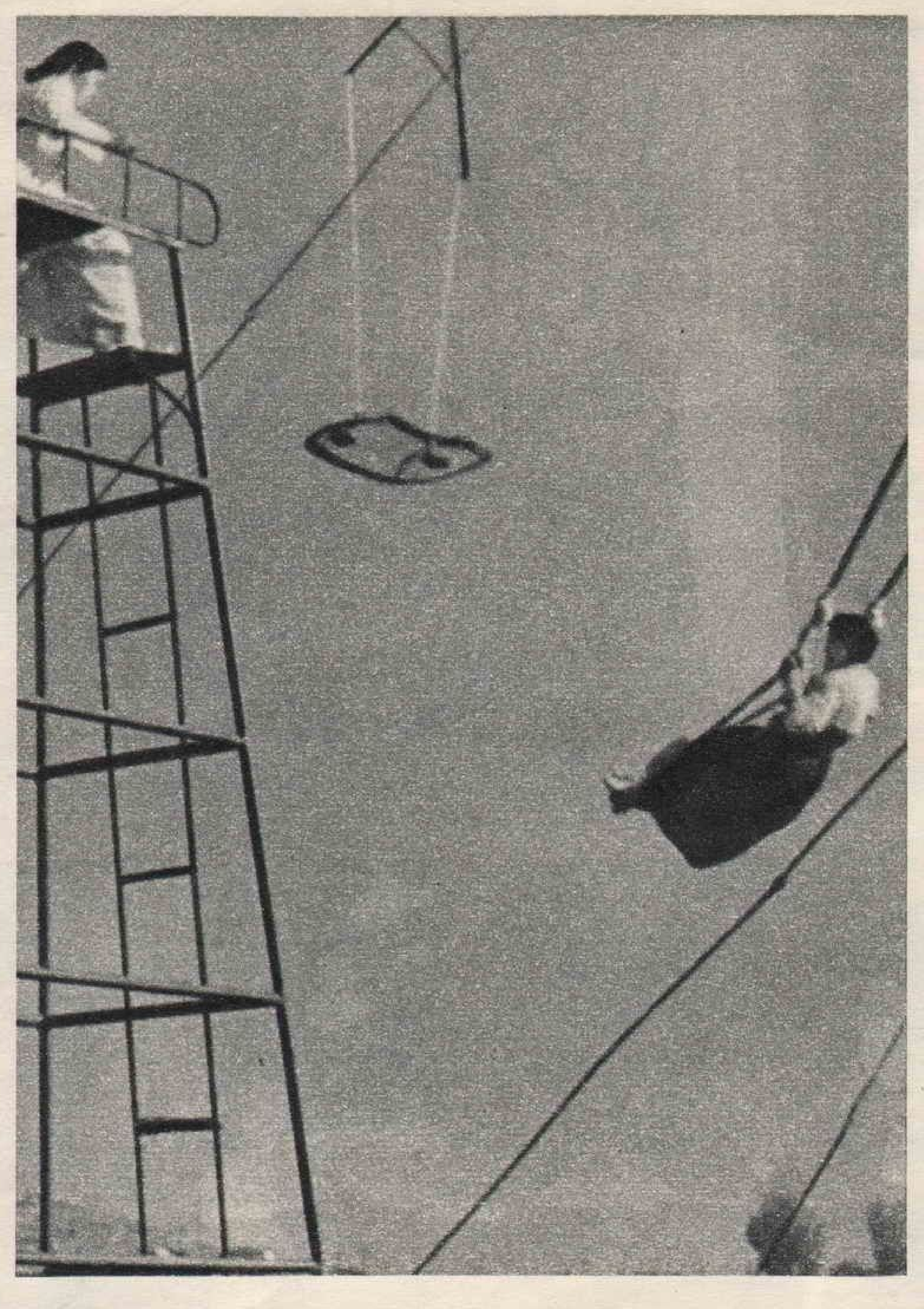

Познакомьтесь, перед вами Герой Труда ткачиха Ко Ен Сук (сейчас она работает заместителем начальника цеха Пхеньянского текстильного комбината). Уже шесть лет Ко Ен Сук носит это высокое звание. Ее любят в коллективе за общительность и трудолюбие.

Героя Труда Пэк Тен Гына, начальника мартеновского цеха металлургического комбината Хванхэ, мы увидели на его рабочем месте. О работе цеха, о лучших людях он рассказывал нам у печи «дружбы Советского Союза и Кореи», построенной корейскими и советскими инженерами. Пэк Тен Гын попросил передать горячий привет советским сталеварам.

В руке у Юн Чан Бона план строительства города Хамхына. Юн Чан Бон — архитектор города, причем архитектор, влюбленный в свое дело безгранично, преданно. Он, разумеется, молод, как и все корейские специалисты.

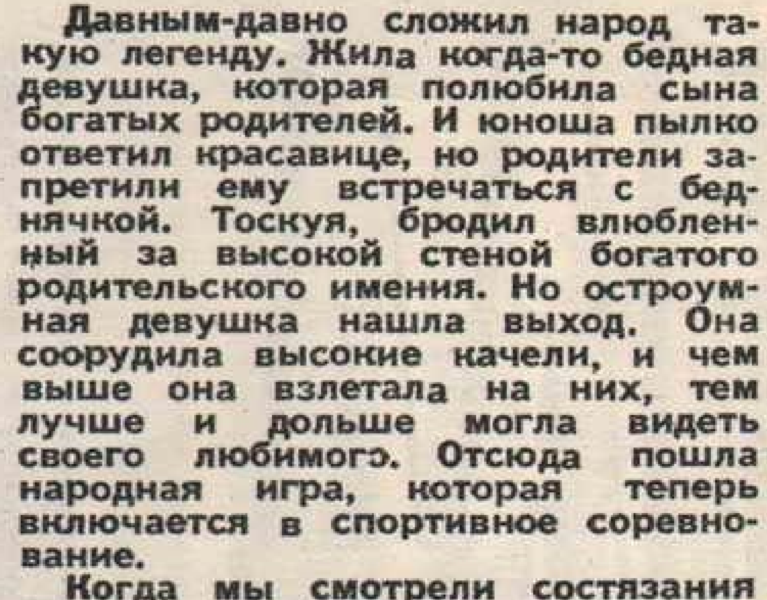
Дорогие читатели, если вы будете в Северной Корее, у вас, вероятно, возникнет то же ощущение, которое не покидало нас: кажется, что в республике живет только молодежь. На демонстрациях, спортивных играх, танцах, на массовых общественных работах — всюду вы видите веселых людей. Конечно, среди них много молодежи, но не только юные трудятся и веселятся. Таков весь народ, народ «Страны утренней свежести».

Открытые, трудолюбивые и дисциплинированные люди всегда бывают общительными и жизнерадостными. Таковы люди в Корейской Народно-Демократической Республике. В гостинице «Интурист» нам рассказывали, как дежурная по этажу недоумевала по поводу того, что некоторые иностранцы, ложась спать, почему-то закрывают на ключ двери.

— У нас к этому не привыкли,— говорила девушка.— Не было еще случая, чтобы кто-нибудь сделал неприятность нашему гостю.

В один из выходных дней эта же дежурная показала нам фотографию, запечатлевшую прыжки на доске — нелтуйги, — и посоветовала пойти на стадион полюбоваться этим интересным спортивным состязанием корейских девушек.

Посмотрите, как высоко взлетает девушка (снимок справа)! Для участницы соревнования важно не только благополучно опуститься на доску и тем самым «отправить ввысь» свою подругу, стоящую на другом конце доски. Важно проделать упражнение красиво и подольше продержаться, не сорвавшись.

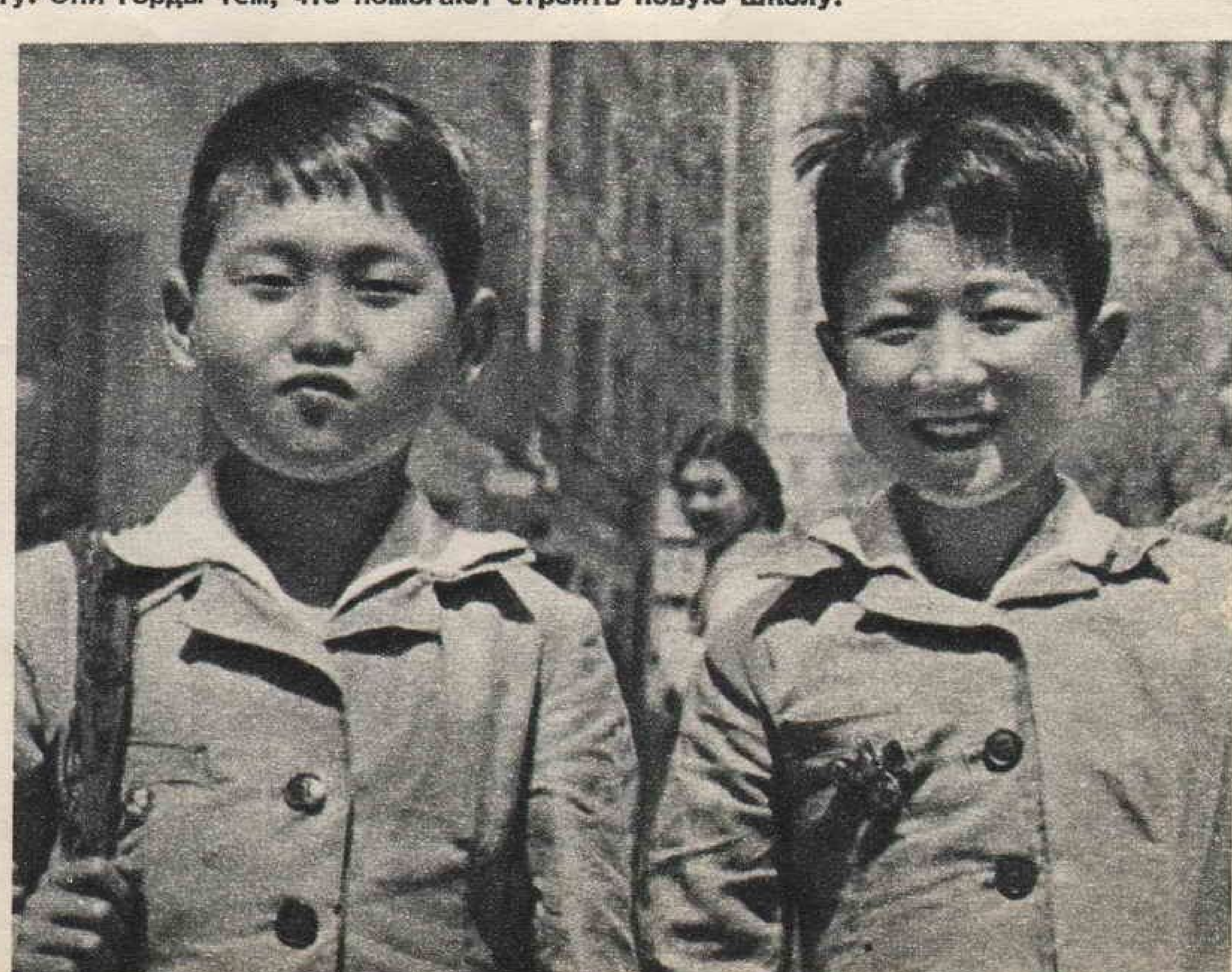
Давным-давно сложил народ такую легенду. Жила когда-то бедная девушка, которая полюбила сына богатых родителей. И юноша пылко ответил красавице, но родители запретили ему встречаться с бедначкой. Тоскуя, бродил влюбленный за высокой стеной богатого родительского имения. Но остроумная девушка нашла выход. Она соорудила высокие качели, и чем выше она взлетала на них, тем лучше и дольше могла видеть своего любимого. Отсюда пошла народная игра, которая теперь включается в спортивное соревнование.

Когда мы смотрели состязания девушек на качелях, железная сетка, которой должны коснуться ногами девушки, была поднята на 6, а потом на 7 метров. Рекорд республики — 10 метров.

Много сердечных привязанностей увезли мы из Кореи, но, должен признаться, особенно пылко мы влюбились в корейских ребятишек. Они с радостью помогают взрослым в поле. Прямо из школы, вооружившись лопатами, отправляются на работу. Они горды тем, что помогают строить новую школу.

НАРОД СПРОСИТ

Мехти ГУСЕЙН

Каждый советский писатель свободен творить произведения о том, что волнует его сердце и воображение. Большие удачи советского исторического романа или драмы всегда оценивались народом и партией очень высоко. Примерами могут быть не только крупнейшие явления русской советской литературы, например, изумительные по своей художественной выразительности полотна Алексея Толстого или Юрия Тынянова, но также произведения писателей других социалистических наций, такие, как эпопея Мухтара Ауэзова «Абай» или народно-героическая драма Самеда Вургуна «Вагиф». Это образцы монументального изображения жизни народа в его многосложном, мучительном движении к свободе. История всегда с нами, и писать об этой истории — право каждого писателя, думающего о судьбах своего народа.

Но мне хочется говорить о том, как важна для подлинного художника именно современность — та новая история великих завоеваний, которая по своему значению несравненно выше и богаче и которая делается трудом миллионов людей перед нашими глазами. Я не могу представить себе современного поэта или романиста, который своими мыслями и чувствами не связан со своим народом, с его настоящей живой историей. Мне непонятна теория дистанции. Если обратиться к великим нашим предшественникам, то приходится отметить, что они не спорили о том, следует ли подождать, пока легче станет осмысливать то или иное явление в жизни общества. Наши лучшие предшественники творили совершенно «оперативно», то есть по горячим следам событий, иногда даже опережая свое время.

«Современность — главная тема!» — говорим мы. В обращении писателей к проблемам современности наш Третий съезд явился большим шагом вперед не только в истории многонациональной советской литературы, но и всей революционной литературы мира. А речь на съезде большого друга советской литературы Никиты Сергеевича Хрущева стала документом исторической важности, определяющим путь сложных и вдохновенных творческих поисков в период великого семилетия. Устами Н. С. Хрущева говорила с нами наша родная ленинская партия.

Величайшее счастье советских литераторов заключается в том, что на всех важнейших поворотных этапах развития советского общества партия приходит им на помощь, как друг проявляет о них заботу, обогащает художников слова новыми идеями, вооружает их неиссякаемым вдохновением (я не боюсь ставить в один ряд слова «вооружение» и «вдохновение», ибо советский писатель прежде всего боец).

Раз мы бойцы, то мы должны находиться всегда на передовых линиях огня, должны разведывать и искать, отдавая себя без остатка воспеванию нашего современника. Для этого мы должны объединить все свои силы. Я не возражаю против того, чтобы каждый советский литератор держал ответ за себя. Но достаточно ли этого? Вряд ли. Нужно, чтобы каждый писатель нес ответственность за судьбы товарищей, всей многонациональной советской литературы.

Ныне на мировую прогрессивную литературу благотворное влияние оказывают не только Горький и Маяковский, Шолохов и Фадеев, Федин и Эренбург, но и Ауэзов и Абашидзе, Муса Джалиль и Самед Вургун. Это достигнуто благодаря содружеству наших братских литератур.

Наша жизнь развивается в острых социальных конфликтах. Большой и талантливый писатель мужественно раскрывает их, показывая сложный процесс исторического движения советского человека. Такой писатель становится смелым разведчиком, ищущим, пытливым. Тут не обойтись нам без ошибок. Помоему, это естественно. Даже лучших разведчиков иногда постигает неудача, а неудача не всегда поражение. Большую литературу можно создать, идя по трудному, непроторенному пути.

Я не могу представить себе настоящего писателя, который становится только летописцем прошлого. Такой писатель только наблюдатель, а писатель в роли наблюдателя перестает быть борцом. Какой же он советский писатель, если не идет впереди своих героев и не помогает в их исканиях и борьбе? Пример крупнейшего азербайджанского драматурга Джафара Джабарлы в этом смысле мне представляется очень показательным. Его пьеса «Яшар» рассказывает о том, как молодой инициативный советский инженер, приехав в отсталую азербайджанскую деревню, строит гидроэлектрическую станцию. Новаторский характер пьесы «Яшар» именно в том, что герой в ней выступал в труде, в той главной области, где он полнее и ярче раскрывал себя как человек новой формации. Эта пьеса была написана в начале тридцатых годов, а Мингечаурская ГЭС вступила в строй только недавно. Писатель как бы предвидел все это. Его произведение, имевшее в свое время шумный успех, с новой силой прозвучало на сцене азербайджанского театра в дни вступления в строй Мингечаурского гидроузла. Мы смело можем назвать Джабарлы писателем-разведчиком.

Активное вторжение писателя в народную жизнь требует поднять не только идейный уровень произведения, но и уровень его художественного мастерства. Эти два момента неразрывно связаны между собой, так как голое декларирование отнюдь не способствует созданию больших произведений искусства. Тут возникает ряд сложных и трудных задач, когда писатель, изучая и осмысливая современность, должен найти новые формы, соответствующие большому художественному замыслу.

Главное в нашем творчестве — партийный принцип ответственности перед народом. Каждый из нас отвечает не только за себя, но и за всю советскую литературу в целом. Перед лицом друзей, да и врагов, во всем мире мы не можем и не должны ослаблять этот испытанный метод руководства сложным литературным процессом.

Мы все обратили внимание на тон речи Н. С. Хрущева. Это был товарищеский, я бы сказал даже, интимно-дружеский тон. «Наши писатели,— говорил Никита Сергеевич,— живут жизнью народа, они много сделали и делают, имеют самых доброжелательных и любящих их читателей — советских людей. Но дела советского народа так грандиозны и так прекрасны, что если бы вы, дорогие друзья, сделали во много раз больше, чем сделано, то и этого было бы мало, чтобы показать жизнь советского народа во всем ее великом размахе, созидательном творчестве, многообразии».

Мы все восприняли эти слова как подлинное мерило нашей художественной совести, еще глубже поняли значение мудрого партийного стиля работы. Мы должны учиться этому стилю в своей работе у нашей партии.

Я, да и все мы, весь уклад нашей жизни против термина «провинция», «провинциализм». Если «ТУ-104» или «ИЛ-18» покрывают огромные расстояния в течение каких-нибудь двух — трех часов, то о какой «провинции» может идти речь? Надо решительно выступать против провинциализма в творческой работе — вот с этим я согласен. Столица литературы там, где создается по-настоящему большая современная литература. У нас нет провинции. Но у нас есть провинциальные писатели. Они есть, к сожалению, не только в Баку или Ташкенте, в Киеве или Риге, они есть и в Москве.

Размах техники, духовный рост наших людей, передовые идеи времени отбрасывают самый термин «провинция». Какие поразительные перемены! Какой огромный рост простого человека! Даже дух захватывает! Этот размах, эти масштабы нашей жизни ждут нас, писателей, зовут нас к новым творческим подвигам во имя торжества высоких идеалов коммунизма, во имя создания большой литературы нашего великого народа!

Новые имена в «Сибирских огнях»

С. ЗАЛЫГИН

Деревенские мальчишки запустили модель планера. Один из них рассказывает об этом так:

«Белая, она исчезла на фоне облаков, потом вдруг вырывалась на голубой простор,— четкая и стремительная.

Я забыл, что у нее резиновый мотор — резиновое сердце. Казалось, она никогда не приземлится, а будет вот так лететь и лететь...

Мне почудилось, что я тоже лечу следом за нею и все набираю, набираю высоту. Руки мои сами разошлись в стороны, я сделал шаг вниз по склону, потом пошел все быстрее, потом побежал, точно разгоняясь перед взлетом.

Я даже как-то ощутил близость прохладного неба...

Рядом бежали ребята, подхваченные тем же порывом.

А Толькин самолет все летел и летел, увлекая нас за собой...

...И наше детство — оно тоже летело.

И — медленнее и быстрее авиамодели.

Только не следили мы за его полетом!..»

Это конец повести «Кандаурские мальчишки» — первого прозаического произведения студента Новосибирского инженерно-строительного института Геннадия Михасенко. Она опубликована во втором и третьем номерах журнала «Сибирские огни».

Сколько же в ней тепла, в этой летописи нелегкого и все-таки светлого и радостного мальчишества! Сколько мягкого, иногда почти неприметного, но задушевного юмора! Самые обыкновенные дни, казалось бы, самые обыкновенные и однообразные, если о них говорит человек с острым глазом и чутким слухом, говорит искренне, теми самыми словами, которые одни только идут от сердца и еще от несомненного дарования, становятся днями особенными, открывают перед читателем большое в малом, увлекательное в обычном.

Если говорить формально, в повести и речь-то лишь о том, как ребята пасли овец, причем самым «выдающимся» событием является, пожалуй, убийство овечки Хромушки плохим человеком Тихоном Мезенцевым.

На самом же деле автор рассказывает о настоящей дружбе деревенских ребят, о далекой сибирской деревне на краю огромного болота, и на каждой странице вы чувствуете время — суровое военное время — и как бы воочию видите людей: деда Митрофана, тетку Граммофониху, председательницу колхоза Дарью...

Повесть «Кандаурские мальчишки» имеет свою историю.

Больше года тому назад она обсуждалась на совещании детских писателей в Новосибирске, которое проводил тогда Оргкомитет Союза писателей РСФСР. Повесть была еще рыхлой, из нее легко можно было изъять тот или иной кусок, переставить главы.

Леонид Соболев, Вл. Архангельский, Н. Устинович и другие писатели — все отметили тогда двойственное чувство, которое повесть вызывала: с одной стороны, тепло, очень точно и умно написанные строки и главы, с другой — самые элементарные просчеты в расстановке материала, непомерная растянутость некоторых частей.

Прошел год... Повесть вместе с ее автором побывала на студенческой практике в горах близ Алма-Аты, жила в палатке на берегу Обского моря, ее читали старшие товарищи из редакции «Сибирских огней». И вот она вышла в свет.

Ее прочтут теперь с интересом и взрослые и дети. Автор же повести Геннадий Михасенко заканчивает институт. Скоро он станет инженером-строителем, получит назначение на работу.

Рисунок П. Давыдова к повести «Кандаурские мальчишки».

Уже снискали себе известность «Рассказы старшины Арбузова», написанные учителем Владимиром Сапожниковым. Сквозь огонь и грохот войны мы видим чистых, светлых людей, их помыслы, ничем и никогда не омрачаемую любовь.

Вл. Сапожников решил написать очерки о людях села, об уборке урожая, и, хотя ему не нужно творческой командировки на село, хотя он сам житель сельский, его это не устраивает, он становится помощником комбайнера. Прошлое лето Вл. Сапожников плавал по Енисею, но не как турист и пассажир. Он был сначала матросом, а потом штурвальным на грузовом теплоходе. В результате в «Сибирских огнях» появились отлично написанные очерки о Енисее.

Рассказы и пьесы о детях и для детей пишут у нас, в Новосибирске, С. Омбыш-Кузнецов и Д. Иохимович; давно уже известен читателям «Знамени», «Сибирских огней» и других «толстых» журналов армейский поэт Леонид Решетников; выходит в свет вторая книга стихов Ильи Фонякова — человека одаренного, обладающего уже профессиональным мастерством.

Новые имена в «Сибирских огнях» свидетельствуют о надежном молодом резерве старейшего сибирского журнала.

Находившийся продолжительное время в СССР видный общественный и государственный деятель США А. Гарриман присутствовал на перекрытии Ангары. На снимке: начальник строительства Братской ГЭС И. И. Наймушин и А. Гарриман.

Фото В. Бирюкова.

ВЕРНУЛИСЬ РАДОСТЬ И СЧАСТЬЕ

За тенистыми деревьями прячется большое здание. Около него — машины, повозки, люди. Это больница советского Красного Креста в Аддис-Абебе, столице Эфиопии. Она основана 12 лет назад по просьбе императора Эфиопии Хайле Селассие I.

— Здесь работают опытные советские врачи,— говорит директор больницы Б. Казаков.— Они много времени уделяют профилактике заболеваний, учат эфиопов личной гигиене, уходу за детьми, делятся опытом и знаниями с медицинским персоналом из местного населения. Высокое качество лечения, применение новейших достижений советской медицины — все это завоевало больнице широкое признание населения. Мы получаем много благодарственных писем. Вот что, например, написал эфиоп Ашгуха Абте Габриель в газете «Войс оф Эфиопия»:

«...Врачи спасли меня. После четырехмесячного лечения я смог подняться и ходить. И вот в мою семью вернулись радость и счастье, и мне кажется, что я родился вновь...»

М. ГАВРИЛИН

Император Хайле Селассие I и посол СССР в Эфиопии Б. И. Караваев в больнице.

Фото врача В. Дмитриева.

Богатыри двух континентов

Итак, первое выступление американских борцов в Москве состоялось. Оно принесло удовлетворение и победителям — советским мастерам вольной борьбы, сумевшим взять верх над поистине «большим соперником»,— и, надо думать, нашим гостям, продемонстрировавшим свою недюжинную силу с той доброй мерой решимости, которая свойственна лишь знающим себе цену спортсменам.

Лучшими в советской команде были полулегковес Норик Мушегян и атлет полутяжелой весовой категории Анатолий Албул. Первый дал ошеломляющую «блицсхватку», все содержание которой заключалось в одном неотразимом снайперском броске; второй стал автором поединка, полного могучей динамики и спортивного азарта.

Двадцатичетырехлетний капрал военно-морских сил США Джерри Хоук не успел даже толком разглядеть Мушегяна. Американец почувствовал на своем плече тяжелую ладонь противника, увидел перед собой белую марлевую повязку, примявшую буйные смоляные кудри ереванца, и настойчивостью, достойной лучшей цели, пытался ее сбить, словно бы она скрывала от него соперника. И в тот самый момент, когда Хоуку это удалось сделать, он был взметен в воздух, чтобы секундой позже полететь через плечо кряжистого Мушегяна вниз. Лопатки американца скользнули по мягкому ковру. Секундомеры судей отсчитали немногим более пятидесяти секунд...

Анатолий Албул, прошлогодний победитель Кубка мира по борьбе, встретил в лице Фрэнка Розенмейера опытного, волевого и на редкость предприимчивого соперника. В команде США инженер из Сан-Франциско Розенмейер считался борцом № 1. В его ладно сбитом теле, в руках с длинными, хорошо «пролепленными» мышцами таился огромный запас энергии. Это свое «богатство» Фрэнк не расходовал зря, приберегая на тот счастливый случай, когда противник потеряет контроль над собой. Короче говоря, Розенмейер умел выжидать. Албул, однако, не позволил американцу войти в роль хозяина ковра, он вовлек Розенмейера в темпераментный силовой спор, опасными нырками в ноги лишал равновесия. Однажды Албулу удалось в красивом броске перекинуть грузного соперника через голову. Фрэнк неистово защищался, удачно контратаковал, но изменить ход и исход встречи он все же не смог.

Если Розенмейер умел выжидать и наносить ответные удары, то «Малыш» Теренс Макнэн, американский атлет легчайшего веса, блеснул мастерством атаки. Он обрушил на чемпиона СССР Юрия Замятина шквал приемов и уже в первые шесть минут схватки получил ощутимое преимущество, которое и сохранил до финального свистка.

Успех Макнэна принес американской команде единственное очко.

Остальные встречи закончились в пользу советских спортсменов: Мириана Цалкаламанидзе, Алимбега Бестаева, Вахтанга Балавадзе, Гурама Гобеджишвили, Сергея Дзарасова. Последний одержал трудную победу над американским силачом Робертом Марелла, обладателем феноменального собственного веса (136 килограммов).

И. БОРИСОВ

Сергей Дзарасов бросает на ковер Роберта Марелла.

Фото Н. Голованова.

Играет «Реймс»

Мне преподнесли значок — эмблему клуба «Стад де Реймс»: белый футбольный мяч, на котором возвышается... бутылка шампанского.

Заметив мое изумление, гости поторопились объяснить: «Реймс — столица Шампани, и мы пьем вино, как вы пьете молоко».

В этом я еще раз убедился в гостинице, увидев их обеденный стол с бутылками «Телиани» и «Мукузани». Не удивило меня и то, что в раздевалке стадиона имени С. М. Кирова за десять минут до начала матча футболисты «Реймса» играли в карты. Это делалось, видимо, для разрядки нервов.

Встреченные шумными, доверчивыми аплодисментами ленинградских зрителей, французы начали свое первое выступление слишком легко и непринужденно. Они показали образцы высокого умения подчинять мяч своей воле и, казалось, делали с ним то, что хотели. Временами видно было, как гости забывали о серьезном и опытном сопернике, а просто показывали приемы игры в футбол.

За это они поплатились тремя мячами, влетевшими в их ворота один за другим в первые же 25 минут. Только решительный характер футболистов «Зенита» заставил капитана Робера Жонке подумать о безопасности французских ворот и навел на мысль о контратаках. Но ленинградцы играли собранно и продуманно: Л. Бурчалкин постоянно создавал панику в защитном лагере «Реймса», С. Завидонов расчетливо раздавал мячи на фланги, а Р. Совейко безошибочно исполнял роль укротителя Жюста Фонтэна.

«Реймс» не нашел тихой гавани на берегах Невы и, с трудом сдерживая нежданный для себя темперамент «Зенита», проиграл.

Это, однако, не послужило уроком. В Москве, на стадионе имени В. И. Ленина, в матче с ЦСК МО, ошибки повторились. Вновь французы разыгрывали комбинации с помощью только коротких передач, показывали приемы футбола и пытались найти покой в игре.

Передвижение с мячом иной раз сменялось передачами поперек поля или рискованными пасами назад. Ничем, кроме желания снизить темп, нельзя было объяснить столь инертное поведение на поле.

У ребят из «Реймса» явно не хватало «футбольной экспансии», которую мы видели у «Рессинга», «Жиронды» и у сборной команды Франции. Ворота москвичей не были для них приманкой. В то же время защитники Жан Вендлинг и Р. Родзик беспечно передавали друг другу мяч под носом своего не очень стойкого вратаря. Наши тренеры пожимали плечами. Получался эдакий футбол для футбола, разновидность австрийской школы, показ высокой техники для зрителей. Ну что ж, москвичи были довольны и не раз награждали гостей аплодисментами. Но довольны ли были французские гости? Ведь некоторые из них походили на певца, который поет в среднем регистре, а когда пытается взять верхний, то дает «петуха»...

Французской технике, которая отличалась изяществом от экономичной и деловой техники англичан, были противопоставлены скорость, тактика длинных передач и выносливость игроков ЦСК МО.

В этом смысле состязание представляло особый интерес. И если в первой половине матча стрелка весов футбольной удачи еще колебалась из стороны в сторону, то во второй она явно склонилась к москвичам.

Линия нападения «Реймса» не клеилась. Их лидер Жюст Фонтэн был одинок. Часто он не был понят. Тонко задуманные им пасы перехватывались М. Ермолаевым. На сей раз не было его постоянного партнера Роже Пьентони, не говоря уже о Раймоне Копа, который так великолепно «сервировал» ему мячи в Стокгольме. Здесь же ждали «сервиса» от него.

Так или иначе, французы вновь проиграли. Армейцы оказались быстрее, сильнее, а иногда и проворнее. Они очень хорошо разгадали тактические слабости своих соперников и провели в их ворота три безответных мяча. Не сумели «реабилитировать» себя французы и в Тбилиси.

Все же не хотелось бы делать поспешные выводы относительно преимуществ одной тактики над другой. Кажется, что в данном случае потерпела крах не тактика короткого и среднего паса, о преимуществах которой с убежденностью рассказывал мне тренер «Реймса» Альбер Батте и которую нам посчастливилось видеть в Швеции, а лишь плохое ее исполнение, как бы черновик, не переписанный набело. Эта тактика предполагает быстроту и агрессию, но их не было, видимо, из-за утомленности французских футболистов.

Хотя победителей и не судят, все же хочется отметить, что техническое отставание армейских футболистов, особенно на фоне игры французов, бросается в глаза. И еще: слишком уж часто они вынуждали судью Э. Саара останавливать матч из-за нарушения правил игры.

Думается, что поражение французского клуба обеспечит реймским зрителям хороший футбол осенью, когда с обратным визитом туда приедут советские спортсмены.

М. МЕРЖАНОВ

Момент матча ЦСК МО — «Реймс» (Франция). Слева направо: Н. Линяев, Жюст Фонтэн, М. Ермолаев, М. Мауш и вратарь Б. Разинский.

Рассказы о новых науках

ГЕОГРАФИЯ, ПРОДОЛЖЕННАЯ В КОСМОС

И. ЗАБЕЛИН,
кандидат географических наук

На море штормит. Темные, увенчанные белыми гребнями волны вкатываются на песчаный берег, а над волнами, обгоняя их, несутся низкие дымные облака. Ветер дует порывами; насыщенный брызгами, он пролетает над дюнами, над укрывшимся за ними рыбацким поселком и с разгона влетает в густой сосновый лес; крайние сосны, исхлестанные шквалами, упруго сгибаются, шумят под его напором, а в глубине леса тихо, пахнет хвоей и вереском... Косые лучи солнца неожиданно пробиваются сквозь облака, падают на море, и озаренная солнцем чайка взмывает к небу...

Не правда ли, все просто в этой картине, все знакомо: и море, и ветер, и дюны, и облака, и чайка, и лес. Но недаром говорят, что нет ничего сложнее простоты.

...Черная пустота окружает Землю; ночью пустоту заполняют колючие, немигающие огоньки звезд, а днем нестерпимо ярким пучком лучей пылает на черном небе Солнце; его лучи освещают и раскаляют до сотни градусов мертвую, однообразную поверхность планеты, каменистую, растрескавшуюся, покрытую слоем темной пыли. Ни ветра, ни воды, ни жизни...

Так было на нашей планете четыре миллиардолетия тому назад. Что же произошло за этот огромный срок? Почему ожила мертвая пустыня и теперь вокруг нас расстилаются луга и леса, текут реки, волнуются моря и океаны, веют ветры, летают птицы?.. Очевидно, все дело в том, что верхние, озаренные Солнцем слои земного шара претерпели сложное и длительное развитие. Оно и привело к появлению на мертвой Земле воздуха, воды, а потом и жизни. И ныне у поверхности Земли взаимодействуют горные породы и растительность, почва и вода, животные и бактерии, здесь усваивается солнечная радиация, наконец, тут живем мы, люди. Вот эта часть земного шара, проделавшая сложную эволюцию, а теперь служащая вместилищем жизни, и называется биогеносферой, что в переводе означает «сфера возникновения жизни». Изучает ее физическая география.

А другие планеты? Имеют ли они биогеносферы? Сходны ли их природные условия с земными? Возможно ли их сравнительное изучение?

Мы живем в эпоху, когда человечество готовится к решительному наступлению на космос. И невольно в эти дни все мы становимся немножко астрономами, все интересуемся планетами, звездами. А перед учеными, посвятившими свою жизнь изучению природы Земли, встает и такой вопрос: пригодятся ли их «земные» знания тем, кто отправится в космические путешествия? Или на других планетах все придется начинать сначала? Смогут ли геологи, геофизики, климатологи, ботаники использовать достижения своих наук для познания ближайших планет? А география? Может ли и она быть продолжена в космос, стать астрогеографией?

...Порваны невидимые сети земного притяжения. Звездолет уходит все дальше и дальше от родной планеты. Она видна вся целиком — огромный диск в причудливых узорах из беловатых и темных полос,— и в первые минуты астронавты невольно испытывают удивление. Воображение рисовало им Землю в виде гигантского глобуса со знакомыми очертаниями материков и океанов. Но диск Земли прикрыт облаками, а темные пятна — материки — еле виднеются сквозь голубоватую дымку атмосферы. Облака все время меняют очертания, и вдруг в разрыве между ними ярко загорается золотая искра: это Солнце отразилось в океане...

Первая остановка — Луна. Выйдем из звездолета и осмотримся.

Непереносимо ярким пучком лучей пылает над нами Солнце, а в стороне от него видно другое огромное светило. Это Земля, диск которой в четыре раза больше лунного на нашем небосводе. Вокруг подымаются голые, черные скалы; освещенная поверхность их раскалена до ста градусов, а совсем рядом, в тени, в это время жгучий мороз. Ноги взрывают темную метеорную пыль, но она не взлетает вверх; вы роняете геологический молоток — ни звука. На Луне нет воздуха, и ни одна птица не смогла бы там летать, ни один звук никогда не нарушает мертвую тишину: ведь звук — это колебание воздуха вокруг нас... Странные, необычные картины, так мало похожие на земные... Но ведь и Земля была такой. Мы словно перенеслись на четыре миллиарда лет назад, к самому началу развития нашей планеты, биогеносферы на ней. Это уже интересно, это поможет понять нам, как развивалась Земля. И, значит, астрогеографу тут есть над чем поразмыслить...

Звездолет взмывает вверх, и астролетчики прокладывают новый курс — к Венере. Межпланетный корабль вошел в плотный облачный слой, окружающий планету. Вокруг звездолета белесая туманная мгла. Снижаемся. Облака остаются наверху, а под нами открывается необозримая океанская ширь. Час, второй, третий летит межпланетный корабль над океаном, и нас начинает охватывать беспокойство: вдруг правы те ученые, которые считают, что вся поверхность Венеры занята океаном? Где мы тогда приземлимся?.. Наконец нам посчастливилось найти большой остров.

Что ж, выйдем еще раз из звездолета... Низкое облачное небо висит над нами. Солнечные лучи, процеживаясь сквозь облака, теряют все краски, кроме одной, серой. Вокруг расстилается черно-бурая каменистая равнина. Частые и, должно быть, сильные дожди вымыли на поверхность кругловокие голыши; влажные, они тускло поблескивают... Мы опустились не в тропиках, но все-таки очень жарко и душно. Слабый ветерок почти не освежает. Жизни нигде не заметно, но в памяти всплывают земные картины, пасмурные июльские дни, когда вот так же тяжело дышится и каждую минуту может пойти дождь...

Да, Венера совсем не похожа на Луну. Значит, Венера развивалась подобно Земле; на ней возникла атмосфера, возникли океаны; на ней дуют ветры, идут дожди, как на Земле, текут реки, волны бьют в берега... Правда, мы не нашли жизни, но, кто знает, может быть, она еще появится или уже появилась, но живых организмов так мало, что мы могли и не заметить их... Все эти наблюдения позволяют нам заключить, что на Венере имеется биогеносфера, хотя она и не достигла земного уровня развития, что природные условия этих двух планет во многом сходны... Если бы физико-географ попал на Венеру, он нашел бы прекрасную возможность проявить свои знания, и уж, конечно, в будущем астрогеографы многое сделают для изучения этой планеты...

Такой увидят Землю будущие космонавты...

Путь к Марсу долог, и пока звездолет преодолевает космическое пространство, давайте кое-что вспомним об этой планете. В 1956 году Земля и Марс, совершая свой неизменный полет вокруг Солнца, сблизились в мировом пространстве. Марс стал самой крупной звездой на нашем небосклоне, и в безлунные осенние ночи на черной поверхности морей появилась необычная тускло-красная дорожка. Начинаясь у берега, она вела к горизонту, к созвездиям, висящим над самой водой, к большому красновато-желтому Марсу, и казалось, что если все время плыть вдоль этой дорожки, то непременно попадешь на Марс...

Сотни ученых наблюдали за Марсом в год великого противостояния. Поначалу исследования проходили очень успешно, но вдруг... тучи желтой мглы закрыли диск планеты: на Марсе начались затяжные бури, поднявшие в воздух пыль и песок. Настоящий земной суховей! Только у нас, налетев на водную преграду, он постепенно стихает. А на Марсе препон ему нет, ибо нет крупных водоемов. Будь там моря и большие озера, «золотая искра» — отраженное зеркалом воды солнце — была бы замечена наблюдателями. Но ее никому не удалось обнаружить. Поверхность Марса занята преимущественно пустыней. Правда, летом на ней появляются большие темные пятна. Ученые полагают, что пятна эти и есть участки, занятые марсианской ра-

Пенсионеры отдыхают на море

В Баку открылся летний Дом культуры пенсионеров. Расположен он на море, далеко от берега. От зеленого Приморского бульвара к нему ведут широкие деревянные мостки. Пройдя через вместительные залы, попадаешь на живописную веранду, защищенную навесами от знойного бакинского солнца. Вокруг вечнозеленые пальмы, лимонные деревья, китайские розы. Здесь в креслах и шезлонгах отдыхают пенсионеры.

В большом прохладном зале, украшенном китайскими фонариками и красочными панно,— библиотека-читальня, сцена, телевизор с большим экраном. Второй зал отведен под нарды, домино и другие игры.

Ежедневно здесь дежурят активисты-пенсионеры. С охотой и любовью ведут общественную работу бывший нефтяник А. Бабаев, старый печатник Г Никогосян, врач Г. Азуров, бывшая сотрудница гидрометеорологической службы Р. Мусабекова и многие другие.

Пенсионеры создают свои бригады в помощь охране общественного порядка, для обследования торговой сети, городского благоустройства. Они ухаживают за больными и одинокими товарищами-пенсионерами. Касса взаимопомощи в нужную минуту ссужает необходимыми средствами. Организуются катания на пароходах по Каспию. Устраиваются концерты и лекции, встречи с писателями, артистами, учеными Азербайджана, с гостями республики.

Б. КАПЛУН

Фото С. Кулишова.

«Сочи — Нанкин. 1959»

Перед нами объемистая книга в красной коленкоровой обложке с эмблемой, символизирующей нерушимую дружбу китайского и советского народов. Два иероглифа обозначают слово «Дружба». Это — название книги.

А на титульном листе читаем по-русски: «В. Наумов. Дружба. Сборник упражнений по китайскому языку. Сочи — Нанкин. 1959». Книга издана китайским книгоиздательством «Нанкин жибао».

Но при чем здесь Сочи?

В свое время в газетах рассказывалось о том, что лектор Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний В. Наумов организовал в двух сочинских средних школах кружки по изучению китайского языка. Ребята присвоили кружкам имя пятнадцатилетней китайской партизанки народной героини Лю Ху-лань и назвали себя «люхулановцами».

Автор сборника В. Наумов.
Фото В. Гуслева.

Работе кружков мешало отсутствие специального учебника. И вот В. Наумов в итоге многолетнего, кропотливого труда создал оригинальный «Сборник упражнений по китайскому языку». Он рассчитан на людей, овладевающих навыками разговорной речи. В сборнике 34 текста различной сложности и словарь для их перевода на русский язык.

Сборник получил хорошую оценку.

«Дорогой наш друг! — пишут В. Наумову работники редакции «Нанкин жибао».— Ваш сборник упражнений по китайскому языку уже вышел из печати. Пять экземпляров вашей книги наша редакция будет иметь у себя в знак нашей вечной дружбы».

И. ЗАЙЦЕВ

ОТ КРАЯ Д

Сад перед домом

Председатель правления придомного сада И. Глазов и инженер Б. Романенко осматривают первые завязи.
Фото Г. Санько.

Живет человек в рабочем поселке. Дома в нем добротные, каменные, в два этажа. И в квартирах уютно. Все, что требуется в быту, предусмотрено. А глянул в окно — сердце заныло. Голо, пыльно. Ни травинки, ни кустика...

«А не заложить ли нам коллективный сад? Если за каждой семьей закрепить несколько деревьев, можно ручаться за их сохранность. Садовничать будем не в одиночку, сообща...»

Так размышлял инженер-конструктор Борис Иванович Романенко, задержавшись после работы на обширном пустыре перед домом. В поселке Спартак, в Химках, Московской области, не одна такая пустошь. И Романенко сел за проект озеленения дворов и улиц. Все тщательно рассчитал: где клумбы разбить, а где сад с ягодниками. Проект садовода-общественника одобрил Химкинский райсовет.

Лиха беда начало! Осенью 1956 года жильцы дома № 11 по улице Расковой и № 14 по Спартаковской высыпали из квартир. Расчистили площадки, вскопали землю, вырыли ямки. И встали шеренгами молодые саженцы: полукарликовые яблони, вишня да слива, кусты крыжовника, красной и белой смородины, протянулись грядки земляники. Появились цветы: хризантемы, розы, пионы, флоксы... И даже виноградные лозы.

И все это на небольшой делянке — в пять — шесть соток.

Двадцать пять семей и столько же площадок. Но границы их условны. Никаких межевых столбов. Сплошной зеленый массив тянется вдоль улиц... Заглянули мы сюда прошлой осенью, и пахнуло на нас ароматом плодового сада. В любой квартире угощали нас сочными яблоками, душистым вареньем.

У Бориса Ивановича Романенко есть чему поучиться: не раз он выращивал рекордные урожаи яблок в заводском коллективном саду. Трижды был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, награжден почетными дипломами. Свой опыт Б. И. Романенко обобщил в книге «Скороспелый коллективный сад в Подмосковье».

— Все, что мы сделали,— говорит Борис Иванович,— доступно населению многих городов и рабочих поселков. Посмотрите вокруг. Разве мало у нас пустующих участков? Всегда рядом с домом можно найти клочок земли, чтобы посадить садовое дерево, разбить цветник. Я мечтаю увидеть улицы и площади, заводские дворы и шумные автострады в белом цвету яблонь и вишен. Как бы это украсило нашу землю!

С. НИКОЛАЕВ

стительностью. На зиму она сбрасывает листья, а весною вновь покрывается ими...

Но нам уже пора перейти к «наблюдениям». Звездолет над северным полюсом Марса. Под нами белое пространство. Грунт прикрыт тонким слоем инея и снега. Здесь еще зима, но весна идет с юга, и мы полетим ей навстречу... Белое пространство кончилось. Мы миновали полосу увлажненного тающим инеем грунта и теперь летим над умеренной зоной Марса. Вот оно, первое темное пятно. Звездолет идет на снижение. Так и есть, вокруг заросли низких, стелющихся кустарников с голубоватой листвою; она слабо шелестит под порывами марсианского ветра. А мы, впервые после долгих странствий встретившие жизнь, стоим и смотрим, как зачарованные, на маленькие кустики, на Земле показавшиеся бы нам жалкими... Солнце зашло. Погасли короткие сумерки, и сразу же стало очень холодно: ночью даже в марсианских тропиках температура падает до минус сорока градусов, а днем поднимается лишь немного выше нуля...

Но пора спуститься с небес на Землю. Наши зарисовки природы планет, пейзажные картинки соответствуют сегодняшним знаниям о Луне, Венере, Марсе... Этих знаний достаточно, чтобы сделать основной, интересующий нас вывод. Не только на Земле, но и на некоторых других планетах поверхностные слои развивались, они проделали более или менее сложную эволюцию. Биогеносферы есть, помимо Земли, на Венере и Марсе, а следовательно, возможно их сравнительное изучение. Это и составляет задачу новой науки — астрогеографии.

Каким же образом сейчас, до первых космических путешествий, физическая география может помочь астрономии в изучении природы планет?

Наукой давно установлено, что планеты солнечной системы распадаются на две группы: юпитерову и земную. Первые из них — Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун,— расположенные далеко от Солнца, резко отличаются по своим природным условиям от Земли. Это огромные газовые, преимущественно водородные, шары с очень низкой — до минус двухсот градусов — температурой. Иное дело — планеты земной группы: Меркурий, Венера, Земля с Луной, Марс. Они обладают многими общими признаками и поэтому должны в первую очередь заинтересовать астрогеографов.

Все планеты земной группы достаточно велики по размерам, хотя и значительно уступают водородным планетам-гигантам, и все они твердые, а не газовые тела. Почему это важно подчеркнуть? Маленькие небесные тела — метеоры,— лишенные внутренней энергии, пассивно отражают изменения внешних условий и поэтому не испытывают направленного развития. У небесных же тел, размером близких к Луне, появляются внутренние источники энергии, они начинают разогреваться и уже активно реагируют на изменения космических условий. Кроме того, твердое вещество обладает способностью к необратимым изменениям в процессе нагревания и остывания.

Установлено, что три планеты этой системы — Венера, Земля и Марс — развивались в одном направлении, хотя их биогеносферы и не достигли одинакового уровня развития. Но какая из трех биогеносфер изучена лучше всего? Разумеется, земная. При сравнительном изучении именно она будет служить эталоном. Изучение биогеносфер поможет нам понять процессы, приводящие к возникновению жизни в космосе.

Воздушная оболочка, вода, горные породы на соседних планетах, а на Марсе и живые организмы, находятся в непрерывном взаимодействии, оказывают друг на друга самое различное влияние. Они поглощают и изменяют солнечную радиацию, определяя в конечном итоге все процессы у поверхности планет. Но взаимо-

я ДО КРАЯ

К вопросу об аппетите...

— Как аппетит?
— Без прожова летит!

Молодая колхозница Ирина Бубок из молдавского села Куболта недавно вспомнила эту шутливую поговорку. И вот при каких обстоятельствах.

Вернувшись с полевых работ домой, Ирина вынула из печи горшок с мясом, подцепила вилкой кусок и отправила в рот. Почувствовав, что недостаточно прожеванный кусок застрял в горле, девушка перехватила вилку и тупым ее концом попробовала протолкнуть ком. Она сделала сильное глотательное движение, еще одно...

И сама себе не поверила: вилки в руке как не бывало! Проглотила! Ирина сказала о случившемся родным, но те отмахнулись, отнеслись к ее словам как к очередной шутке. Девушка легла спать, а наутро почувствовала в желудке боль. Пошла к фельдшеру. Тот тоже усомнился, но все-таки отправил девушку в Бельцы.

— Не поверила бы и я,— говорит дежурный врач второй Бельцской городской больницы З. Белова,— да рентгеновский снимок заставил поверить: упираясь тупым концом в привратник, вилка стояла стоймя во всю длину желудка.

Заведующий хирургическим отделением А. Калихман демонстрирует вилку.

Ирина Бубок вскоре после операции.
Фото А. Бочарова.

— Вот эта самая, целиком металлическая вилка,— добавляет заведующий хирургическим отделением больницы А. Калихман,— ровно двадцать сантиметров в длину и двадцать один миллиметр в наиболее широком месте. За четверть века своей хирургической практики немало извлек я всяких посторонних предметов из желудков людей. Но вилок еще никто не проглатывал. Храним ее в музее нашего хирургического отделения.

— А как чувствует себя оперированная?

— Выписалась на четырнадцатый день. Отменное здоровье, отличный аппетит!

...Увидев подъезжающую к ее хате машину и человека с фотоаппаратом, Ирина Бубок сразу догадалась, в чем дело. Сначала она никак не хотела фотографироваться, но природный юмор победил.

В. СУББОТИН

Подмосковные мотели

Вскоре на ближних подступах к Москве, там, где шоссе пересекают сооружаемую кольцевую автостраду, начнется строительство мотелей — дорожных станций технического обслуживания автомобилей.

Рисунок одного проекта, недавно утвержденного исполкомом Моссовета, дает представление о том, какими будут подмосковные мотели.

...Издалека видно нарядное двухэтажное здание с опознавательными знаками. Водитель найдет здесь все, что потребуется для ухода за машиной и кратковременного отдыха. Пока шофер принимает душ, завтракает или обедает, машину помоют, заправят горючим, наполнят бак водой, смажут части мотора. Произведут технический осмотр, а в случае надобности — и срочный мелкий ремонт.

На каждой станции будут гостиница, кафе-закусочная, парикмахерская, медпункт, почтово-телеграфное отделение с междугородной телефонной связью, магазин запасных частей.

Г. ВЛАДИМИРОВ

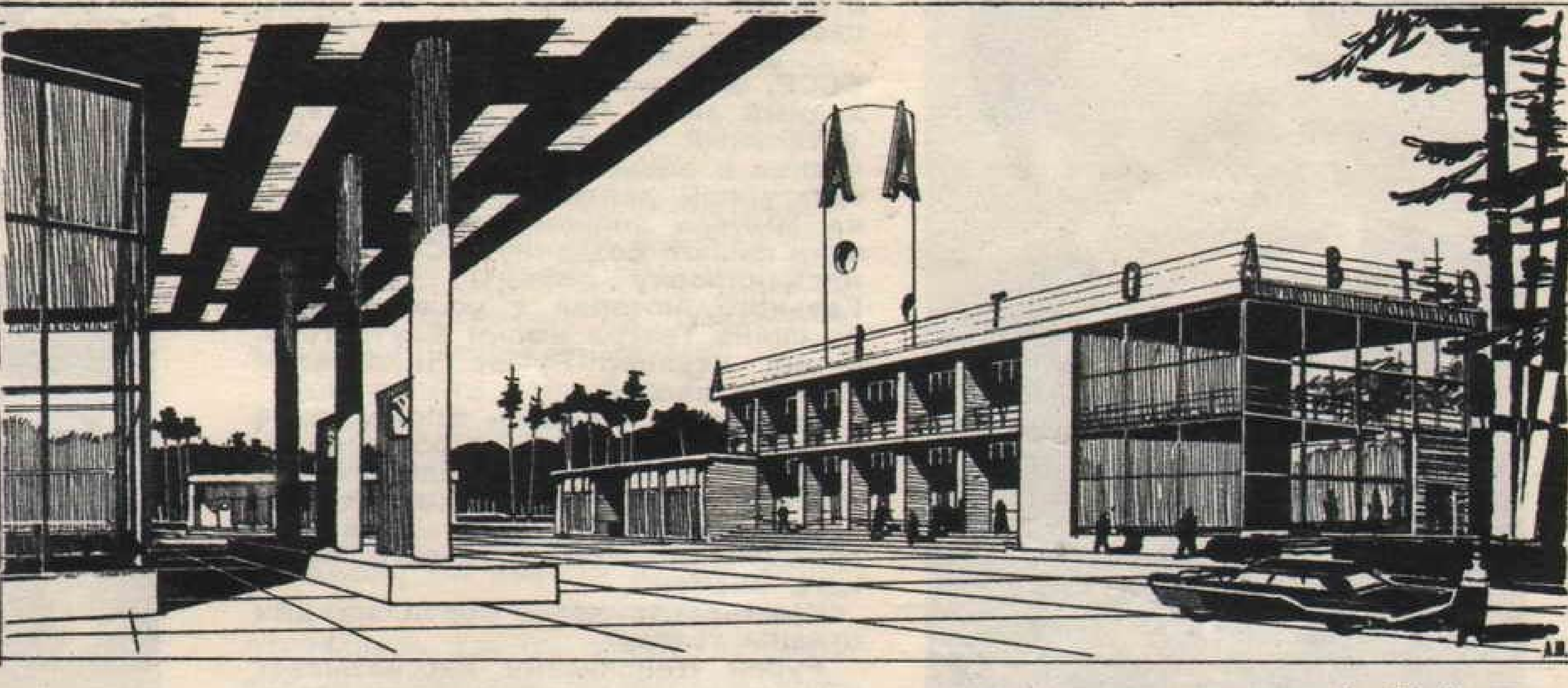

Рисунок архитектора А. Шайхета.

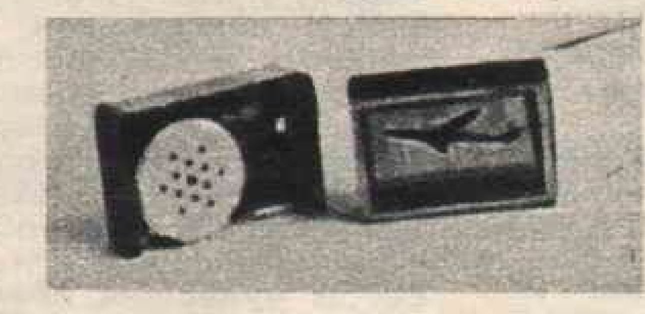
Радиоприемник в кармане

Владимир Алексеевич Чуркин задержался на работе, и начало радиорепортажа со стадиона застало его в пути. Но заядлого «болельщика» это ничуть не смутило. Идя по улице, он опустил руку в карман — и оттуда послышался знакомый голос спортивного комментатора...

Владимир Алексеевич с улыбкой показывал окружившим его изумленным ребятишкам радиоприемник размером чуть побольше обычного портсигара.

Преподаватель Белорусского института механизации сельского хозяйства В. А. Чуркин — давнишний радиолюбитель. Он занимался приемом дальних телепередач, мастерил «бытовую автоматику». Так, например, одновременно со звонком будильника у него сразу же включаются настольная лампа, радиоприемник и электрочайник. Теперь Владимир Алексеевич собирает миниатюрные громкоговорящие радиоприемники на полупроводниках. Тот приемник, который Владимир Алексеевич носит с собой, шестой по счету. Работает уже и седьмой, но он еще не имеет футляра и пока лежит дома. Этот — совсем крошечный, со спичечную коробку. Его можно носить в кармане легкого дамского платья.

В. ПОНОМАРЕВ
Фото автора.

Последний приемничек радиолюбителя рядом со спичечным коробком.

В. А. Чуркин показывает ребятам свой карманный радиоприемник.

действия и взаимовлияния такого рода уже исследованы физической географией на Земле, и без учета земных исследований природные условия на других планетах не могут быть поняты и объяснены. В частности, невозможно будет обойтись без них и при формулировании заданий приборам-автоматам, тем самым, которым первым суждено опуститься на поверхность ближайших планет...

Кроме общих проблем астрогеографии, можно привести и другие примеры «вмешательства» физической географии в сферу небесных наук.

В астрономической литературе высказывалось мнение, что жизнь в виде микроорганизмов есть и на планетах юпитеровой группы. Откуда это следует? Из того, что в атмосферах планет-гигантов содержится газ метан. Как он появился там? Его-де выделили метановые бактерии. Верно ли это мнение? Вряд ли. Метан мог образоваться и прямым синтезом элементов углерода и водорода. Не случайно же он обнаружен даже в межпланетном пространстве! Обосновать наличие жизни на планете одним простейшим органическим соединением трудно. Появление жизни — это следствие всей совокупности природных условий, развития биогеносферы. Водородные же планеты лишены биогеносфер, и, значит, жизнь там исключается.

Иное дело — Венера. Мы уже «видели», что условия там такие, при которых жизнь может возникнуть, если еще не возникла. Не исключено, что природные условия на Венере похожи на те, что были на Земле много миллионов лет назад.

На Марсе в настоящее время климат настолько суров, что присутствие жизни на нем можно объяснить одним: раньше там климат был значительно мягче, условия в целом благоприятнее, что и позволило появиться живым организмам. Допустимо предположение, что марсианская биогеносфера уже разрушается. Если это подтвердится, то ученые смогут заглянуть в бесконечно далекое будущее Земли...

Климатологам, изучающим движение воздушных масс над поверхностью земного шара, в некоторых случаях приходится строить так называемый «идеальный материк». Чередование на Земле океанов и континентов, горных систем и равнин нарушает правильность перемещения воздушных течений. А теоретический «идеальный материк», лишенный горных систем и крупных водоемов, помогает понять характер этих нарушений. Но проверить все это на опыте на Земле нельзя. Между тем такой «идеальный материк» носится по соседству с Землей в космическом пространстве: это Марс. Его поверхность гораздо ровнее земной, лишена морей и океанов, и движение воздушных масс на Марсе должно отличаться почти классической правильностью.

...Наступит день, когда не воображаемые, а настоящие межпланетные корабли, управляемые человеком, выйдут на просторы солнечной системы. На их борту, помимо многочисленных приборов, запасов продовольствия, воды и кислорода, окажется и иной, невесомый, но бесценный груз: знания ученых о своей родной планете, о Земле,— знания, которые помогут глубоко и всесторонне познать соседние планеты...

В наше время важные, подчас неожиданные открытия совершаются на «стыке» двух или нескольких наук, в смежных областях. «Земные» науки в естествознании все чаще начинают вторгаться в небесную сферу, используя свои достижения для изучения сходных с Землею планет. Уже успешно развиваются такие «звездные» науки, как астроботаника, астрогеология. Можно не сомневаться, что и астрогеографии, возникшей на стыке физической географии и астрономии, предстоит внести свой немалый вклад в познание окружающего нас мира.

Жизнь **ИСКУССТВА**

АКТЕР, РЕЖИССЕР, ДРАМАТУРГ

Мы пришли в Театр имени Вахтангова точно в назначенное нам время. Но Рубен Николаевич Симонов еще был в верхнем фойе. Шла репетиция. Тем не менее привычную дневную театральную тишину нарушали доносившиеся оттуда громкие голоса. На репетицию как будто похоже не было... Действительно, войдя в зал, мы попали на горячую дискуссию. Спор шел о судьбе двух братьев — героев будущего спектакля «Жизнь». Пьесу эту о советской интеллигенции ставит главный режиссер театра Р. Н. Симонов. Он же автор пьесы.

Р. Н. Симонов, народный артист СССР, широко известен как превосходный актер театра и кино, замечательный постановщик драматических и оперных спектаклей. С литературной деятельностью Симонова зритель знаком меньше. Москвичи знают созданную Симоновым инсценировку «Фомы Гордеева» Горького, которая с успехом идет на сцене Театра имени Вахтангова. И вот недавно Рубен Николаевич написал пьесу.

Репетиции «Жизни» проходили в те самые дни, когда за большие заслуги в области театрального искусства Р. Н. Симонов в связи с его шестидесятилетием был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Шестьдесят лет... Сорок из них отданы театру.

Рубен Николаевич рассказывает нам свою творческую биографию.

— Еще в детстве я полюбил волшебный мир театра и музыки,— говорит Р. Н. Симонов,— с десяти лет посещал театр. В девятнадцатом году поступил в так называемую шаляпинскую студию. Здесь бывали Горький, Луначарский, Шаляпин. На занятиях мы, студийцы, придумывали этюды на различные темы, импровизировали небольшие сценки. Однажды в одном из этюдов вместе с нами принял участие Шаляпин. Это был рассказ о том, как провинциальный помещик приезжает в Москву и выбирает учителей для своих детей. Я изображал учителя танцев. На сцене я впервые выступил в популярной тогда пьесе «Революционная свадьба» и очень волновался, особенно когда увидел в зале Евгения Багратионовича Вахтангова с учениками. По окончании спектакля я узнал, что Вахтангов сказал обо мне: «Из него выйдет актер».

В 1920 году Р. Симонова приняли в студию Вахтангова, которая впоследствии стала Государственным академическим театром имени Вахтангова. Более двадцати лет Рубен Николаевич — главный режиссер этого театра. Много спектаклей поставил он здесь.

Подлинным событием в театральной жизни страны был спектакль, поставленный Р. Симоновым по пьесе Николая Погодина «Человек с ружьем». В этом спектакле образ Ленина был воплощен народным артистом СССР Б. Щукиным.

Рубен Николаевич создал великолепную галерею актерских сценических образов. Среди них Хлестаков, Костя-капитан из пьесы Погодина «Аристократы», Бенедикт из комедии Шекспира «Много шума из ничего», Сирано де Бержерак из одноименной комедии Э. Ростана. Одна из последних работ актера — Доменико в пьесе Эдуардо де Филиппо «Филумена Мартурано».

Симонов — профессор по классу актерско-режиссерского мастерства. Его учеников — а среди них уже есть заслуженные и народные артисты — можно встретить на сценах театров в самых различных уголках Советского Союза.

Ан. ФИНОГЕНОВ

В Театре имени Вахтангова на репетиции пьесы «Жизнь». На первом плане за круглым столом Р. Н. Симонов.
Фото О. Кнорринга.

Народный артист РСФСР П. И. Герага в спектакле «Тревожная ночь».
Фото В. Петрусовой.

Какой ты человек на земле?

Морозным вечером агент вражеской разведки убил талантливого ученого Мельникова... Следователь Карпов задумчиво перелистывает дело об убийстве, и в его памяти встают люди, с которыми он, разбирая это дело, столкнулся в подмосковном доме отдыха одного из научно-исследовательских институтов.

Так зритель встречается с героями новой драмы Георгия Мдивани «Тревожная ночь».

О цели и смысле жизни человека в нашем обществе размышляет автор этой пьесы, размышляет не бесстрастно, не равнодушно. Мы, зрители, являемся свидетелями и как бы участниками жарких споров, острой борьбы характеров.

Пьеса «Тревожная ночь» (режиссер О. Ремез) с подъемом сыграна актерским коллективом Театра имени Моссовета. Особенно полюбился зрителям П. Герага в роли настоящего человека, коммуниста Бондаренко.

Л. КУРБАТОВА

Здесь всегда интересно!

Уже много раз прогремели аплодисменты на самодеятельном спектакле Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». Балет подготовлен танцевальной студией, объединяющей рабочих и служащих Уралвагонзавода в Нижнем Тагиле.

Зрители, которым удается достать билеты, приходят на спектакль за полчаса до начала. Первыми, конечно, появляются самые старшие, проработавшие у станков не менее четверти века. Одежда на всех парадная. На многих мужчинах — по старому обычаю — рубашки-косоворотки, до блеска начищенные сапоги... Все очень хорошо чувствуют себя в своем чудесном новом Дворце культуры. В коллективах самодеятельности завода участвует около трех тысяч человек. Здесь всегда интересно!

Б. ПОЮРОВСКИЙ

Нижний Тагил.

Сцены из самодеятельного спектакля «Бахчисарайский фонтан». Мария — регистратор медсанчасти Л. Полякова; Зарема — техник Н. Лопатенко.

„Я один, а их много"

Фельетон

Рисунок Ю. Федорова.

Г. РЫКЛИН

Вниманию родителей: детям до 16 лет читать этот фельетон не рекомендуется.

— Почему?

Сейчас с объяснениями по этому поводу выступит специально приглашенный в редакцию крупный специалист по воспитанию подрастающего поколения.

Мы будем задавать вопросы, а он отвечать.

— Скажите, будьте добры, как ваша фамилия, имя, отчество?

— Если память мне не изменяет, меня зовут Шишлин Александр Николаевич.

— Александр Николаевич, вы обмолвились фразой: «Если память мне не изменяет». Неужели вы, сравнительно молодой человек, уже начали страдать забывчивостью? Ранний склероз, что ли?

— Вот именно! Мозги у меня стали дырявые, если можно так выразиться.

— Можно. Не удастся ли вам, Александр Николаевич, вспомнить, была ли гражданка Юринская вашей женой? Родила ли она вам сына?

— Как вы сказали: Юринская? Гм... Юринская... Неблагозвучная фамилия, не правда ли? Откровенно говоря, я не люблю засорять свою память пустяками. Вот почему в прокуратуре я отрицал, что она была моей женой. Я утверждал, что никакой Юринской за всю свою жизнь в глаза не видел. Ничего злостного с моей стороны тут не было. Просто забыл. Всего не упомнишь.

— Но вы потом вспомнили?

— Да, вспомнил. Показали мне документы, и тут я сразу признал.

— А как зовут мальчика?

— Гм... Вот память! Как-нибудь потом скажу.

— А сколько у вас было жен за последнее время?

— Несколько.

— Вы человек не мелочной. Одной меньше, одной больше. Это не суть важно. Но все-таки сколько?

— Три. Да еще одна. Итого четыре.

— А может быть, ваша дырявая память кого-нибудь упустила?

— Совершенно верно. Спасибо, что напомнили. Была еще одна. Значит, круглым счетом полдесятка.

— Не можете ли назвать их?

— Могу. Сутяжницы.

— Почему?

— Ножом к горлу — давай алименты. Должен ли я всем платить? Я один, а их много.

— Об алиментах потом. Назовите их фамилии.

— Это можно. Ну, Юринская. Загибаем один палец. Потом идет Метелкина. Дело было в Челябинской области. Загибаем второй палец. И еще одна в Челябинской области, не то Устроева, не то Неустроева. Фамилия не играет роли. Загибаем третий палец. В Перми была Людмила. Имя вспомнил. А фамилию—никак. Загибаем четвертый палец.

— Значит, первая остановка — Челябинск, вторая — Пермь и далее везде.

— Не мешайте, а то собьюсь со счета. Итак, сколько загнуто пальцев? Четыре. Теперь можно вполне загнуть и пятый палец — это Перепелкина. А сейчас... Постойте. Придется, видать, захватить один палец с другой руки. Сейчас у меня жена по фамилии Харламова.

— Значит, шесть?

— Вроде этого. Выходит, что я чуть не забыл теперешнюю. Вот память!

— А детей у вас сколько?

— Хотите верьте, хотите нет, не считал. Растут себе на здоровье. К чему тут бухгалтерия? Но все же кое-что помню. У Неустроевой или Устроевой трое детей от меня. У Метелкиной один ребенок, не то мальчик, не то девочка. У Юринской один. А больше не знаю. Может, еще есть. Но вспомнить не могу.

— Вы бы могли собрать конференцию своих жен.

— Мне и без конференции от них житья нет. И в суд таскали меня, и в милицию, и в прокуратуру... Давай, мол, деньги на воспитание детей. А где мне взять столько денег? Тем более, что я уже восемь лет нигде не работаю. И никакого сочувствия ни от кого не имею...

Теперь вы видите, как Шишлин толково объяснил на собственном опыте, почему этот фельетон не рекомендуется читать малолетним. Не стоит отягощать слабую детскую душу грустными рассказами о преступных отцах с дырявыми мозгами и дырявой совестью.

Здоровый мужчина, последний раз работавший в одной из пожарных частей Челябинска, скачет из одного города в другой. Охота к перемене мест появилась у него специально для того, чтобы не платить алиментов. Живет он сейчас под Москвой без прописки, восемь лет без прописки! Пасется на иждивении своей теперешней жены А. Н. Харламовой. И строчит во все инстанции слезные жалобы (обратный адрес — до востребования) о том, что его обижают, что бывшие его жены хотят получить с него алименты, а «разговор на эту тему портит нервную систему».

Мы уверены, что нервный Шишлин в конце концов сядет на скамью подсудимых.

Но до этого нам хотелось бы поговорить с ним по душам. Представьте себе, гражданин Шишлин, что вы...

Лучше я вам ничего не буду говорить, а прочту письмо.

«Недавно,—пишет нам один внезапно осчастливленный сын,— я получил из суда исполнительный лист. Из этой бумаги я понял, что у меня есть отец Михаил Соловьев, которому я почему-то должен платить алименты.

Послушайте и разберитесь, был ли Михаил Соловьев моим отцом и воспитателем или же он был моим врагом.

Когда моя мама была беременна мною, он выгнал ее из дому.

Провинилась она только тем, что отказалась делать аборт, то есть вся ее вина заключалась в том, что она хотела дать мне жизнь.

За это он начал ее бить смертным боем и в конце концов выгнал на улицу. Вскоре после моего рождения он оставил родные места и скрылся в неизвестном направлении.

Прошло некоторое время, и мать моя вместе со мной (мне тогда было четыре года) переселилась на остров Сахалин. Тут вышла замуж за доброго и чуткого человека, за Ивана Гуза, который стал для меня родным отцом, таким, каким он был для своих детей. Папа, Иван Павлович Гуз, помог мне получить высшее образование. Я женился, у меня дочь, которая очень любит Ивана Гуза и называет его «дедом», «дедусей».

Вот и скажите мне, пожалуйста, по чистой совести, чью старость я должен обеспечивать — Ивана Гуза или Михаила Соловьева? Имеет ли право Михаил Соловьев требовать от меня заботы и внимания?»

Эта история, гражданин Шишлин, касается, конечно, не только вас одного.

Эта история должна прозвучать серьезным предупреждением для тех рысистых молодчиков, для бравых кавалеров с дырявыми мозгами, которые раскидывают по белу свету своих детей и не интересуются их судьбой.

Пройдет срок — молодчик превратится в старичка. Пусть он сейчас заранее обмозгует, будет ли он иметь право требовать от покинутых им детей ласки и внимания.

Меж тем есть еще такие бойкие мафусаилы, которые на закате своих дней вдруг вспоминают, что у них где-то водятся детки. Бросили они этих деток, когда те были или в утробе матери, или несмышлеными младенцами.

А теперь детки подросли, иному «мальчугану» уже под пятьдесят. Бывшие младенцы работают, служат и получают неплохую зарплату. А посему «пущай часть своих денег отдают милому родителю, нежному отцу».

Советская общественность справедливо клеймит позором тех нравственных уродов, которые не оказывают внимания и почтения старости. Мы самым решительным образом выступаем против тех сынков и дочек, которые злостно уклоняются от помощи престарелым и подчас больным родителям.

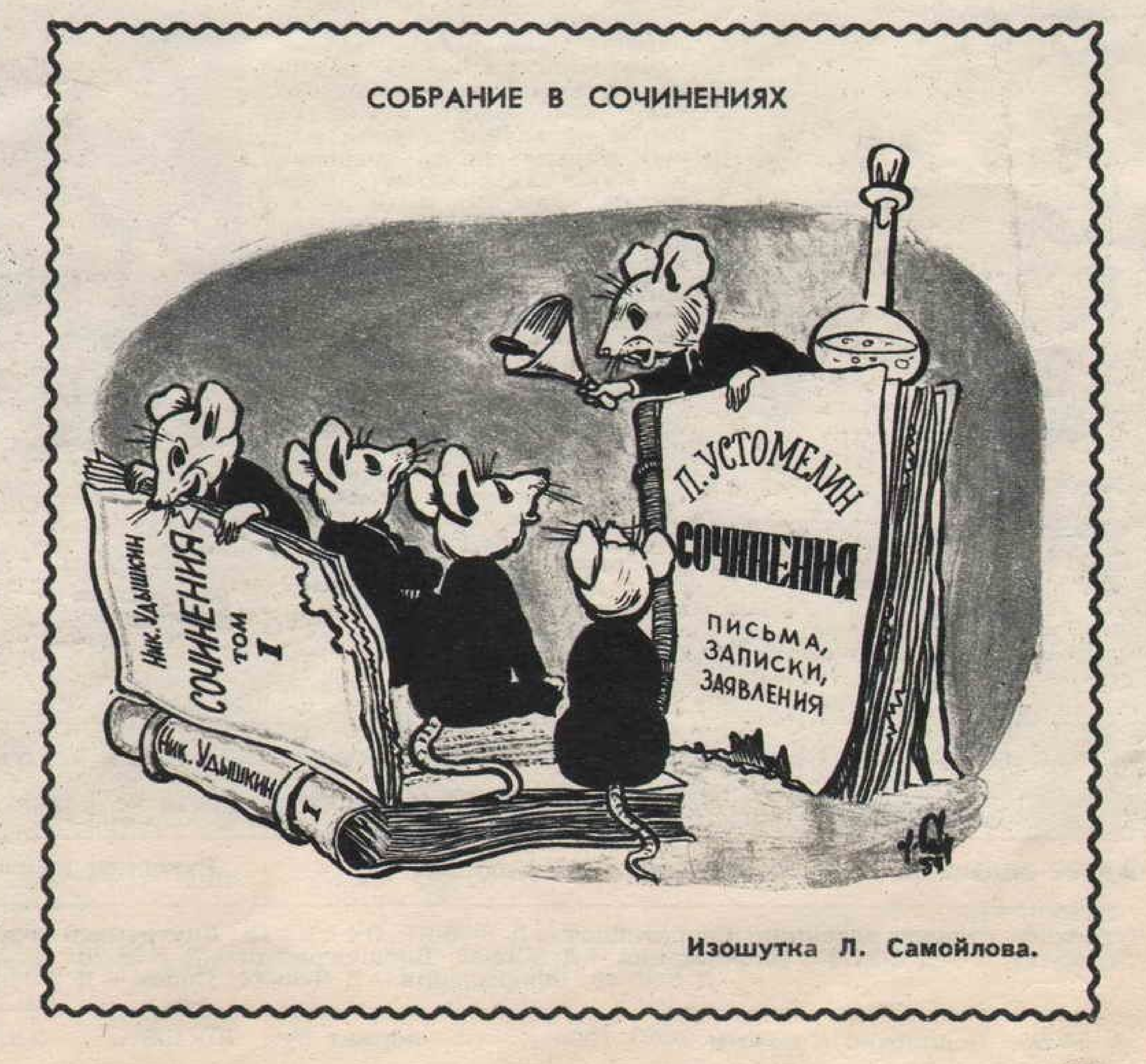
Но надо ли поощрять бывших бравых кавалеров? И пусть это будет наукой для всех тех молодчиков, которые думают, что им легко и вольно бросать своих детей на произвол судьбы, а потом воспользоваться гуманными советскими законами и настаивать на внимании и заботе.

Как по-вашему, товарищ читатель и товарищ читательница?

И как по-вашему, легкокрылый гражданин Шишлин, а?

Представьте себе, Шишлин, что прошли годы, что вы уже не лихой ухажер, а лысый и беззубый старичок. И дети, которых вы знать не хотели, не захотят вас знать. Дело не в деньгах, а в добром слове, в теплом чувстве, во внимании на старости лет, когда так тяготит холод и одиночество. А вы уже теперь, в зрелости, губите свою старость.

СОБРАНИЕ В СОЧИНЕНИЯХ

Изошутка Л. Самойлова.

КЛАД СЕРЕБРА

Колхозник Сергей Григорьевич Щубин, проживающий в Коношском районе, Архангельской области, копал яму для хранения картофеля и на глубине около двух метров обнаружил глиняный горшок, наполненный мелкими серебряными монетами весом в восемь килограммов.

М. ТЕТЕРИН

Село Заостровье, Архангельской области.

— Эти серебряные монетки,— сказала нашему корреспонденту научная сотрудница Государственного исторического музея Алла Сергеевна Мельникова,— относятся ко времени царствования Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова (1547—1605 годы). Достоинство каждой монетки — копейка, но это были единственные крупные деньги того времени. Поэтому клад серебряных копеек весом в восемь килограммов очень большой. Возможно, что это была казна торгового человека, который зарыл ее так глубоко на одном из путей, ведущих в Архангельск.

Концерт для лосей

Недавно пошел я на рыбалку на Волгу. Закидываю удочки, слежу за поплавками. Вдруг сзади меня раздался треск... Кто-то, тяжело ступая, приближался ко мне. «Неужели медведь?» Но моя тревога была напрасной: два лося вышли из подлеска. Затаив дыхание, я стал наблюдать. Сохатые подошли к реке, жадно потянулись к воде. Однако, поднимая массивные головы, они все же посматривали в мою сторону.

Я знал, что животные, особенно лоси, с большим вниманием слушают музыкальные звуки. Случайно захваченная губная гармошка пригодилась мне. Начал играть. И чем громче играл я, тем чаще лоси поворачивали головы по направлению ко мне, навострив свои большие уши. Наконец они перестали пить и стояли, словно высеченные из камня, до тех пор, пока я не перестал играть. Вот так случайно я дал концерт лосям на берегу реки.

Н. КАМОРИН,
действительный член Географического общества СССР.

Кинешма.

Летняя рыбалка

В 1847 году впервые появилась книга Аксакова «Записки об ужении рыбы». Сам автор вначале не придал труду большого значения, но читатель восторженно встретил книгу. В том же году была она переиздана два раза. И теперь рыболов-любитель считает непременным долгом иметь «Записки об ужении» в своей библиотечке.

Нет ничего милее и поэтичнее для рыболова, чем простая поплавочная удочка. Ее знают все. Предпочитал ее всем другим снастям и Аксаков. Вот почему и сейчас тех, кто ловит только на удочку, именуют «аксаковцами».

Интересна и такая снасть — нахлыст. Среди рыболовов она считается самой спортивной и требует большого навыка. Для насадки применяют насекомых: мух, кузнечиков. Но многие рыболовы успешно пользуются искусственной насадкой. На изготовление «мушки» идут и перышки, и слюда, и разных расцветок нитки. Из опытных рук выходят такие «бабочки» и «стрекозы», что своим видом они соблазняют самых «хитрых» рыб. И вот гибкое удилище то принимает форму буквы «О», то выпрямляется, как натянутая струна.

Между удильщиками и спиннингистами частенько бывают споры. Мы не станем выступать в качестве судей, но скажем, что в опытных руках спиннинг превращается в замечательный инструмент. Спиннинговый спорт можно сравнить с охотой. Он требует больших физических усилий, и увлекается им особенно молодежь.

«Кружки». Этот способ ловли весьма любопытен, но хлопотлив. Требуется сложное «хозяйство»: сами «кружки», лодка, бадья с живцами. И не всякий водоем может удовлетворить рыболова. Лучшими считаются озера, большие пруды и водохранилища. Некоторые рыболовы стараются «запустить» как можно больше «кружков» — до дюжины, а иногда и более. Лучше поменьше «кружков», да повнимательнее за ними присматривать.

Другие способы ловли — «дорожка», жерлица, «донка», «тюкалка» или «перетяга» — являются в какой-то степени разновидностью перечисленных приемов. Целые дни проводят рыболовы у воды и на воде. А «лес и вода — краса природы» (Аксаков).

С. МИНАЕВ

Ярославль.

Изошутка Л. Самойлова.

АВТОПОРТРЕТ.
Рис. Гр. Оганова. Баку.

В ДУПЛЕ ИВЫ

В древнем городе Переславле-Залесском, Ярославской области, на берегу реки Трубежа стоит вековая ива. В ее просторном дупле часто играют дети.

Н. АНОСОВ

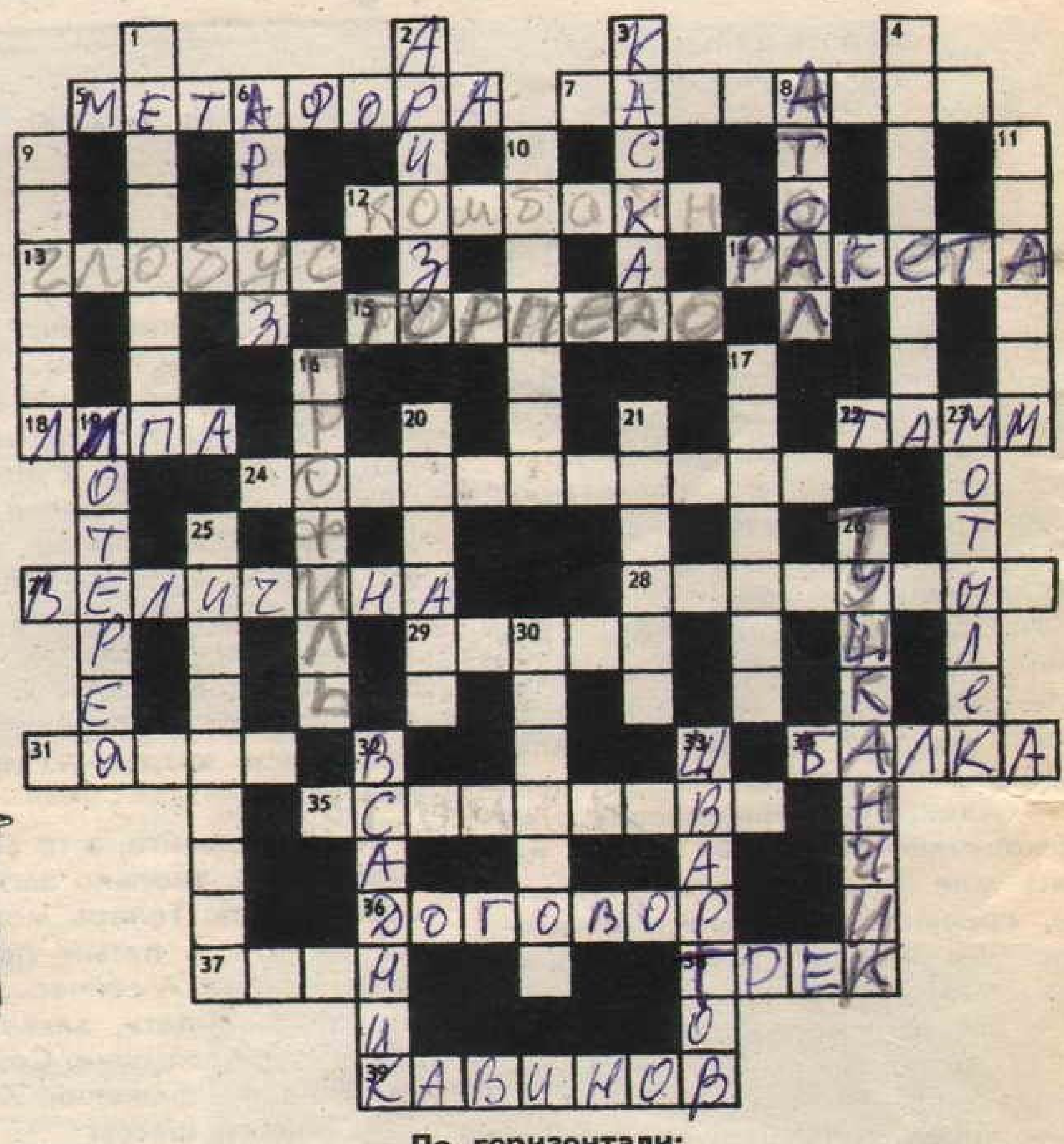
Грибы в мае

Подберезовики в конце мая я нашел недалеко от поселка Белые Берега, Брянской области. На снимке вы видите ландыши, которые росли рядом с грибами.

Р. СЕМЕНОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Образное поэтическое выражение. 7. Народная артистка СССР. 12. Уборочная машина. 13. Модель земного шара. 14. Летательный аппарат. 15. Футбольная команда. 18. Лиственное дерево, медонос. 22. Советский физик, академик. 24. Помпадур в произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина. 27. Размер, объем. 28. Инициатор создания «Окон Роста». 29. Французский просветитель. 31. Название верхнего течения Аму-Дарьи. 34. Часть сооружения, брус. 35. Советский журнал. 36. Письменное соглашение. 37. Руда для получения титана. 38. Велодром. 39. Русский ученый-китаевед XIX века.

По вертикали:

1. Подвижность. 2. Небольшое вокальное произведение. 3. Водопад, низвергающийся уступами. 4. Белорусский танец. 6. Бахчевая культура. 8. Коралловый остров. 9. Возвышенности на берегу Волги. 10. Река в Южной Африке. 11. Минеральная вода. 16. Очертание предмета сбоку. 17. Старинный киноаппарат. 19. Розыгрыш вещей, денежных сумм. 20. Порт на Каспийском море. 21. Игрушка. 23. Небольшая бабочка. 25. Крученая пряжа из хлопка. 26. Степной грызун. 30. Звуковой сигнал. 32. Наездник. 33. Корабельный трос.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

5. Рахметов. 7. Скумбрия. 9. Ахшарумов. 10. «Садко». 11. Автор. 12. Прянишников. 16. Сходня. 19. Эскорт. 20. Отливка. 21. Прототип. 22. Халцедон. 24. Пуловер. 25. Судеты. 26. Скутер. 30. Аккумуляция. 31. Шторм. 33. Манеж. 34. Ярославль. 35. Колорадо. 36. Трилогия.

По вертикали:

1. Барбарис. 2. Зерно. 3. «Смена». 4. Пистолет. 6. Вихляй. 7. Скобки. 8. Орошение. 12. «Панчатантра». 13. Василевская. 14. Подгруздь. 15. Гониометр. 17. Атрибут. 18. Экзамен. 23. «Консуэло». 25. Светофор. 27. Рецензия. 28. Скерцо. 29. Оцелот. 32. «Мцыри». 33. Марля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04093. Подписано к печати 24/VI 1959 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1004. Заказ № 1427.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Вильнюс. На празднике песни и танца в Горном парке.

Фото Ю. Каценбергаса.

Цена номера 3 руб.